НЕБЫВАЛОЕ ВЪ БЫЛОМЪ, ИЛИ БЫЛОЕ ВЪ НЕБЫВАЛОМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.
КРАСНОБАИ.

Въ первый разъ я попалъ на эту знаменитую ярмарку, ходилъ, глядѣлъ, слушалъ и наблюдалъ, безъ всякаго дѣла.

Ярмарка была, какъ говорится, въ самомъ разгарѣ. Пушной товаръ и чаи шли хорошо; сбывалась и шерсть и юфть съ опойками, и даже красный товаръ. Пестрота, движенье и говоръ поражали и оглушали спокойнаго наблюдателя: дѣловому посѣтителю нѣкогда, и онъ не замѣчалъ ничего, кромѣ предмета, которымъ собственно былъ занятъ. Купцы, а въ особенности гульливые сыночки ихъ и вѣрные прикащики, съѣхались на ярмарку очень–шумно — на лихихъ ямскихъ тройкахъ подъ масть; гривы заплетены цвѣтными лентами, а какъ колокольчики запрещены, то щегольская наборная сбруя увѣшана была огромными бубенчиками; такъ они мчатся съ пѣснями и тороватымъ кошелемъ, — а поѣдутъ съ ярмарки

потише, поскромнѣе и поскупѣе. Когда счеты сведутся, когда хмѣль предпріимчивости и надеждъ на великіе барыши испарится, когда промышленое, ярмарочное изступленіе минуетъ — тогда все затихнетъ; а теперь... Прислушайтесь: тутъ въ одно слово рѣшаютъ дѣло и бьютъ по рукамъ, заключивъ торгъ тысячь на 30; а рядомъ подлѣ ссорятся за могарычи, сбывъ съ рукъ мерина съ изъянцемъ, или торгуются до устали за вязку баранокъ!

— По чемъ продаете? — Да по двадцати, а коли шестъ бѣрега не хватитъ, такъ и по 17 можно.

— Что разматрёнился, сердечный?

— Да что, братъ, плохо! заварили пива, да сталась нетёка: товаръ съ рукъ не йдетъ!

— А намъ лишь бы мѣрку снять, да задатокъ взять... а ты чего орешь? Нахрапомъ, что ли возьмешь?

— Не тронь его; вишь не хватаетъ легкихъ, такъ заговорилъ печенкой.

— А, Филиппъ Ивановичъ! каково васъ Господь перевертываетъ?

— Красцмно, родимый мой, красцмно (краснлъ). — Это Суздалецъ!

— А онъ у васъ чьихъ былъ? — Да Телятиныхъ. — Это Сибиряки!

— Чтѣ дядя! дядя за племянника не отвѣтчикъ; да опричъ–того у него дядя проварился на сахарѣ весь... а ужь я ему улью щей на ложку, я ему всучу щетинку.

— Сами брали по 98, видитъ Богъ по 98; — ну, коли все возьмешь, бери по 96, два рубля убытка! Вотъ за–боль правда!

Это, видно, Олончанинъ, — его божба.

Тутъ два ремонтёра идутъ; — тутъ городецкіе крестьяне съ пудовыми пряниками; Вязниковцы съ деревянной посудой; Лысковцы съ сережками; Павловцы съ ножами... *Мейве*, промолвилъ гдѣ–то въ сторонѣ Жидъ своему брату, то–есть: «остерегись, этотъ баринъ говоритъ по–нѣмецки»; — *трущи прохандорили* — «солдаты прошли» — послышалось изъ рѣчи ходебщика или афена села Сивкова... Цыганъ кричитъ: *сауэмастя керу?* «какой масти конь?» — *Строкатю,* пѣгій... *Ны бушъ карабъ турасызъ?* — Чего зѣваете, кричитъ касимовскій прикащикъ; — Мордва, Хивинцы, Итальянцы, Чуваши, Греки, Черемисы, Нѣмцы, Бухарцы, Французы, Калмыки — все шумитъ, кричитъ, жужжитъ — и весь говоръ этотъ сливается съ говоромъ русскимъ и имъ покрывается. Недѣли черезъ двѣ, все замолкнетъ, будетъ пусто; во всѣхъ окнахъ, днемъ и ночью, станутъ мелькать бороды, двѣ руки и счеты — съ костей, да на

кости, щелкотня по всѣмъ угламъ. А тамъ и это утихнетъ; товаръ увязанъ, уложенъ — потянулись безконечные обозы во всѣ четыре стороны, кочевая орда поднялась, городъ опустѣлъ — а веселые, тороватые прикащики не знать куда дѣвались: на обратномъ пути не видать ни одного, кромѣ двухъ–трехъ, которые кутятъ не въ свою голову — да и то съ отчаянья!

Назѣвавшись вдоволь, уставъ и проголодавшись, я напередъ всего зашелъ въ гостинницу, гдѣ, вопреки ожиданія, по случаю ярмарки, поѣлъ сытно, и отдѣлавшись отъ какого–то страннаго человѣка, который былъ, казалось, не пьянъ, а придирался ко всякому, — пошелъ домой. Этотъ странный и непонятный человѣкъ надоѣлъ до нестерпимости хозяину и прислугѣ въ гостинницѣ; но они боялись его, увѣряя, что его уже знаютъ вездѣ и что на него–де нѣтъ суда: онъ изъ благородныхъ, называетъ себя разными храбрыми чинами и никого знать не хочетъ. За это его всюду поятъ и кормятъ въ долгъ и денегъ никогда не спрашиваютъ — лишь бы ушелъ.

Временной домъ мой или жилье были у отставнаго чиновника, у котораго я останавливался уже и прежде проѣздомъ, но не въ ярмарочную пору. Только съ трудомъ досталъ я себѣ у него уголокъ — и то пополамъ съ

незнакомыми людьми; все въ городѣ было занято, до послѣдняго хлѣва и чердака. Сначала, постояльцы не соглашались–было принять меня въ свое гнѣздо, но, поразглядѣвъ меня и пошептавшись между–собою, стали очень–привѣтливы. Хозяйство у хозяина моего, какъ я уже зналъ, было какое–то бурлацкое; все въ домѣ присыпано табакомъ и табачнымъ пепломъ; у хозяйки же, во все, за что ни возьмись, вплетаются саженные волосы. Я помню, когда проѣзжалъ зимой, что вставъ утромъ и подошедъ къ окну, я разсматривалъ съ любопытствомъ цѣлую груду разнаго добра, смерзшагося комомъ въ углу окна: тутъ были клубки шерсти и нитокъ, бумажки, гребенки, щипцы, старыя карты, помадная банка и сальные огарки. Но на сей разъ мнѣ нельзя было привередничать; не хотѣлось проѣхать не взглянувъ на ярмарку, и я радъ былъ, что нашелъ гдѣ приклонить свою голову.

Незнакомые товарищи мои были ласковы и привѣтливы; мы поздно уже сѣли всѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ за чай; общая суматоха въ городѣ отбиваетъ у всякаго сонъ; рѣчь зашла о воровствѣ и разбояхъ, и товарищи мои, какъ видно почтенные хоть не высокаго залета торговцы, и люди бывалые, стали поочередно разсказывать, что испытали въ этомъ родѣ или слышали.

ОКРУТНИКЪ.

— Хозяинъ нашъ въ тѣ поры торговалъ скотомъ — началъ длинный дѣтина, котораго товарищи называли Долгаемъ — и гоняли мы по бѣлорусскому тракту. Была уже и у меня собинка(*) и скотъ въ ту пору былъ вязный(**); такъ шли мы и ходко и весело. Тутъ–то и случилось вотъ что:

Мужикъ держалъ постоялый дворъ и прошла молва объ немъ, что онъ поразжился и что деньжонки у него есть. Жилъ онъ съ хозяйкой, съ сыночкомъ, парнишкомъ годовъ десяти, да съ работникомъ, который, бывало, ночевывалъ лѣтомъ на дворѣ, оберегалъ добро, а теперь былъ усланъ въ городъ. Вотъ, подъ вечеръ подошли къ корчмѣ мужикъ съ бабой, и баба та больная, черезъ великую силу ноги волочитъ. Подошли, и ну проситься Христа–ради, чтобъ пустили переночевать; захворала–де дорльгой, дойдти никуда не дойдетъ, не знаетъ какъ и быть. — Хозяинъ пустилъ. Приступаетъ что–то бабѣ къ сердцу все хуже да хуже; она себѣ охаетъ да стонетъ; ночь настала — разнемоглась баба такъ, что голосомъ взвыла. Мужикъ тужитъ, жалѣетъ, все около нея ухаживаетъ, да и хозяева

(*) Собинка, собина — собственность; та къ прикащики называютъ скотъ, который пригоняютъ вмѣстѣ съ хозяйскимъ гуртомъ, для себя.
(**) Сытый, жирный; вязь — жиръ на скотѣ.

тожь; дали они ей сперва квасу съ солью выпить, тамъ и перцовки поднесли, то, другое — нѣтъ, все то же, еще хуже. Мужикъ испугался, давай упрашивать хозяина, въ ноги ему кланяется, «я, говоритъ, на чужой сторонѣ здѣсь, никого не знаю; нѣтъ ли у васъ гдѣ знахарки близко?»

— Есть, говорятъ, недалече; версты съ двѣ всего.

— Проводи, братъ, ради–Христа, укажи; я вотъ послѣднее что есть отдамъ тебѣ!

Хозяинъ хоть и подумалъ–было, что–де ночь теперь, да покинуть дворъ опасно — однако, говоритъ, ничего дѣлать, пойдемъ; и не надо мнѣ съ тебя ничего; я хоть и наживаюсь съ вашего брата, однако крещеный человѣкъ и самъ. Пошли.

Между–тѣмъ, баба, маленько погодя, позатихла — видно отпустило; тамъ слѣзла съ палатей, а тамъ уже и къ дверямъ подошла, да дверь приперла на крючокъ; да вдругъ хозяйку хвать за глотку: «Давай деньги! я, какъ видишь, такая же баба, какъ и товарищъ мой, и ножъ у меня такой же, и не хуже его съ кѣмъ случится управлюсь; давай деньги; хозяина твоего уже нѣтъ на свѣтѣ: онъ убитъ товарищемъ моимъ на пути; не жди помощи ни отъ кого!»

Хозяйка ни жива, ни мертва, упала — говоритъ: деньги въ подпольи, въ кубышкѣ

стоятъ. — Поди, указывай, гдѣ. — «Не могу, родимый; ты придушилъ меня совсѣмъ; не привстану, хоть убей, не могу я по стремянкамъ спуститься въ подполье». — Разбойникъ засвѣтилъ лучину и взялъ съ собой парнишка хозяйскаго, чтобъ указалъ, гдѣ стоитъ кубышка, и спустился въ подполье. Хозяйка, очнувшись между–тѣмъ немного, встала, подошла къ тому мѣсту, да опустивъ западню, заперла тамъ разбойника. Тому за бѣду стало, испугался; сталъ кричать, стращать, да кинулся выламывать западню — не подъ силу: половицы толстыя, дубовыя, а намётка накинута и приткнута. Тогда, проклятый, сталъ онъ казнить мальчика, чтобъ мать не стерпѣла, да отперла; она же и сама не знаетъ, что надъ ней сталось, и сама себя не помнитъ, — только не чая спасенія отъ злодѣя, за одно ужь предалась волѣ Божіей и не отперла. Съ испугу кинуло ее въ такую дрожь, что уже не могла и приподняться и словно голова на плечахъ не своя. Видно, говоритъ, такая тебѣ, дитятко, доля. Мальчикъ въ подпольѣ сперва кричалъ — а тамъ все затихло.

Опамятовавшись немного, хозяйка заперлась кругомъ. Между–тѣмъ, другой злодѣй, убивъ на дорогѣ хозяина, воротился, да еще и съ товарищемъ. Глядятъ — все тихо, все темно и заперто. Стали высаживать окно: хозяйка

перваго, который полѣзъ, обухомъ въ лобъ — другой ушелъ. Вотъ, братцы мои, на какую бѣду мы нашли, со свѣтомъ, какъ пригнали скотъ; хозяинъ убитъ, мальчикъ зарѣзанъ, хозяйка чуть жива, одинъ разбойникъ убитый подъ окномъ, другой сидитъ въ подпольѣ!

ОШИБКА.

— Сказывали и мнѣ на Литвѣ про случай въ корчмѣ съ разбойниками — да только, братъ, конецъ былъ чуть ли не пострашнѣе еще — началъ другой товарищъ.

Корчма одинокая стояла на распутьи и сидѣлъ въ ней Жидъ съ домочадцами. Какой–то бродяга, чай непомнящій родства, понавѣдавшись разъ–другой въ корчму и поосмотрѣвшись, рѣшился сдѣлать дѣло съ товарищемъ и выждали они для этого ночь на субботу, гдѣ оставались въ корчмѣ одинъ только Жидъ съ Жидовкой, а прочіе уѣхали куда–то на сборное мѣсто, справлять по–ихнему шабашъ. Вломившись въ корчму, они насилу доискались Жида, который со страха подлѣзъ подъ лавку; покуда справились съ нимъ да его придушили, Жидовка въ–потьмахъ успѣла выскочить и молча бѣжала. Разбойники провозились еще, покуда обшарили всѣ углы, чтобъ найдти хозяйку, которой не замѣтили, да чтобъ изъ осторожности увѣриться, нѣтъ ли еще кого — а за тѣмъ и стали–было

выбивать дно у большаго сундука, который стоялъ у Жида на колесахъ подлѣ кровати. Вдругъ слышатъ стукъ по дорогѣ — глядь: подъѣхала дорожная коляска. Дѣло было къ разсвѣту, чуть только стала заниматься заря, и къ корчмѣ подъѣхалъ помѣщикъ, чтобъ съ просонья закурить трубку. Онъ выѣхалъ спокойно съ вечера, продремалъ ночь, къ утру пахнўлъ, видно, на него свѣжій вѣтерокъ, захотѣлъ трубки, а огня съ собой не случилось. Посылаетъ онъ человѣка своего закурить трубку; тотъ только въ дверь, а одинъ изъ разбойниковъ, чтобъ не поймали ихъ, уже стерегъ его, да обухомъ въ лобъ. Этотъ свалился безъ слова. Помѣщикъ ждетъ; все тихо; человѣка нѣтъ. Зоветъ его, кричитъ — никто не отзывается; поди, говоритъ онъ кучеру, слѣзь, да погляди, въ землю что ли онъ провалился, да вытолкай его въ шею!

Пошелъ кучеръ — и съ нимъ то же; только-что растворилъ двери изъ сѣней въ покой, какъ сгорѣлъ съ ногъ и замолкъ. Все тихо опять, все молчитъ — помѣщикъ ждетъ-не-дождется; наконецъ видитъ, что-то это не даромъ, что-нибудь да есть тутъ; ударъ обухомъ онъ на этотъ разъ слышалъ и сталъ догадываться. Взявъ двуствольное ружье, сталъ онъ заходить осторожно отъ окна; тутъ увидалъ онъ все: Жидъ

убитый лежитъ среди корчмы, двое людей, слуга и кучеръ, растянулись поперегъ порога, а подлѣ косяка притаившись стоитъ человѣкъ съ топоромъ въ рукахъ и поглядываетъ въ двери. Помѣщикъ, недолго думавъ, приложился и убилъ злодѣя на повалъ; другой, выбравшись уже въ сѣни, выскочилъ черезъ дворъ и пропалъ, скатившись подъ гору въ лѣсъ. Лошади, испугавшись выстрѣла и притомъ безъ кучера, понеслись. Помѣщикъ обошелъ кругомъ всю корчму, заглядывалъ въ окна, кричалъ, звалъ — никто не откликается; наконецъ онъ рѣшился войдти, посмотрѣть, не живъ ли кто изъ людей его, и стоялъ въ раздумьи среди этого побоища, одинъ живой, между четырьмя трупами, не зная въ ужасѣ, чтъ дѣлать.

Тѣмъ часомъ Еврейка, побѣжавъ безъ памяти куда навела глазами, верстахъ въ двухъ встрѣтила шедшаго по дорогѣ охотника, который къ свѣту торопился въ поле. Безъ ума, безъ памяти, безъ языка, Жидовка упала передъ нимъ и отчаянными знаками только звала его на помощь. Не понимая самъ, что сталось, но видя въ какомъ она положенiи, охотникъ шелъ поспѣшно за нею, а она бѣжала передъ нимъ, дико вскрикивая, заламывая руки и взывая знаками о помощи. Наконецъ, она его привела къ корчмѣ, указала на нее пальцемъ и упала безъ

чувствъ. Оглядѣвшись, охотникъ подошелъ осторожно, и уже приготовился на что–нибудь чрезвычайное; тишина и безлюдье, при растворенныхъ настежь дверяхъ и выломанномъ окнѣ, озадачили его; а подошедши осторожно къ этому окну и взглянувъ въ него, онъ едва не отскочилъ отъ ужаса, увидавъ весь полъ въ крови, заваленный трупами, а между ними одного только живаго человѣка, наклонившагося, съ ружьемъ въ рукахъ, надъ однимъ изъ убитыхъ. Кто бы при этомъ не счелъ бѣднаго помѣщика за убійцу и виновника этого побоища? Охотникъ въ свою очередь приложился и убилъ его на повалъ.

Итакъ, одинъ разбойникъ убитъ, другой ушелъ и пропалъ безъ вѣсти; двое людей помѣщика убиты, самъ онъ убитъ, Жидъ также, а Жидовка сошла съ ума и потеряла языкъ! Кто же теперь распутаетъ дѣло и оправдаетъ охотника? Нѣтъ ни одного свидѣтеля, никого, кто бы могъ вымолвить живое слово и разсказать дѣло; одно убійство повершено другимъ, другое третьимъ — остался въ живыхъ одинъ, и тому доведется отвѣчать за семерыхъ!

НА УБІЙЦѢ КРОВЬ.

— Мы брали третьяго–года хлѣбъ и соль въ Самарѣ, началъ третій: — такъ тамъ сказывали заѣзжіе Уфимцы вотъ что:

Украли у мужика лошадь; а тамъ, извѣстно, занимаются этимъ Татары да Башкиры. Мужикъ, знавъ, что судомъ не воротишь добра, пошелъ на сосѣднее кочевье къ Башкиру же, извѣстному мошеннику–конокраду, чтобъ сторговаться съ нимъ да выкупить свою клячу. — Трудно будетъ отъискать ее теперь, отвѣчалъ тотъ: — однако постараюсь. А что дашь? — «Три цѣлковыхъ.» — Ну, ладно, приходи черезъ день къ такому–то мѣсту, подъ горой на озерѣ, приноси деньги, да приноси вина: безъ этого нельзя. — Мужикъ хоть и зналъ, что по ихнему закону вина пить не велѣно, да ужь не сталъ напоминать, чтобъ не разсердить, а обѣщалъ все исполнить. Пришелъ; Башкиръ тутъ. — А гдѣ же лошадь? «Погоди, поспѣешь; она привязана въ лѣсу, я укажу гдѣ: давай вино.» Выпивъ, онъ зашелъ какъ–то съ тылу мужика, хватилъ его обухомъ, отобралъ три цѣлковыхъ, платье сжегъ, а тѣло стащилъ на озеро и запряталъ подальше въ камышъ. Концы въ воду.

На другой день, хозяйка убитаго мужика пріѣзжаетъ на кочевку навѣдаться, куда дѣвался мужъ ея. Тамъ никто не видалъ его и ничего объ немъ не знаетъ; она же стоитъ на своемъ, что хозяинъ ея пошелъ именно на эту кочевку, къ такому–то Башкиру, за лошадью. Дали знать въ судъ, слѣдовали, допрашивали, разбирали,

приводили къ присягѣ, — никакого толку нѣтъ; такъ и бросили.

Въ башкирской деревнѣ, отколѣ народъ вышелъ на лѣто кочевать, оставался, по обычаю, старикъ сторожемъ; а деревня была отъ кочевья верстахъ въ двадцати–пяти. Вдругъ старикъ этотъ, сторожъ, пріѣзжаетъ на кочевку и объявляетъ старшинѣ, что Башкиръ, на котораго указывала баба, точно долженъ быть убійца: у него–де въ избѣ выступила кровь. Пошла тревога; сѣли на коней, взяли съ собой и виноватаго, и поскакали на деревню. Башкирскій аулъ или зимовка, лѣтомъ настоящій пустырь: въ какомъ–нибудь захолустьи, въ оврагѣ, раскиданы избёнки, кто гдѣ вздумалъ, тамъ и поставилъ — а какъ народъ съ весны покидаетъ избы и выходитъ со скотомъ въ поле, то вся деревня бываетъ пустая, ровно чума людей передушила, и все заростаетъ коноплей и крапивой вровень съ кровлями.

Пріѣхавъ въ эту глушь верхами, стали они прокладывать себѣ дорогу къ избѣ виноватаго; ѣдутъ по дворамъ и переулкамъ въ конопляхъ, словно плывутъ: только человѣка видно по верху, да одни уши лошади выказываются. Пріѣхали; смотрятъ: у того Башкира, на нарахъ и подъ нарами, на полу, кровь стоитъ лужей. Убійца такъ былъ испуганъ этимъ, что сознался на мѣстѣ

во всемъ — но до конца не могъ понять, откуда въ пустой и запертой избѣ его взялась кровь, гдѣ ни онъ, ни другой кто не былъ ногой, и тогда–какъ трупъ убитаго оставался въ двадцати–пяти верстахъ, на озерѣ, гдѣ, по указанію виновнаго, и найденъ! Допрашивали старика, не зарѣзалъ ли кто въ порожней избѣ краденаго барана? такъ нѣтъ; никого, говоритъ, не было, во все время: я по два раза въ день обходилъ всю деревню; Богъ, говоритъ, сдѣлалъ это, потому–что на убійцѣ всегда есть кровь.

Тамъ же, продолжалъ разсказчикъ, промежь Башкиръ, случилась и другая быль, по нашей пословицѣ, что на ворѣ шапка горитъ.

Заѣхалъ въ тѣ мѣста Нижегородецъ съ косами, разъѣзжалъ и торговалъ хорошо. По староисетскому тракту, въ горахъ, разстался онъ съ прикащикомъ своимъ, послалъ его по одному пути, а самъ поѣхалъ по другому и наказалъ выѣхать въ такой–то день къ рѣчкамъ Суренямъ, чтобъ опять съѣхаться вмѣстѣ. Прикащикъ исполнилъ наказъ хозяйскій, выѣхалъ на ту дорогу, сталъ спрашивать, и, напавъ на слѣдъ хозяина, думалъ къ вечеру нагнать его; но черезъ деревню слѣдъ пропалъ, никто не видалъ мужика и не слыхалъ, чтобъ былъ въ этихъ мѣстахъ Нижегородецъ съ косами. Проискавъ хозяина сутки, прикащикъ кинулся къ исправнику: пошли

розъиски; дослѣдились до послѣдней деревни, въ которой былъ мужикъ, гдѣ ночевалъ, продавалъ косы и выѣхалъ — а далѣе никуда не пріѣзжалъ. При объискѣ нашли у того Башкира, гдѣ тотъ ночевалъ, немного крови на ременномъ поясѣ и на полѣ чапана; сколько ни запирался, а наконецъ повинился и сознался во всемъ, сказавъ, что мужикъ не даетъ ему покою ни днемъ, ни ночью, и, изрубленный на куски, гоняется за нимъ, по кускамъ: то рука, то нога, то голова. Стали съимать допросъ, и убійца разсказалъ дѣло такъ:

Увидавъ, что у крестьянина есть деньги, которыя онъ, приставъ у меня, считалъ съ вечера при мнѣ, я утромъ рано, когда онъ выѣхалъ отъ меня, сѣлъ верхомъ и догналъ его верстахъ въ десяти. Онъ дремалъ на телегѣ; а я, покинувъ лошадь свою, подошелъ тихонько и убилъ его сразу обухомъ. Затѣмъ, отобравъ у него деньги, я раздѣлъ его, засунулъ платье подъ мостикъ, трупъ стащилъ въ лѣсъ, а лошадь съ телегой своротилъ туда же. Поѣхавъ домой, я слышу за мной что–то стучитъ; оглянулся — а мужикъ гонится за мною на телегѣ! Я воротился, посмотрѣлъ — онъ лежитъ какъ лежалъ, и лошадь съ телегой стоитъ въ трущобѣ гдѣ стояла. Привязавъ ее къ дереву, я поѣхалъ; оглянулся, мужикъ опять за мной. Воротившись въ другой

разъ, я выпрягъ лошадь, а мужику отрубилъ голову; все то же — гонится за мною, только уже не въ телегѣ, а верхомъ и безъ головы. Тогда я въ третій разъ воротился, отрубилъ и лошади голову, а его искрошилъ всего на части и разбросалъ. Тутъ поскакалъ я шибко, а все слышалъ, что скачетъ кто-то за мною на кованой лошади(*). Страхъ на меня напалъ — не смѣлъ я и оглядываться; только разъ оглянулся, какъ доскакалъ уже до самой двери: мужикъ за мною — самъ безъ головы, и лошадь безъ головы, а гонится... съ той поры, куда ни погляжу — все то же; либо мужикъ безъ головы, безъ рукъ, безъ ногъ передо мной, либо лошадь бѣжитъ безъ головы — то руки и ноги, перепутанныя съ туловищемъ, лежатъ грудой на безголовой лошади, мотаются къ верху и къ низу — а лошадь несется прямо на меня; то однѣ головы въ крови, человѣчья и конская, на меня же мечутся — и нѣтъ мнѣ отъ нихъ нигдѣ покоя!

Въ-теченіе разсказовъ этихъ, собесѣдники, то тотъ, то другой на время выходили; только хозяинъ и я сидѣли неподвижно и слушали. «Такія страсти не къ ночи бы разсказывать!» отозвался наконецъ хозяинъ, у котораго рыжеватые и не курчавые, а гладкіе бакенбарды

(*) Башкиры лошадей своихъ не куютъ.

отвисли бахромкой по обѣ стороны лица, постоянно выражавшаго какое–то брюзгливое неудовольствіе и скуку. «Сохрани Богъ» прибавилъ онъ перекрестившись: «сохрани Богъ всякаго отъ такихъ оказій!»

— А здѣсь у васъ все спокойно, спросилъ я: — или тоже бываютъ такіе случаи?

— Нѣтъ, благодаря Бога, отвѣчалъ тотъ: — на–счетъ такихъ злодѣйскихъ приключеній ничего не слышно. Оно, конечно, не безъ шалостей, то–есть, иногда пошаливаютъ и у насъ, да все не то. Вотъ намедни перерѣзали какихъ–то троихъ Татаръ, да и то не наши, говорятъ, а касимовскіе; было слышно, что и купца московскаго убили, да безъ вѣсти пропалъ еще какой–то; тамъ, правда ли, нѣтъ ли, нашли, говорятъ, на Курочкиномъ–Овражкѣ цѣлую артель купцовъ, перебитыхъ да перерѣзанныхъ; а впрочемъ, не слыхать ничего. Вотъ, третьяго года, такъ былъ тутъ случай, съ кумомъ моимъ, съ Иваномъ Артемьичемъ — теперь дѣло прошлое, нечего таиться, миновало все. Онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ съ вечера въ одноконной тележкѣ въ Самсоновку, повезъ на продажу мыльца, свѣчей, да кой–чего для обиходу. Выѣхавъ на большую дорогу, глядитъ — а спасибо, что глядѣлъ въ оба, не дремалъ, а то бы уходили!.. глядитъ: два человѣка выскочили

изъ канавки и кинулись на него: одинъ лошадь ухватилъ подъ уздцы, другой прямо къ нему, на телегу. Иванъ Артемьичъ, какъ лежалъ бочкомъ, да держалъ въ рукахъ возжи, покинулъ ихъ, да ухватилъ безменъ — на счастье прямо подъ руку попался! Безменомъ–то одного мошенника хватилъ онъ въ лобъ, а другой, какъ этотъ свалился снопомъ, ушелъ. На другой день, нашли работу Ивана Артемьича на дорогѣ: бѣглый солдатъ, никто другой; а Иванъ Артемьичъ не дуракъ, человѣкъ бывалый, разсказывайте тамъ–себѣ сколько хотите, а онъ себѣ молчокъ, да и правъ. Чтъ же дѣлать; передъ Богомъ правъ и есть; а тутъ, того гляди, затаскали бы по судамъ.

— Воровства много, однакожь, и здѣсь, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, именно Долгай.

— Ужь на–счетъ воровства, сказалъ опять хозяинъ, махнувъ рукой и притворившись будто плюнулъ: — ужь на–счетъ воровства, такъ точно, что у насъ въ ярмарочное время хоть что хочешь такъ украдутъ; вотъ у сосѣда цѣпную собаку, на что ужь была злая, и ту увели, съ цѣпью совсѣмъ, даже и пробоемъ не побрезгали, и тотъ выдернули!

— Народу всякаго много, замѣтилъ со вздохомъ опять Долгай: — собьются со всѣхъ концовъ — одинъ у другаго на разумѣ не бывалъ,

не узнаешь, кто что думаетъ да гадаетъ; чуть оплошай — такъ и плюнь да махни рукой.

— А развѣ присмотру нѣтъ за этимъ, спросилъ я: — вѣдь есть же на то начальство?

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ, приподнявъ нижнюю губу еще болѣе и пригладивъ рукой бакенбарды свои, львиную гриву, къ низу: — оно таки не то, чтобъ у насъ на это запрету не было; а все лучше, какъ всякъ самъ себя оберегаетъ; пожалуй, мало того, что убытокъ на себѣ понесешь, еще по прикосновенности виноватъ будешь. Нашего брата много; за всѣми начальству не усмотрѣть...

Взглянувъ на часы, я всталъ, простился и пошелъ–было спать въ свою комнату — но, вошедши туда, ахнулъ отъ испуга, тотчасъ же воротился и объявилъ въ недоумѣніи, что чемодана моего и шкатулки нѣтъ. Трое пріѣзжихъ кинулись съ различными возгласами: «э! а? о!» къ осмотру своихъ пожитковъ; а хозяинъ, устремивъ на меня рѣзко глаза, кивнувъ отрывисто головой и притиснувъ нижнюю губу къ верхней, сказалъ только: «Вотъ оно каково! Вотъ и накликали бѣду!» проутюжилъ бакенбарды сверху внизъ, всталъ и пошелъ со вздохомъ въ мой уголокъ.

II.
МАЙДАНЩИКИ.

Ночь эта прошла для меня почти какъ ночь пытки преступника передъ казнью. До дома далеко, знакомыхъ ни души, въ карманѣ почти ни гроша. Меня ни сколько не утѣшало, что товарищи мои плакались на такую же бѣду, что ихъ постигла такая же участь; а безконечныхъ разсказовъ хозяина о многихъ подобныхъ случаяхъ я и не слушалъ. Товарищи мои принимали во мнѣ болѣе участія, въ особенности Долгай, который разспрашивалъ обо всѣхъ подробностяхъ пропажи. Успокоившись нѣсколько и осмотрѣвъ свой чуланчикъ, я убѣдился, что воръ влѣзъ въ окно, которое было отперто силою снаружи, такъ–что крючокъ былъ вырванъ изъ подоконника и висѣлъ на переплетѣ. Но когда я днемъ осмотрѣлъ все это еще разъ, то у меня невольно возникло странное подозрѣніе: на подоконникѣ остались вокругъ бывшаго крючка явные знаки долота или ножа, которымъ онъ былъ вырванъ, а снаружи этого сдѣлать было невозможно. Какъ это объяснить? А если крючокъ вырванъ снутри, то для чего же, вмѣсто того, не растворили просто окно? Тогда я оставался въ полномъ недоумѣніи на этотъ счетъ, а въ–послѣдствіи понялъ очень–ясно, что

крючокъ былъ вырванъ только для отвода подозрѣнія отъ виновныхъ.

Я сталъ просить хозяина послать за полицейскимъ, но онъ этого и слышать не хотѣлъ. «Не за тѣмъ же вы напросились ко мнѣ на квартиру, чтобъ вводить меня въ такую бѣду» сказалъ онъ: «а кромѣ вреда, никакой пользы отъ этого не будетъ». Товарищи мои вполнѣ согласились съ этимъ заключеніемъ и о своей пропажѣ никому не хотѣли объявлять. Сколько я ни спорилъ, по новости для меня этого дѣла, какъ ни казались мнѣ доводы ихъ безразсудны, но я переспорить ихъ не могъ, переслушать всѣ примѣры ихъ не хотѣлъ, а какъ я былъ въ такой крайности, что не зналъ, куда дѣваться и чтъ начать, то и пошелъ самъ заявить о пропажѣ и просить правосудія.

Тамъ, куда я пошелъ, напередъ всего заставили меня ждать безъ отвѣта и привѣта почти до полудня; потомъ возникъ домашній споръ, при которомъ я оставался спокойнымъ слушателемъ, — записывать ли показаніе мое въ книгу, или не записывать. На вопросъ: «куда его! да на чтъ его?» другой отвѣчалъ: «для порядка»; первый замѣтилъ на это, что будетъ порядокъ и безъ того, что и такъ уже порядковъ этихъ не оберешься; кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что за

настояніе мое съ меня же взяли подписку никуда не выѣзжать изъ города до окончанія дѣла.

Положеніе мое было самое непріятное. Я пошелъ въ отчаяніи пройдтись по ярмаркѣ. Тамъ я развлекся, забывшись нѣсколько, присматриваясь и прислушиваясь опять направо и налѣво.

Я гулялъ спокойно, молчаливымъ наблюдателемъ, забывъ на время горе свое и подошелъ между прочимъ къ театру, прочитать прибитое объявленіе. Какой–то господинъ горячо спорилъ у кассы, настойчиво требуя билета, и наконецъ, досадуя на неудачу свою, сказалъ: «я третій день не могу добиться билета, между–тѣмъ, какъ другіе люди достаютъ же ихъ; отъ–чего же, скажите, у васъ для моего лица никогда нѣтъ билета?» — Во–первыхъ, отвѣчалъ спокойно и вѣжливо человѣкъ за стойкой, принявъ видную осанку: — позвольте вамъ сказать, что вы не лицо, а персона; во–вторыхъ же, мы иногда принуждены отказывать въ билетахъ даже нѣкоторымъ особамъ... — Вы какъ ныньче съ квартальнымъ? спросилъ, выходя изъ харчевни, мѣщанинъ или третьей гильдіи купецъ своего товарища. «Мы? ничего» отвѣчалъ тотъ: «ровно братъ съ сестрой: шапку ему сымешь, поклонишься, а онъ тебѣ только двумя перстами честь изъ–подъ шляпы выковырива'тъ.»

— Каковы у тебя яблоки, матушка? — «Преотличныя, батюшка; возьмите: сладкія, немножко съ кваскомъ...» — То–есть, ты хочешь сказать швырковыя, или такъ–называемаго откиднаго налива? такъ острился московскій купецкій сынокъ надъ бабой съ лоткомъ яблокъ.

Прислушиваясь направо и налѣво, чтобъ размыкать горе свое, дошелъ я до безконечнаго ряда харчевень, гдѣ народъ толпился какъ о святкахъ подъ качелями, и гдѣ за углами, среди густыхъ кружковъ, подлетывали гроши и раздавалось: «копьё! р®шето!», и тутъ же сидѣли на землѣ майданщики и постукивали по доскѣ наперстками, какъ фокусники деревянными стаканчиками. Наперсточная игра эта, которою промышляютъ мошенники по ярмаркамъ, даетъ большой доходъ: кладутъ одно или два зерна подъ наперстокъ, дѣлаютъ ставки и угадываютъ, а между–тѣмъ подъ наперсткомъ является одна или двѣ горошины, по волѣ и умѣнью хозяина. Наперсточники или майданщики платятъ добрымъ людямъ оброкъ, извѣстный подъ особымъ названіемъ *наперсточныхъ* денегъ, и такимъ–образомъ промыслъ ихъ кой–какъ держится.

Но каково было изумленіе мое, когда я, остановившись отъ ничего–дѣлать въ сторонѣ сидящей и стоящей толпы, узналъ въ числѣ

наперсточниковъ своего соболѣзнователя и товарища по постою, Долгая! Не вѣря глазамъ своимъ, я протѣснился поближе и, спокойно стоя передъ нимъ, удивлялся ловкости и проворству его, краснобайству и мошеннической смышлености! Онъ выигрывалъ всѣ ставки, никому не давалъ дохнуть, сгребалъ съ доски гроши и пятаки — и за каждымъ разомъ вся толпа хохотала, всѣмъ было весело отъ поговорокъ его, кромѣ развѣ одного проигравшаго; но одинъ въ полѣ не воинъ; одинъ отходилъ грустно въ сторону, мѣсто его занималъ другой, а съ толпою Долгай оставался въ ладу и даже въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Брань сыпалась на него обильно, но не злобная, а шуточная и одобрительная.

Поглядѣвъ на все это, я какъ–будто пробудился; мнѣ казалось, что я увидѣлъ свѣтъ; я понялъ, кто меня обокралъ, и въ душѣ моей мелькнула какая–то надежда. Но какимъ образомъ приступить къ дѣлу, чтобъ не испортить его и добиться, для спасенія моего въ этомъ отчаянномъ положеніи, хотя до малой доли моей собственности, чтобъ только дотянуться какъ–нибудь домой?..

Не считая умѣстнымъ и полезнымъ тревожить Долгая въ теперешнихъ его занятіяхъ, я въ этихъ размышленіяхъ удалился молча съ

поприща майданщиковъ, и перешедши поперегъ къ красному ряду, только–что занесъ–было ногу на первую ступеньку, чтобъ вступить отъ жара подъ навѣсъ, какъ остановился въ этомъ положенiи неподвижно и забылъ на нѣсколько мгновенiй все. Въ пяти шагахъ отъ меня дѣвица въ розовой шляпкѣ одаривала толпившихся около нея крестьянскихъ дѣвушекъ перстеньками и сережками; иныя торопливо цаловали у нея руку, другихъ она сама цаловала, говорила имъ нѣсколько ласковыхъ словъ и не обращала ни на кого вниманiя, будто все это происходило не среди ярмарки, гдѣ собрались со всѣхъ концовъ сотни тысячь людей, а въ дѣтской или дѣвичей барскаго дома. Впрочемъ, не многiе и обратили вниманiе на нее; сотни толпились взадъ и впередъ, мимо; иные мелькомъ оглядывались, другiе глядѣли куда–то далеко впередъ, третьи себѣ подъ ноги и не замѣчали того, что въ сторонѣ происходило. Только тѣ же два неразлучные ремонтёра стояли тутъ же не вдалекѣ и, значительно поглядывая и улыбаясь другъ другу, по–видимому разсчитывали, нельзя ли надуть маменьку, прiѣхавъ знакомиться въ наемномъ кузовѣ и сборныхъ, отъ прiятелей, упряжи и лошадяхъ, и увѣривъ при томъ, что служа ремонтёромъ восемь лѣтъ, мы–де получаемъ отъ ремонта по сорока тысячь въ годъ

прибыли и сыплемъ деньгами, ни–по–чемъ... Маменька понадѣется, что зятекъ выкупитъ имѣніе, которое должно скоро съѣхать подъ молотокъ, а послѣ окажется, что приданаго далеко не хватаетъ на уплату долговъ и начетовъ на зятя, хотя молодая жена и разсталась уже съ подвѣсками своими, запонками и запястьями...

Но отъ–чего же я одинъ изъ всѣхъ стоялъ, будто вросъ въ плиту, не слышалъ вокругъ себя ни стогласаго говора, ни кипучей и шумной жизни и движенія, а между–тѣмъ, слышалъ какъ во мнѣ стучало сердце вслухъ и колотило въ вискахъ и въ сонныхъ жилахъ? Встрѣча эта была для меня слишкомъ–неожиданна, особенно въ эту минуту, когда я съ отчаяніемъ думалъ: не–уже–ли между этими тысячами людей нѣтъ ни одного мнѣ близкаго, знакомаго, который бы выручилъ меня изъ бѣды — а тамъ опять: да гдѣ же домъ мой? Гдѣ то, чтъ нѣкогда ласкало и миловало сердце и чтъ теперь сдѣлало меня невольнымъ изгнанникомъ?

Кому случалось бѣдовать на чужбинѣ, въ забытомъ и заброшенномъ положеніи, тотъ, вѣроятно, по–неволѣ размышлялъ объ этой непостижимой странности: о важности и значеніи случайныхъ знакомствъ. Будучи вырванъ волною жизни изъ того круга людей, съ которыми я обжился и спознался, и занесенъ въ чуждую мнѣ

толпу, я внезапно становлюсь на стеклянную скамейку и уже отдѣленъ и отрѣшенъ отъ общаго сочувствія и участія; однимъ словомъ, я чужой; почему? потому только, что случай не свелъ меня прежде ни съ кѣмъ изъ толпы этой, что я не сидѣлъ съ ними за однимъ столомъ, не стоялъ на одной половицѣ... но внезапно встрѣчаю я въ этой же толпѣ знакомое лицо, человѣка, съ которымъ видѣлся прежде, который знаетъ какъ меня зовутъ и кто я таковъ — и положеніе мое съ этого мгновенія измѣнилось; я снова вступаю въ общія права человѣчества, у меня есть ближніе, я нахожу помощь въ нуждѣ, участіе и сочувствіе!

Но конечно, все это относится не ко всякой встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго видалъ прежде и котораго знаешь! Чувство, захватившее меня врасплохъ, при взглядѣ на моихъ старыхъ знакомицъ, на мать и дочь, было смѣшанное и заключало въ себѣ болѣе испуга, по внезапности и нечаянности встрѣчи, нежели радости или удовольствія. Я только забылся на одно мгновеніе и вскорѣ опомнился. Впрочемъ, меня и не замѣтили; мать была занята, кажется, только грудой шелковыхъ и другаго рода тряпицъ, которыя торговала; а дочери ни разу не вздумалось взглянуть въ сторону, ни даже на образцовыхъ ремонтёровъ, и потому она не видала ни меня, ни ихъ. Все исчезло передо мной

какъ сонъ — въ десяти шагахъ я уже потерялъ знакомицъ своихъ изъ вида: ихъ толпой заслонило, и солнышко мое опять закатилось, и вѣроятно, навсегда! Я стоялъ на томъ же мѣстѣ, и опять въ такихъ же дуракахъ, какъ былъ, когда ступилъ на каменную плиту — обокраденный на–чисто и на–голо, бѣднякъ, безъ друга, безъ помощи, на чужбинѣ. Мнѣ теперь даже казалось глупо основать какую–нибудь надежду на открытіи своемъ, что товарищи мои мошенники и, конечно, сами меня обокрали; къ–чему мнѣ это открытіе, безъ явныхъ уликъ, безъ помощи и покровительства?...

Но видно мѣсто это, на которое я занесъ ногу безъ цѣли и намѣренія, и на которомъ все еще стоялъ въ какомъ–то недоумѣніи, было для меня роковымъ; отъ него и имъ рѣшилась на сей разъ моя участь. Еслибъ я ушелъ отсюда за полминуты ранѣе, то не знаю, куда бы я пошелъ и чтъ бы со мною сталось. Я подошелъ къ двумъ изъ числа одаренныхъ *ею* дѣвушекъ и сталъ ихъ разспрашивать, будто ничего не знаю, кто она и по какому поводу ихъ одарила. «Это новая барышня наша», отвѣчали мнѣ: «село наше было князя Ежевики–Кахетинскаго, а теперь продано вотъ этимъ господамъ; онѣ пріѣзжали смотрѣть деревню и усадьбу, прожили тамъ съ мѣсяцъ, а здѣсь барышня встрѣтила насъ, узнала, да вотъ и

пожаловала.» «Мы здѣшніе подгородные», прибавила одна бойкая рѣзвушка, которая, кажется, догадалась, что я все–таки не понималъ, какимъ–образомъ ихъ цѣлая вереница въ праздничныхъ нарядахъ попала на ярмарку.

Такъ вотъ что! подумалъ я, и проговорилъ едва не вслухъ: стало–быть, опять новый оборотъ, опять куплена деревня, и опять, вѣроятно, уже запродана, перепродана и послѣ продажи еще заложена и перезаложена, въ казну и кромѣ того въ частныя руки; а за тѣмъ еще поступила въ залогъ за подрядчика или откупщика, и все это сдѣлалось прежде, чѣмъ деньги уплачены за самую покупку?

Въ это время, я невольно взглянулъ на то самое мѣсто, гдѣ *она* стояла, раздавая щедрою рукою подарки, и бросился опрометью къ человѣку, который проходилъ по этому же мѣсту; бросился, какъ безумный, который не въ силахъ высказать своей отчаянной радости. Вижу его и теперь, будто онъ стоитъ передо мною: рослый, плотный, съ окладистою, красивою бородкою; сѣрые, большіе, стойкіе и очень–живые глаза, съ невыразимымъ оттѣнкомъ ума и добродушія; черты лица великорусскія, то–есть, довольно–правильныя, но безъ особыхъ отмѣтъ; лобъ круглый и высокій, волльсъ на головѣ, какъ самъ онъ выражался, «одно остожье» (мѣсто,

гдѣ прежде стоялъ стогъ сѣна), но и остатки были всегда благовидно и опрятно приглажены, распадаясь на обѣ стороны; обыкновенный синій, неразрѣзной кафтанъ и круглая шляпа въ рукахъ, или подъ мышкой: старику всегда было жарко, и отъ–того именно, какъ самъ онъ бывало выражался, что «душа тепла», къ чему онъ прибавлялъ шопотомъ: «я ее отогрѣваю чаемъ!»

Въ этомъ–то благолѣпномъ и отрадномъ для меня видѣ, Андрей Алексѣевичъ Ахтубинцевъ шелъ проворно по рядамъ, когда случайный взоръ мой захватилъ его на роковомъ мѣстѣ, а руки обняли не давъ ему ступить шагу. «И ты тутъ, тёзка!» молвилъ онъ: «хлѣбъ да соль тебѣ, да каша во щи! Вотъ не думано, не гадано; что, не бось, за харатейнымъ шныряешь въ тихомолку, а?» и захохоталъ. «Приходи–ка, братъ, ко мнѣ, чѣмъ тутъ баклуши бить, приходи, я тебѣ что покажу! на телятинѣ, да, на телятинѣ, и не мыши кота погребаютъ, а почище этого будетъ; приходи!»

Перекинувъ еще нѣсколько словъ, я спросилъ, гдѣ онъ живетъ, и напросился на вечеръ, а самъ, легко вздохнувъ, пошелъ поѣсть на послѣднее серебро, которое осталось у меня въ карманѣ. Въ то же время у меня мелькнула еще безподобная мысль, на которую я оперся,

какъ на столпъ соломоновъ. Поѣвъ, я смѣло пошелъ отъискивать своего майданщика Долгая.

Но напередъ надобно знать, чтъ за человѣкъ былъ мой Андрей Алексѣевичъ. Въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ къ той дѣвицѣ, которую я такъ нечаянно встрѣтилъ утромъ, объ этомъ скажемъ на своемъ мѣстѣ; а теперь поговоримъ объ немъ самомъ.

III.
ТЕМНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

У отца Ахтубинцева, незначительнаго купца, было два сына: Андрей и Григорій. Второй пошелъ своимъ особеннымъ путемъ и полѣзъ въ чины и въ знать; объ немъ также вскорѣ услышимъ. Первый остался вѣренъ своему званію. Воспитаніе ихъ ограничивалось самыми обиходными статьями; Андрей сидѣлъ въ лавкѣ отца, который, на вопросъ: чѣмъ вы торгуете? отвѣчалъ, бывало: «да мы, признаться, больше торгуемъ всякой всячиной, чтъ рука прійдется». И это была правда; онъ скупалъ по Москвѣ что случалось: фарфоръ, картины, посуду, старыя кострюли, желѣзо — ломъ, дрожки и коляски, по случаю отъѣзда — стулья и диваны и даже книги. Андрей остался при этомъ ремеслѣ и принадлежалъ къ тому разряду сметливыхъ русскихъ людей, которые, сдѣлавшись по навыку

необычайными знатоками старинныхъ вещей всякаго рода и пристрастившись къ нимъ, достигаютъ высокой степени познанiй въ археологiи и библiографiи. Сидя за скарбомъ своимъ, среди ржавчины, червоточины, пыли и плѣсени, онъ смолоду уже принюхался къ затхлому духу и безошибочно распознавалъ по немъ степень древности залежалаго товара. Онъ не только знаетъ наизустъ Карамзина, со всѣми примѣчанiями полнаго изданiя, и нерѣдко въ разговорахъ дѣлаетъ презанимательныя и превѣрныя поясненiя или поправки, но и всѣ почти лѣтописи наши были ему хорошо извѣстны, со всѣми примѣтами каждаго изъ наличныхъ списковъ; а когда старикъ былъ въ духѣ и пускался въ разсужденiя объ нихъ, то это стѣило, въ своемъ родѣ, урока добраго профессора. Въ такое время многимъ изъ такъ–называемыхъ историковъ нашихъ доставались похвалы, отъ которыхъ не поздоровится; но все это было сказано такъ остро, умно, рѣзко и вѣрно, что бывало не наслушаешься и не натѣшишься старикомъ. Это былъ человѣкъ, котораго никакъ нельзя было обольстить голословiемъ, какъ бы искусенъ ни былъ краснословъ; Ахтубинцевъ вылущивалъ смыслъ и сущность изъ самой запутанной и напыщенной рѣчи, какъ векша выбираетъ ядро изъ орѣха; и

если ядрышко это было съ червоточиной, то онъ кидалъ его въ этомъ видѣ собесѣдникамъ, побѣждая всякое возраженіе очевидною сущностью дѣла. Онъ не умѣлъ одѣть грязной шутки въ чистоплотное, льстивое слово; игра словъ его не годилась во французскіе водевили; но онъ попадалъ метко, вѣрно и очень–забавно; хотя чистая мысль его нерѣдко, по наружности, облачалась въ такой охабень, въ которомъ ей гостиныя наши не могли быть доступными.

Но замѣчательнѣе всего были опытность и познанія Ахтубинцева въ русской старинѣ. Прикинувъ на свѣтъ листокъ старопечатной книги, онъ говорилъ вамъ безошибочно годъ и мѣсто выдѣлки бумаги; онъ зналъ почерки устава, полуустава и скорописи по столѣтіямъ и десятилѣтіямъ, какъ свои пять пальцевъ; распознавалъ по ѵцкамъ и по юсамъ степень древности рукописей и книгъ; а по почерку буквъ, титламъ и ковычкамъ, мѣсто печатанія всѣхъ древнихъ книгъ безъ выходныхъ или заглавныхъ листовъ. Такой же знатокъ и страстный любитель монетъ, русскихъ и другихъ древностей, Андрей Алексѣевичъ, при посредственномъ состояніи своемъ, умѣлъ отъискивать все замѣчательное, чтѣ разсыпано и разрознено во всѣхъ концахъ Россіи, сберегалъ, чтѣ хорошее ему попадалось въ руки, и при

случаѣ спускалъ, если давали хорошую цѣну, утѣшая себя тѣмъ, что опять достанетъ такую вещь, зная гдѣ ее искать. Не было угла во всѣхъ городахъ и монастыряхъ матушки Россіи, гдѣ бы Ахтубинцевъ не зналъ на перечетъ, что и у кого именно рѣдкостнаго тамъ находится, откуда пришлось и какъ досталось. Онъ ухаживалъ за глаза въ какомъ–нибудь Верхотурьи за старопечатною, рѣдкаго изданія псалтирью, которая была туда занесена Поморцами, поднесена одному наставнику ихъ, а у него украдена и продана такому–то, и ухаживалъ съ безпримѣрнымъ долготерпѣніемъ по нѣскольку лѣтъ, доколѣ книга наконецъ–таки рукъ его не миновала. Принадлежа самъ, по отцѣ, къ благословенной церкви или единовѣрію, онъ насчитывалъ въ одинъ духъ и безъ запинки всѣ до–никоновскія изданія славянскихъ церковныхъ книгъ, какую ему ни назовите, и опредѣлялъ съ точностію всѣ примѣты изданій и мѣсто выхода. Взявъ въ руки книгу у другаго любителя и взглянувъ только на обрѣзъ, онъ спросилъ однажды, «а что, сколько цѣните вы этотъ требникъ?» «Да рублей 35», отвѣчалъ тотъ. «Оно бы и дорогонько, кажись», замѣтилъ улыбаясь Андрей Алексѣевичъ: «это кіевской печати пятидесятаго года; я вамъ, пожалуй, доставлю ихъ штуки три по 25 рублей; а вы мнѣ этотъ

пожалуйте, я, ужь такъ и быть, дамъ 50.» «Какъ–такъ?» спросилъ удивленный хозяинъ требника, зная, что это сказано было не даромъ. Тогда Ахтубинцевъ, разсмѣявшись, сказалъ: «что, любезный, за манишку забрелъ(*)? попался? За что же ты съ меня просишь 35, коли толку не знаешь, а за 50 не отдаешь? а? Вѣдь я книги–то и не раскрывалъ еще, а ты хозяинъ ей, стало–быть, глядѣлъ въ нее; аль слона–то и не примѣтилъ? На, гляди да казнись». Тутъ онъ развернулъ требникъ на знакомой ему страницѣ, которую узналъ по обрѣзу листка: «вотъ» продолжалъ онъ: «гляди, да впередъ знай: вотъ тутъ идетъ чинъ отпѣванія; а этотъ листокъ подмѣненъ раскольниками; они его перепечатали по–своему; перемѣна въ такихъ–то словахъ, потому и потому, и согрѣшила тутъ наша бывшая единовѣрческая типографія, которая работала по заказу. Вотъ, гляди и на свѣтъ: въ этой бумагѣ водяной знакъ, видишь какой, — это бумага австрійская; а на этомъ листкѣ полоски вотъ какія, — это наша, русская, ивановская. И наборъ отличается немного: вотъ тутъ у *ща* хвостикъ потолще, да покороче; вотъ титло коромысломъ, а это съ изломомъ,» и проч.

(*) Выраженіе волжскихъ судоходовъ: манишка — подводная коса, отмель грядой отъ берега; забрести на манишку или зайдти на чужую, значитъ попасть, по незнанію, съ русла въ заливъ или мѣшокъ, за косу, откуда нѣтъ выхода.

Правдивъ былъ Андрей Алексѣевичъ, какъ доблестному гражданину быть слѣдуетъ; онъ смалчивалъ по уму–разуму тамъ, гдѣ сила не беретъ, потому–что плетью обуха не перешибешь; но любилъ, гдѣ можно было дать свободу языку, чтобъ не взяла одышка, какъ онъ выражался; или проговаривался, будто невзначай, обиняками да иносказаніями. Хорошій начальникъ, котораго Ахтубинцевъ любилъ и уважалъ, будучи и самъ имъ уважаемъ, взялся однажды очень–горячо за одно дѣло и хотѣлъ, во что бы ни стало, уничтожить какое–то вкоренившееся злоупотребленіе. Шуму это надѣлало много, а кончилось, какъ нерѣдко случается, ничѣмъ: встрѣтилось столько противодѣйствія со всѣхъ сторонъ, и съ боку, и сверху и снизу, что надобно было замолчать. Ахтубинцевъ и говоритъ ему: «а что, ваше сіятельство, вѣдь у насъ былъ на Москвѣ такой, что подымалъ царь–пушку!» «Шутишь ты все, старикъ», сказалъ тотъ. «Ну, да вѣдь и онъ только пошутилъ», молвилъ Андрей: «вѣдь и онъ не поднялъ, а только подымалъ!»

Въ числѣ вещей, украденныхъ у меня съ чемоданомъ, была также рукопись, дорогая для знатока и любителя, но ничтожная для вора. Это былъ толковый апокалипсисъ раскольниковъ, съ картинами въ особенномъ вкусѣ и съ

замѣчательными поясненіями. Андрей Алексѣевичъ когда–то сулилъ мнѣ за него 300 рублей; я не отдалъ, а теперь онъ пропалъ за даромъ. Зная, что легче выкупить у воровъ покражу черезъ соучастниковъ и подручниковъ ихъ, чѣмъ доискаться своего добра какимъ–нибудь инымъ путемъ, я отъискалъ Долгая, который все еще сидѣлъ за наперстками и силою своего краснорѣчія убѣждалъ и вызывалъ смѣлыхъ и счастливыхъ на бой. Толпа смѣнялась, но не рѣдѣла; кто стоялъ нараспашку, подбоченясь въ обѣ руки, сдвинувъ шляпу на ухо и склонивъ замысловато голову, — стало–быть, либо проигрался, либо тужилъ, что ничего поставить; кто почесывался въ затылкѣ посмѣнно правой и лѣвой, опуская свободную руку въ карманъ шароваръ, и стоялъ въ нерѣшимости; другіе сидѣли, плотно обхвативъ руками оба колѣна, и покачиваясь хохотали, сами острили и передавали дальше остроты Долгая; они сидѣли, по–видимому, безъ горя, безъ печали и безъ искушенія, покорившись уже безденежной и безнадежной въ этомъ отношеніи участи своей. По–временамъ выскакивалъ бойкій и рѣшительный малый, возбуждая общее вниманіе и участіе, клалъ ставку за ставкой на доску, и убирался съ поприща безъ оглядки, утративъ деньги и осмѣянный праздною толпой, которая

съ жадностію ловитъ случай позубоскальничать и выместить неудачу или скуку свою на другихъ.

— Кинь корочку въ гору, говорилъ Долгай, выворачивая на изнанку смыслъ этой пословицы: — прійдетъ къ тебѣ въ пору; не пожалѣй за рубль алтына, а не прійдетъ рубль, такъ прійдетъ полтина; кому счастье, кому таланъ, греби денежки въ карманъ; не пойдешь въ звонари, не попадешь и въ пономари; кто смѣлый, кто счастливый, у кого на роду написано разжиться съ легкой руки, изъ–подъ наперстка съ доски, въ легкій день субботній! Что бабушка! аль за внука въ солдаты идешь? закричалъ онъ громогласно старушкѣ, которая, сгорбившись, несла на плечѣ продавать какое–то старое ружье... Народъ захохоталъ, но смѣлый и счастливый не выходилъ: видно извѣрились на сегодняшній день, или берегли копейку на кружало.

Я сталъ такъ, что Долгаю надо было увидать меня и поклонился ему, когда онъ на меня взглянулъ. Крѣпко не хотѣлось ему, въ этомъ положеніи, узнать меня, а совѣстно было и не отдать поклона; притомъ нечаянность встрѣчи не дала ему часу образумиться. Я подошелъ и, назвавъ его товарищемъ, сказалъ, что нужно бы съ нимъ словечко перемолвить. Онъ вскочилъ, смѣшавшись, и мигнулъ другому товарищу, чтобъ

оставался на мѣстѣ. «Мы вотъ забавляемся отъ ничего–дѣлать» молвилъ онъ, отходя со мною въ сторону: «извините!»

— Ничего, отвѣчалъ я: — это не мое дѣло; я не съищикъ. Я пришелъ по своему дѣлу: нельзя ли пособить мнѣ? вѣдь я остался какъ липка, безъ лыкъ и безъ луба, а кажись надо бы и честь знать! Послушай, пусть деньги мои пропали, пусть и вещи пропали: онѣ хоть на что–нибудь и другимъ годятся; а у меня была рукописная священная книжка — не богословы же ее унесли, акафисты по ней читать не станутъ, а мнѣ она дорога, по обѣту, досталась по наслѣдству отъ бабки: такъ нельзя ли постараться достать ее? Кабы не на–чисто меня обобрали, я бы не пожалѣлъ дать за нее и больше, а теперь послѣднія десять рублей отдамъ, Богъ съ ними; тогда бы я не сталъ искать больше пропажи своей, хоть бы встрѣтилъ кого на улицѣ въ моемъ сюртукѣ или шапкѣ. Нельзя ли постараться?

Рѣчь эта озадачила Долгая; онъ понялъ все, какъ сметливый парень, и, перемѣнивъ прежній ладъ разговоровъ своихъ со мной, сталъ притворяться не менѣе того, сколько требовало приличіе. «Помилуйте», сказалъ онъ: «ужь я бы для васъ что угодно радъ, да вѣдь Богъ–вѣсть, гдѣ жь искать, — это мудреное дѣло; развѣ вотъ что–съ: пожалуй, постараться, для васъ, можно;

тамъ что Богъ дастъ, найдемъ не найдемъ, а приходите завтра повечеру сюда; коли что узнаемъ, такъ скажу.»

Я сталъ просить и настаивать, представляя, съ одной стороны, что меня обобрали до рубашки, а съ другой, что получивъ безполезную для нихъ книгу, я уже никого больше безпокоить на стану; и наконецъ вынулъ тутъ же кошелекъ, набралъ три цѣлковыхъ мелочью и навязалъ ихъ Долгаю. Онъ долго отговаривался отъ нихъ, потому–де, что взявъ деньги надо исполнить слово. Кончилось тѣмъ, что Долгай послалъ меня прогуляться на полчаса по ярмаркѣ, а потѣмъ велѣлъ зайдти домой; пришедши туда, я нашелъ свой апокалипсисъ на окнѣ. Я былъ этимъ такъ доволенъ, что забылъ все свое горе и простился съ хозяиномъ, обѣщавъ непремѣнно завтра уплатить ему небольшой долгъ свой. Онъ былъ занятъ по хозяйству, пришивая ногавки къ курамъ и индѣйкамъ; въ этомъ дѣлѣ онъ, по несчастью, былъ раненъ: пришивъ ногавку, онъ хотѣлъ отгрызть нитку, а глупая индѣйка расцарапала ему нижнюю губу въ кровь; отираясь рукой, онъ не упускалъ случая разутюжить при этомъ книзу свои бакенбарды и порядочно нафабрилъ ихъ кровью, размазавъ ее по всему лицу. «Время теперь опасное» сказалъ онъ: «того–гляди птица пропадетъ; глупа больно,

такъ подъ ноги сама всякому и лезетъ... Ладно» прибавилъ онъ: «сочтемся, такъ сочтемся; а нѣтъ, такъ на нѣтъ и суда нѣтъ; Богъ съ вами; васъ и такъ обидѣли у меня въ домѣ; послѣ, какъ вы вышли, такъ мнѣ даже жаль стало. Какъ быть! такой уже проклятый народъ, что наровитъ стащить что–нибудь.»

Весело побѣжалъ я къ Андрею Алексѣевичу, разсказалъ ему все и утѣшался его равнодушіемъ. Онъ между–прочимъ всегда запасался на ярмаркѣ цибикомъ квадратнаго чаю, котораго ему ставало ровно на годъ; доставъ совкомъ съ горсточку свѣжаго чаю изъ цибика, на пробу, онъ приступилъ къ дѣлу, къ заваркѣ чая, со всѣми околичностями знатока. Вижу все это, какъ теперь: крошечная комнатка, чисто выбѣленная и вымытая; два окна растворены на улицу, на окнахъ горшки съ капуцинами, бальзаминами и пахучею геранью, этою необходимою принадлежностью всѣхъ жилищъ того разряда, гдѣ стѣны убраны изображеніями графа Платова, взятія разныхъ турецкихъ крѣпостей или картинами изъ Павла и Виргиніи; самоваръ кипитъ на столѣ, паръ валитъ клубомъ; жара, мухъ тмы–темъ, переносятся роями съ мѣста на мѣсто; старикъ сидитъ передъ самоваромъ и ловкою щепотью проворно отвертываетъ кранъ, между–тѣмъ, какъ крупный

потъ катитъ градомъ съ веселаго, почтеннаго лица, а глаза, за недосугомъ рукъ, искоса поглядываютъ на лежащій подлѣ персидскій платокъ.

— По пустякамъ ты тревожишь ихъ милость, сказалъ онъ относительно моего заявленія пропажи: — не стать же и вправду имъ служить на нашего брата. Ты рублемъ простъ, я умомъ простъ; а по простому уму моему, чтъ тише, то и лучше; за толчкомъ не гонись, развѣ одного мало, такъ поди за другимъ... Такъ надо жить и всякому человѣку; самъ только никого не затрогивай, не обижай, а коли тебя обидятъ, нужды нѣтъ; въ душѣ и сердцѣ прости по-христіански, а по уму-разуму и для своей же пользы смолчи; не то, вмѣсто одного обидчика, набѣжишь на семерыхъ.

— Хорошо наставленіе ваше, Андрей Алексѣевичъ, сказалъ я: — да ину пору больно накладно. Вѣдь не на то же они поставлены, чтобъ быть поголовно мошенниками и сживать со свѣту честныхъ людей...

— Не осуждай, тёзка, да не осужденъ будешь. Не особое же поколѣніе для того на свѣтѣ нарождается; попали бы мы съ тобой туда, и мы были бы таковы же; стало-быть, не гребень вѣлосъ чешетъ, а время; не время вѣлосъ бѣлитъ, а кручина. Противъ попущенія Божія

спорить не станешь... На, на, вотъ, продолжалъ онъ, вставъ изъ–за чаю, вынувъ изъ стѣннаго шкафика закутанную въ ярославскую салфетку книгу, развернувъ и подавъ мнѣ ее: — на, на, вотъ лучше, погляди на это! Письмо–то какое, ровно жемчугъ! а краска, съ позолотою! Вѣдь это не стыдно бы и Кашемирцу, не токмо Персіанину показать! а разбери, дай толкъ, гдѣ и когда писано? Куда полѣзъ? Чутья что ли у тебя нѣтъ? не знаешь гдѣ искать! Видишь вотъ, гляди: «для царицы, для супруги Ивана Васильевича, по указу государеву, подъячимъ такимъ–то»; это былъ первый мастеръ того времени. Кромѣ его, никто не съумѣлъ вотъ этого вотъ сдѣлать; а почеркъ ровный, отъ начала до конца. Такихъ часослововъ два только и есть: одинъ перешелъ черезъ мои же руки годовъ тому шесть, а теперь въ Москвѣ, у такого–то; за другимъ я третій годъ сюда на ярмарку пріѣзжаю, тутъ мнѣ объ немъ все вѣсти подавали и привезли–таки наконецъ изъ Екатеринбурга.

Я похвалилъ находку отъ души и замѣтилъ, что меня, однакожь, болѣе занимаютъ наши старопечатныя книги, потому–что ихъ можно собрать, какъ замѣчательные образчики работы всѣхъ бывшихъ книгопечатень.

— Стало–быть, толку ты не знаешь въ телятинѣ, что сравниваешь какой–нибудь уставъ,

либо хоть и полууставъ, съ печатною! Нѣтъ, настоящій охотникъ какъ взглянетъ на телятинку, такъ инно сердце защемитъ, ровно что родное, ровно съ твоихъ плечь шкуру сняли да написали на ней!

— На, полюбуйся, сказалъ старикъ, сунувъ мнѣ толстую книгу во весь листъ: — полюбуйся и печатью; чтъ скажешь?

Я посмотрѣлъ и думалъ заслужить званіе большаго знатока, сказавъ, что она вышла во Львовѣ.

— То–то что нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — ты правъ, наборъ одинъ, это матрицы львовскія, да отличіе есть въ ковычкахъ; тамъ простыя, а тутъ, вишь, съ головками. Это краковское изданіе, дорогое.

И при этомъ случаѣ разсказалъ онъ мнѣ цѣлый историческій эпизодъ о томъ, какъ и кто и по какому случаю завелъ типографію во Львовѣ, кто и когда въ Краковѣ, какъ они ссорились межъ собой, мирились и братались, добывали одинъ у другаго шрифтъ и матрицы и прочее.

Я досталъ и свой толковый апокалипсисъ. — Вы, Андрей Алексѣевичъ, давали мнѣ за него 300 руб.; я тогда не хотѣлъ съ нимъ разстаться; возьмите, пожалуйста, если можно; теперь я охотно его отдамъ.

Онъ поглядѣлъ на меня, будто искоса, исподлобья, опустивъ обѣ руки спокойно на

столъ. — Сколько товарищей молодцовъ у тебя было, спросилъ онъ: — что обобрали тебя? Никакъ ты сказывалъ трое? — Трое. — Такъ ты меня хочешь постричь въ четвертаго? Спасибо, тёзка. Тогда бы можно выкурить изъ насъ уксусъ этотъ, какъ онъ называется, четырехъ разбойниковъ! Какъ же такъ твой Долгай сжалился надъ тобой, воротилъ тебѣ хоть одну вещь, а я теперь отберу?

Словомъ, какъ ни желалъ старикъ въ душѣ завладѣть моимъ сокровищемъ, но онъ и слышать не хотѣлъ о моемъ предложенiи; онъ далъ мнѣ денегъ въ займы, книгу взялъ на сохраненiе, чтобъ отправить вмѣстѣ со своими, запечатавъ ее и надписавъ обертку своей рукой на мое имя.

IV.
ОБОРОТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Тяжело и тѣсно жить въ губернiи оборотливому и предпрiимчивому человѣку; нѣтъ ему простора расходиться, сплетни облѣпятъ кругомъ, какъ репьи, и молва такая разбѣжится по всему свѣту, что хоть брось. Въ столицахъ — иное дѣло: тамъ притонъ оборотливому человѣку и поприще; кругомъ народъ смѣняется, одинъ вытѣсняетъ и заступаетъ на пути другаго, и что ни день у Бога, то нападешь на свѣжаго человѣка, на новичка, на неука, или по просту на дурака,

которому не пошло въ прокъ ни отцовское наставленіе, ни материнское благословеніе, ни сотни примѣровъ, какъ въ очью диво совершается, люди на хитрости подымаются. Годится на это конечно и Москва; много сказываютъ олуховъ и тамъ на добраго ловца набѣгаютъ, и есть ину пору чтѣ изъ нихъ выжать; но старушка все какъ–то себѣ–на–умѣ; она службы не знаетъ, живетъ спокойно въ отставкѣ, не мечется, не суетится, не ловитъ бѣсенка за хвостъ, а мелетъ свою меледу и знаетъ не только кой–что о томъ, что во всѣхъ концахъ гнѣзда ея дѣлается, а знаетъ и счетъ прихожанамъ въ своихъ сѣрока–сѣрокахъ приходахъ. Питеръ иное дѣло: послѣдняя копейка ребромъ, а концовъ сводить никогда, за службой, за недосугомъ. Питеръ давно счетъ потерялъ кочевымъ дѣткамъ своимъ; по–этому онъ посемейныхъ списковъ не ведетъ, живетъ въ обтяжку и гоняется по улицамъ словно въ угарѣ за... за тѣмъ, чтѣ кому нужно. Тутъ только стань гдѣ–нибудь, стой, да оглядывайся — набѣжитъ на ловца звѣрь, не справа, такъ слѣва, самъ наскочитъ.

Вотъ, на–примѣръ, въ этомъ домѣ пріятельскій вечеръ: покои прекрасно освѣщены, зеленыхъ столиковъ раскинуто съ десятокъ, люди веселятся, а подъ–часъ и сердятся, коли

судьба противъ шерсти проведетъ рукой; тутъ разносятъ чай, плоды, вино; хозяинъ человѣкъ очень–почтенной наружности, по виду и разнымъ примѣтамъ долженъ быть, кажется, услужливый и заслуженный человѣкъ, съ большимъ вѣсомъ и вліяніемъ; онъ нуженъ людямъ, но, кажется, и ему люди нужны, и знаетъ онъ ладъ и толкъ во всемъ. Онъ подходитъ туда и сюда, за панибрата съ вельможами (мы здѣсь, по незнакомству, встрѣчаемъ и называемъ людей по платью); хозяинъ разваливается, подсѣвъ къ тому или другому, пошутитъ, пожелаетъ счастья, встанетъ съ большимъ самодовольствіемъ и съ пріятной улыбкой, подойдетъ ловко и непринужденно къ другому столу, попотчуетъ гостя; но не всякаго безъ разбора, а по достоинству и надобности; тамъ позабавитъ третьяго небольшой былинкой въ лицахъ, разсмѣшитъ чертвертаго удачнымъ острымъ словцомъ и пойдетъ, уладивъ все, на свое мѣсто, потому–что всегда дома садится пятымъ, и, стало–быть, по временамъ выходитъ и тогда не забываетъ, что онъ хозяинъ. Безъ хозяина нѣтъ и гостей, нѣтъ и общества.

Что же вы думаете, какого рода этотъ вечеръ? Если хозяинъ даетъ много такихъ вечеровъ въ году, то долженъ быть довольно–зажиточенъ, подумаете вы. Но, господа, быть зажиточнымъ и много проживать, это не одно и

то же; и то и другое сбыточно по себѣ, независимо одно отъ другаго.

Хозяинъ распорядился относительно этого вечера вотъ какъ: онъ встрѣтилъ за нѣсколько дней у пріятеля неловкаго и очень–скромнаго человѣка, который садился только на уголокъ стула, а чаще того стоялъ и молчалъ. Оборотливый человѣкъ тотчасъ накинулъ на него глазомъ и, угадавъ съ перваго взгляда, что это пріѣзжій изъ губерніи, который ищетъ мѣстечка, выбралъ приличное время и подошелъ къ нему знакомиться.

— Вы, я слышу, недавно къ намъ пожаловали?

— Да–съ, я пріѣхалъ въ среду, въ дилижансѣ.

— А, въ дилижансѣ! это хорошо, удобно и неубыточно. Тѣсновато, и общество не всегда отборное.

— Нѣтъ–съ, ничего...

— Да, я знаю, это ничего; я такъ только говорю. Напротивъ, это весьма, весьма–похвально (молодой человѣкъ обязательно поклонился). Что же, вы, я полагаю, мѣсто ищете? Мнѣ милый хозяинъ нашъ сказывалъ; онъ принимаетъ въ васъ большое участіе.

— Да–съ, я бы очень желалъ... изволите видѣть, я служилъ уже пятнадцать лѣтъ въ

губерніи... состояньице маленькое есть, но тамъ ходу нѣтъ никакого, поощреній нѣтъ никакихъ...

— Правда, правда, сказалъ оборотливый человѣкъ; а самъ подумалъ: — о–го, этотъ не уйдетъ!!

— Да–съ, а сами изволите знать, лестно служить со всѣмъ усердіемъ и безкорыстною ревностью, изъ одной чести, гдѣ по–крайности есть что–нибудь въ виду; не повѣрите: у насъ, особенно при нынѣшнемъ начальствѣ, иной такъ и въ могилу ляжетъ и семейство большое оставитъ, даже безъ всякаго знака отличія.

— Предосудительно, прискорбно! вы правы. Послушайте, я очень уважаю нашего почтеннаго хозяина, и, — извините меня, — я объясняюсь прямо, отъ души, я полюбилъ и васъ.

Молодой человѣкъ обязательно поклонился, тотъ подалъ ему руку и, сѣвъ самъ, съ трудомъ усадилъ его подлѣ себя, чтобъ говорить не такъ звучно; между–тѣмъ первый, будто сложенъ былъ на пружинахъ, все порывался на вытяжку, а второй безъ обиняковъ осаживалъ его рукой...

— Я полюбилъ васъ и желаю вамъ добра. Но есть ли у васъ связи, доброжелатели, покровители? Безъ этого вы здѣсь ничего не достигнете.

— Нѣтъ–съ, никого почти нѣтъ.

— Ну, безъ этого нельзя, почтеннѣйшій; тутъ безъ этого ни шагу. Хотите, я введу васъ и познакомлю съ людьми, которые могутъ много для васъ сдѣлать, съ которыми вамъ весьма–полезно сойдтись... сидите, сидите, продолжалъ онъ, наложивъ полновѣсную руку покровителя на колѣни искателя наградъ и отличій: — сидите и не показывайте вида, что мы съ вами говоримъ о такомъ предметѣ, и даже послѣ никому объ этомъ не говорите; это останется между нами. Я вамъ дамъ весьма–полезный совѣтъ: достигайте своей цѣли насущными путями, какъ и гдѣ случится; но знайте сами объ этомъ — одна грудь да подоплёка, какъ говорится по–русски — это не для другихъ. И такъ, я сведу васъ охотно со многими — и насчиталъ ему съ полдюжины звонкихъ именъ, лѣтчествъ, званій и прозваній, сильно ударяя на чинъ и званіе покровителей: — приходите ко мнѣ въ четвергъ; они всѣ будутъ у меня... то–есть, я могу созвать ихъ нарочно для васъ: они мнѣ пріятели. Вотъ вамъ моя карточка, тутъ есть и адресъ мой.

Предупредительность эта обязала молодаго человѣка до восхищенія. Вотъ, думалъ онъ, говорятъ, въ Питерѣ чужой человѣкъ что въ лѣсу: нашелся же на мое счастье человѣкъ безкорыстный, услужливый, сниходительный, который полюбилъ меня за одну наружность

мою... тутъ онъ скромно осмотрѣлъ себя съ носковъ и до плечъ — выше не могъ онъ взять глазомъ, — вздохнулъ, поднялъ голову и прошелся.

Когда стали расходиться, то обязательный человѣкъ тутъ какъ тутъ, спустился по лѣстницѣ рядомъ съ новымъ знакомцемъ своимъ, предложилъ отвезти его домой на своихъ пролеткахъ, — онъ держалъ своихъ лошадей, — и дорьгою сказалъ, какъ–будто мимоходомъ, и притомъ разлакомивъ попутчика еще болѣе своимъ всесильнымъ покровительствомъ: — Только вотъ что, я вамъ долженъ сказать прямо, откровенно, какъ я это всегда дѣлаю, что я человѣкъ небогатый; я охотно помогаю всякому, но не могу взять на себя всѣхъ расходовъ по такому дѣлу. Пригласить такихъ людей, хоть они мнѣ и пріятели, такъ надобно устроить порядочный вечеръ; вы должны мнѣ пособить, сдѣлаемъ складчину; можетъ–быть, и вы также человѣкъ не богатый, такъ я разорять васъ не хочу; дайте что–нибудь, на–примѣръ, хоть сотню цѣлковыхъ...

Какъ тутъ быть, какъ отказаться отъ такого покровительства — и даже какъ отказать такому покровителю? Деньги были вручены тутъ же, на дрожкахъ, и покровитель, не смотря на потемки, опытнымъ глазомъ своимъ пересчиталъ, сколько

или около чего осталось въ бумажникѣ Саратовца. Подобныя свѣдѣнія могли быть полезны для будущихъ соображеній.

Вотъ происхожденіе того пріятельскаго вечера, о которомъ мы говорили выше. Бѣдняка представили, пробормотавъ сквозь зубы, чего никто не разслышалъ, человѣкамъ двумъ–тремъ со звѣздой, которые кивнули въ отвѣтъ на это такъ искусно головою, что даже не согнули шеи; за тѣмъ нашъ пріѣзжій сидѣлъ гдѣ–то около печи, во весь вечеръ, при подробномъ описаніи коего мы даже забыли указать на этого втораго хозяина и невиннаго виновника пира.

Случай этотъ доказываетъ, что нашъ оборотливый человѣкъ удилъ все, чтъ плыветъ; не брезгалъ и малымъ, гдѣ нельзя было добыть большаго; но иногда судьба была къ нему гораздо снисходительнѣе, и онъ умѣлъ этимъ пользоваться, какъ видно изъ слѣдующаго.

Въ столицу пріѣхалъ повѣренный какой–то княгини или графини, протранжирившей все добро свое въ классической, изящной Италіи и желавшей наложить руку на послѣднее родовое достояніе свое, на прекрасное, хотя и разстроенное имѣніе въ 1000 душъ, состоявшее въ западныхъ губерніяхъ. Оборотливый человѣкъ всегда зналъ, чтъ дѣлается въ свѣтѣ, и, узнавъ объ этомъ случаѣ въ свое время, освѣдомился

подъ рукой обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, которое нашелъ удобнымъ и сподручнымъ — а потому и подослалъ немедленно вѣрнаго человѣка къ повѣренному, чтобъ этотъ обратился къ нему, какъ къ человѣку съ вѣсомъ, съ деньгами и со связями.

— Я найду вамъ покупщика, сказалъ пріятель нашъ: — найду, пожалуй, завтра же; а вы знаете, что это теперь не легко; денегъ нѣтъ ни у кого, это общій грѣхъ нашего вѣка. Но у моего покупщика деньги наличныя; это человѣкъ не обыдённый; вы увидите, что съ нимъ можно сварить кашу.

Неопытный Полякъ благодарилъ и по привычкѣ кланялся очень–униженно, полагая, что говоритъ съ человѣкомъ и важнымъ и дѣльнымъ и надежнымъ, какъ его въ томъ предварительно увѣрили подручники и прикормленники перваго.

Оборотливый человѣкъ велѣлъ прійдти къ себѣ Поляку и принести документы. Разсмотрѣвъ ихъ быстрымъ взглядомъ дѣльца и знатока, онъ сталъ торговаться на совѣсть, увѣряя, что если дѣло кончено будетъ между ними, то можетъ считаться конченнымъ и съ покупщикомъ.

— Двѣсти семьдесять тысячь! сказалъ онъ наконецъ — конечно, это деньги большія; но имѣнье стѣитъ этого, безспорно. Хорошо; только

уговоръ лучше денегъ; какой куртажъ вы мнѣ полльжите?

— А не знаю, пане — отвѣчалъ тотъ: — я сказалъ южъ остатню цѣну — панъ пыталъ по совѣсти; не мое, графске, а пани грабина не позваля устўпиць.

Послѣ непродолжительнаго разговора, рѣшено было, при такихъ обстоятельствахъ, накинуть 10,000 и положить маклаку за продажу по пяти копеекъ съ рубля. Маклеръ случайно уже дожидался въ другой комнатѣ; договоръ написанъ, подписанъ и записанъ.

На другой день является и покупщикъ — человѣкъ такого почтеннаго вида, хоть и не старъ еще, съ такими знаками отличія и съ такимъ умомъ и честностію на языкѣ, что простофиля-повѣренный, заключивъ и съ нимъ предварительное условіе, донесъ на другой же день графинѣ, чтъ дѣло кончено; а она тотчасъ же на этотъ счетъ дала нѣсколько новыхъ баловъ и обѣдовъ. Въ договорѣ съ оборотливымъ человѣкомъ сказано было, чтобъ выдать ему пять со ста, или 14,000 руб., немедленно по внесеніи покупщикомъ первыхъ денегъ, потому-что вся сумма была разсрочена, съ разными закорючками и оговорками, на нѣсколько пріемовъ. Каждая статья договора подвинчена была неустойками, несоразмѣрно-великими.

Наконецъ, покупатель внесъ первую плату; маклакъ тутъ же взялъ свои 14,000, при обоюдной роспискѣ на условіи, что дѣло кончено, другъ на друга искать не будутъ, а предоставляется каждому искать могущіе произойдти убытки по законамъ, съ виновнаго.

Оборотливый человѣкъ пошелъ раскланявшись домой, далъ нѣсколько великолѣпныхъ вечеровъ, обилъ гостиную малиновыми обоями съ золотомъ и купилъ преотличную новую карету.

Покупщикъ, занявшій собственно для этого оборота тысячь двадцать, черезъ три дня поссорился съ повѣреннымъ, потребовалъ съ него по разнымъ статьямъ 100,000 неустойки; тотъ поздно увидѣлъ промахъ свой и, посовѣтовавшись съ знающими людьми, сколько ни плакалъ и ни вертѣлся, а возвратилъ деньги сполна, понесъ стало–быть 14,000 убытка, отданныхъ маклаку ни за что, ни прль что, и еще радъ–радёшенекъ былъ, что развязался. Вся мнимая покупка эта устроена была собственно съ тѣмъ разсчетомъ, чтобъ сорвать этотъ куртажъ.

Скупить сомнительные, дешевые векселя и надуть ими кого–нибудь; скупить дешевые, тайные векселя матушкина сыночка, или взять ихъ на сдѣлку, и собравъ всѣ, приступить внезапно, угрожая, въ случаѣ совершеннолѣтія

ребенка, тюрьмой, или по–крайней–мѣрѣ шумомъ и безславіемъ, и заставить отчаяннаго старика–отца идти, какъ аферистъ выражался, на акомодацію; сорвать при случаѣ отсталаго, или взять слазу; купить посходнѣе тяжбу и выходить ее по связямъ и знакомству; подбить отчаяннаго и несчастнаго во всѣхъ отношеніяхъ страстнаго писателя, объявить книгу подъ звучнымъ и очень–длиннымъ заглавіемъ, взявъ на себя издержки, а слѣдовательно и сборъ подписки, пригласить за тѣмъ подписчиковъ, собрать деньги и раскланяться; уговорить лестію и подстрекнуть самолюбіемъ богатаго невѣжду издать отъ своего имени книгу, чтобъ прославиться писателемъ, подбить на это въ нѣсколько пріемовъ слабоумнаго и тщеславнаго писаку, а затѣмъ отложить самое изданіе подъ разными предлогами; учредить общество на паяхъ, для выработки круглыхъ тканей, искусственной свиной щетины, желѣзной бумаги и бумажнаго кровельнаго желѣза — собрать деньги и раскланяться съ обществомъ; учредить сборъ для какой–нибудь благодѣтельной, человѣколюбивой, богоугодной цѣли, заставивъ, разными происками, покровителей собирать подписки у обязанныхъ ими и проч., — все это было стихіею жизни оборотливаго человѣка. Для чина, состоялъ онъ членомъ какого–то заведенія,

и неоднократно находилъ случай отличаться необычайными подвигами ревности, усердія и самоотверженія. Словомъ, всѣ привыкли знать и видѣть оборотливаго человѣка въ какомъ–то наружномъ почетѣ, съ громогласною, положительною рѣчью въ широкихъ устахъ; всѣ привыкли къ тому, что онъ живетъ хорошо, открыто, проживаетъ много; что жена его щеголяетъ и мотаетъ еще болѣе; а какъ привычка вторая природа, то развѣ изрѣдка только кому–нибудь приходило въ голову спрашивать, откуда у этого человѣка все берется? Но за то каждый разъ, когда вопросъ этотъ случайно былъ предлагаемъ, отвѣтъ оставался за собесѣдникомъ. Промышленный геній нашего аффериста былъ Протей, котораго трудно было поймать съ поличнымъ, который умѣлъ добыть *честь* и *деньги* изъ всего, даже изъ подслушаннаго случайно разговора, или изъ нечаянной встрѣчи на улицѣ съ незнакомымъ человѣкомъ.

Человѣкъ этотъ, котораго мы описали, былъ родной братъ Андрея Алексѣевича, Григорій Алексѣевичъ; но онъ прозывался не Ахтубинцевъ, какъ дѣдъ и отецъ и братъ его, а *Ахтубинскій*. Онъ нашелъ, при самомъ началѣ своего поприща, что барину такое прозваніе будетъ приличнѣе.

———

V.

О ТОМЪ, О СЕМЪ, А БОЛЬШЕ НИ О ЧЕМЪ.

Молодой путникъ нашъ, обокраденный посѣтитель ярмарки, сидя вечеромъ у Андрея Алексѣевича, какъ объ этомъ сказано было выше, долго не рѣшался заговорить съ нимъ о братѣ его съ семействомъ; но наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ: я встрѣтилъ здѣсь нечаянно родныхъ вашихъ, но они меня не видали. Какимъ образомъ они попали сюда?

— Такъ ты видѣлъ ихъ! Да, либо коврикъ–самолётъ, либо сапоги–самоходы занесли. Братъ, прости Господи, на новаго деревяннаго коня сѣлъ, и погоняетъ шибко, да не знаю, повезетъ ли. Говоритъ, имѣніе покупаетъ тутъ; добра ждать отъ этого нечего: какой–нибудь бѣдняга сядетъ пль уши, либо спохватится шапки, когда головушку сымутъ. Чтль жь, ты и не казался на глаза?

— Нѣтъ, зачѣмъ же мнѣ? я его и не видалъ; я только встрѣтилъ въ рядахъ... то–есть Анну Герасимовну и...

— Ну да, знаю. И хорошо сдѣлалъ, спасибо. Ину–пору не поглядѣвъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ, оно и не кстати. Я самъ–было прошлаго года, встрѣтивъ брата съ невѣсткой нечаянно въ Торжкѣ, послѣ долгой разлуки,

забылся: обрадовавшись сдуру, прости Господи, кинулся–было къ нимъ: — ахъ–де вы мои... да и попался, какъ баба съ квасомъ! А ты знаешь, какъ у насъ въ Мотылевѣ баба съ квасомъ попалась?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну, такъ слушай, продолжалъ старикъ: — лучше станемъ точить лясы, чѣмъ досаждать другъ другу пустяками. Мотылевъ, какъ извѣстно тебѣ, у насъ славится квасами; ну вишь беремъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Случись въ глушь эту заѣхать гостю такому желанному, что весь околотокъ сбѣжался: и плошки тутъ, и пѣсни тутъ, и трехъ сапатыхъ мереньевъ привели, устроили на скорую руку конскую ярмарку, и выставку издѣлій сочинили на одинъ шабашъ, кто соху притащилъ, кто борону, кто смоленской крупы, купленной на фунты въ рядахъ, кто поярковую шляпу съ кучера снялъ, да варешки — все, говорятъ, наше, все русское. Ну, ладно. Вотъ и подготовили на рынкѣ самую бойкую квасницу, чтобъ именитому гостю отвѣдать у нея знатнаго квасу, какъ изволитъ пойдти смотрѣть ярмарку. Это, по мнѣнію начальства, могло послужить для поддержанія нашего кваснаго промысла, да и все–таки хоть въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатаемъ, что изволилъ–де на базарѣ у Афимьи Нахраповой собственноручно квасу

отвѣдать. Подготовивъ все, одѣвъ бабу въ ситцевую кофту и въ новый передникъ, да привѣсивъ ей къ чану чистый, луженый ковшъ, городничій разъ пятнадцать прибѣгалъ къ ней, что какъ–де только соблаговолитъ гость поднести ковшъ къ устамъ, то кричи *ура*, что мочи есть; а вы кругльмъ подхватывайте! Баба наша родясь въ мушкатерахъ не служила, кричать *ура* не случалось ей; да и великихъ господъ не видывала, не бесѣдовала съ ними, а тутъ наукой этой да строгимъ наказомъ еще болѣе сбили ее съ толку; она, голубушка моя, какъ–только гость поднесъ ковшъ ко рту, оробѣла, забылась, да сдуру какъ заоретъ на всю ярмарку *караулъ!!* Да вѣдь голосокъ какой, покрыла всю площадь... *Ура*–то ей кричать родясь не приходилось, а *караулъ* случалось не разъ... Видишь ли, мой сердечный, такъ–было и я невпопадъ обрадовался; а ты хорошо сдѣлалъ, что поудержался. Ну, покинемъ же все это, продолжалъ онъ: — чтль же, ѣдемъ вмѣстѣ, что ли?

— Пожалуй, ѣдемъ, сказалъ я: — коли вы берете меня; до Москвы по пути, а тамъ, чтль Богъ дастъ. Но какъ же мнѣ быть теперь, какъ отпроситься? Вѣдь съ меня взяли подписку никуда не выѣзжать! Точно, будто я самъ себя обокралъ! Чтль это за народъ, воскликнулъ я въ

негодованіи: — куда тутъ дѣвалась правда и совѣсть! Андрей Алексѣевичъ, не–ужь–то такъ всегда было и будетъ?

— Въ нашъ вѣкъ, сказалъ старикъ: — то–есть, когда я былъ молодъ, конечно, все было лучше. Въ тѣ поры, братъ, даже и лѣстницы въ домахъ были пониже и поотложе; а дѣвушки были поласковѣе, попривѣтливѣе и помиловиднѣе нынѣшняго; а короче сказать тебѣ, никакъ и орѣхи хрупче были; нынѣ и тѣ что–то не по зубамъ стали, заскорузли. Вы теперь все толкуете о старой закваскѣ, да о взяткахъ, да вы изъ–за великаго ума уже и съ толку сбились; кто даетъ и кто беретъ, не знаетъ, чтъ такое взятка, а что благодарность, что неподкупный человѣкъ, а что взяточникъ. Коли у меня есть гдѣ дѣло, такъ я бывало знаю, что дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ; его можно положить, или даже забыть безъ умысла, либо пустить другое напередъ, оно и лежитъ, молчитъ, и слльва не молвитъ; а между–тѣмъ, его же можно кончить и въ одинъ день. Коли я найду для себя старателя, и онъ лишній часокъ посидитъ, да кончитъ все, такъ развѣ намъ съ нимъ стыдно будетъ, коли я поблагодарю его пятью рублями, либо десятью? Сваты будемъ съ нимъ — и только; а грѣха тутъ нѣтъ. Вотъ иное дѣло, еслибъ я продалъ душу свою по ряду, за деньги, да поставилъ бы праваго

виноватымъ, а виноватаго правымъ — ну, тогда вѣшай меня на любой березѣ. А развѣ это лучше, когда человѣкъ все–таки ничего даромъ не сдѣлаетъ тебѣ, потому–что на свѣтѣ даромъ развѣ только подзатыльника дадутъ, хоть ты тамъ сколько ни краснобайствуй про доблестное безкорыстіе, да; а другой безъ ряду ничего не дастъ, и благодарности не знаетъ и знать не хочетъ? Развѣ это лучше, коли одинъ другому уже не вѣритъ болѣе ни на совѣсть, ни на честь, а въ задатокъ рвутъ пукъ ассигнацій пополамъ, чтобъ въ случаѣ чего, не доставалось ни ему, ни тебѣ? О пяти рубляхъ, за которые, бывало, цѣлый кафтанъ съ приборомъ справишь, и рѣчи нѣту; пора поговоркамъ о синичкѣ да краснухѣ давно миновалась; нынѣ толкуютъ только о бѣляночкахъ, сотнягахъ да тысченкахъ. Купи меня, такъ я твой, съ начинкой и потрохами, коли кто не дастъ больше тебя! Я знаю отъ стариковъ, что мѣсто мое наживное; а какъ и почему — не знаю, да и знать не хочу, да и разспрашивать объ этомъ опасно и совѣстно; я знаю напередъ, что по своей волѣ никто ничего не дастъ; знаю, что какъ ни биться, а къ вечеру напиться: либо тутъ, либо тамъ попадешься, — ну и пошелъ очертя голову, лишь бы протянуть до манифеста, либо умереть на половинномъ жалованьѣ подъ судомъ; та же пенсія, все одно…

— Замололъ я, братецъ, продолжалъ старикъ: — инно одышка взяла; дай отведу душу чайкомъ.

— Такъ ѣдемъ, коли такъ, дня черезъ три; не заботься о себѣ, я все улажу. Нынѣ времена правдивыя, безкорыстныя; не бойсь, взятки не возьмутъ. Оставайся же у меня, какъ солдатъ на постоѣ. Аммуницію твою отбилъ непріятель, тише жить станешь съ хозяиномъ, не станешь буянить.

Старикъ протянулъ руку съ ложечкой къ кубышкѣ, чтобъ выпить чашечку въ прикуску съ медкомъ, и необъятный рой мухъ облѣпилъ насъ такъ, что я отмахиваясь жмурился; онъ же только потряхивалъ слегка головой, приговаривая: пейте, ѣшьте на здоровье, будетъ и съ насъ, и съ васъ; только не топитесь, окаянныя! Говоря это, онъ бережно вынулъ нѣсколько полусонныхъ мухъ изъ меда, ставилъ ихъ одну за другою на ноги и прибавилъ послѣ, отираясь платкомъ: отвяжитесь же, Господь съ вами, теперь не до васъ. За тѣмъ, мы проболтали до поздней ночи; зная, что я ѣздилъ два года по матушкѣ Россіи, какъ начинающій историкъ, статистикъ и археологъ, онъ много разспрашивалъ меня, наставлялъ, поучалъ, подшучивалъ, — а за тѣмъ мы, помолившись, весело и спокойно уснули.

Пожелавъ имъ спокойной ночи, мы должны воротиться далеко назадъ, чтобъ объяснить все оставленное доселѣ въ пробѣлѣ.

VI.

БАБУШКА И ВНУЧКА.

Подъѣзжая къ большому селу, молодой усталый путникъ въ военномъ сюртукѣ тогдашняго покроя, съ отрадою смотрѣлъ на хлѣбосольные столбы дыма, на длинный рядъ бѣлыхъ хатъ, а по временамъ взглядывалъ и на барскую усадьбу, которая красовалась на возвышенномъ холму настоящимъ дворцомъ, между крестьянскими избушками. Осень была сырая и холодная; упряжка велика, степь глуха и уныла. Ямщикъ остановился противъ низенькихъ камышевыхъ воротъ, у огороженнаго камышемъ же палисадничка, въ которомъ стояли еще блеклые остатки подсолнечниковъ и пшенички, и закричалъ хозяйку по имени. Ворота, въ поясъ вышины, растворились, кибитка въѣхала и путникъ нашъ, выскочивъ, побѣжалъ съ большимъ удовольствіемъ въ избу. Здѣсь, конечно, не ожидали его особенныя удобства прихотливой жизни нашей: хатка тѣсная, полная ребятишекъ, лакомаго блюда нѣтъ, но все–таки это лучше дурной, мокрой погоды, скучной дорьги и тряской брички.

Не успѣлъ ямщикъ отложить лошадей, какъ съ барскаго двора прибѣжалъ запыхавшись человѣкъ, узнать кто пріѣхалъ, а вслѣдъ за тѣмъ, просить его поскорѣе туда, гдѣ, по словамъ посланца, сейчасъ садились за столъ. Проѣзжій поблагодарилъ и наказывалъ извиниться, сказавъ, что онъ въ дорожномъ и грязномъ платьѣ, торопится ѣхать, усталъ, не такъ здоровъ и проч. Но слуга, улыбнувшись недовѣрчиво и переступивъ съ ногц на ногу, сказалъ южнымъ нарѣчіемъ: «нѣтъ ужь, сударь, сдѣлайте милость пожалуйте; у нашего барина отъ хлѣба–соли отказываться нельзя, а то съ нимъ и не раздѣлаешься; онъ меня за это со свѣту сгонитъ», и затѣмъ посланецъ отвѣсилъ два поклона сряду. Проѣзжій повторилъ–было опять тѣ же отговорки свои и думалъ отдѣлаться; но тутъ самъ хозяинъ избы вступился за честь своего барина и за участь посланнаго, въ случаѣ неудачи. «Нѣтъ, батюшка–баринъ», сказалъ мужикъ, стоя подлѣ печи и опершись правымъ локтемъ на лѣвый кулакъ: «нѣтъ, баринъ, Господь съ тобой, иди; бѣда будетъ и тебѣ и мнѣ и всѣмъ намъ: тутъ и мѣста не найдешь!»

— Какъ такъ? спросилъ офицеръ: — чтъ же это значитъ?

— А то, пане, продолжалъ мужикъ, поглаживая рукою сѣдые усы и бритую

бороду: — что баринъ нашъ баринъ добрый, ничего сказать, дай Богъ ему много лѣтъ, да крутъ, не приведи Богъ крутъ; ты, Семенко, прости меня, сказалъ онъ, обратясь къ слугѣ, а потомъ продолжалъ: никакой супротивности не потерпитъ; сегодня же еще и праздникъ у нихъ, дочь именинница. Тутъ разъ былъ такой же случай: вотъ какъ и ваша милость теперь пріѣхалъ, изъ военныхъ, изъ Москалей; баринъ и прислалъ, вотъ хоть бы теперь его, Семенка: проси, говоритъ, кто ни пріѣхалъ, проси сейчасъ. Тотъ не пошелъ, нѣтъ да нѣтъ, и остался. Какъ вскинется баринъ нашъ на малаго: «пошелъ, говоритъ, не умѣешь кланяться, что ли? проси!» Опять–таки не пошелъ офицеръ, говоритъ: поѣду дальше. Тутъ ужь никто и везти его не смѣетъ, всѣ разбѣжались, боятся; а малый не смѣетъ и домой казаться, сидитъ тутъ; глядь, другаго шлютъ, третьяго шлютъ, да все бѣгомъ... вдругъ и поднялся самъ, за обиду свою; какъ закричитъ: «коня!!» такъ батюшки, по всей дворнѣ, до самыхъ овчаровъ и свинопасовъ, дрожь и пробѣжала: «за мной!» и поскакалъ; вся дворня за нимъ, кто какъ и въ чемъ попало. Офицеръ видитъ, что дѣло плохо, ушелъ въ избу, двери заперъ на крючокъ, не йдетъ оттуда и никого не пускаетъ: «застрѣлю», говоритъ. Вотъ баринъ нашъ и расходился: «Бей въ трещотки на все

село! Пожаръ! Притуленко горитъ», — а проѣзжій остановился у мужика Притуленка. Ударили въ трещотку, народъ сбѣжался: «лей», говоритъ баринъ: «лей въ трубу, заливай его!» Тутъ знай подвозятъ, да подаютъ воду, а тутъ льютъ; и съ барскаго двора и со всего села съѣхались, ослушаться не смѣютъ, бѣда! Подпрудила вода нашего офицера въ мазанкѣ, и ребятишекъ–то въ хатѣ перетопили–было. Какъ выскочитъ онъ оттуда, а вода за нимъ, ровно плотину прорвало; и сердце отлегло у нашего барина; «качай его», говоритъ: «на рукахъ; кричи ура! неси на барскій дворъ!..»

Тутъ другой гонецъ прибѣжалъ съ барскаго двора, вошелъ въ избу и, не успѣвъ перекреститься, поклонился пріѣзжему и торопливо просилъ его пожаловать къ барину на именинный пирогъ: гости дожидаются. Подумавъ немного, офицеръ взялъ фуражку, и какъ былъ, полумокрый, въ грязи, отправился съ двумя присланными за нимъ вѣстовыми къ помѣщику. На дорогѣ встрѣтила его еще коляска, ѣхавшая также за нимъ.

Веселый, живой, дородный и рослый старикъ встрѣтилъ гостя на широкомъ крыльцѣ, кланялся, благодарилъ за честь и проводилъ въ покои, съ такимъ радушіемъ, съ такою шутливою веселостью, что гость недоумѣвалъ, чѣмъ на все

это отвѣчать. Его представили человѣкамъ двадцати гостямъ; старикъ водилъ его вездѣ за собою подъ руку, цаловалъ, а о родѣ и племени пріѣзжаго и рѣчи не было, потому–что невѣжливо объ этомъ гостя спрашивать; его представляли какъ нежданнаго, а желаннаго дорогаго гостя, и только. Пошли къ закускѣ, а тамъ и къ столу. Шумная бесѣда, смѣхъ и хохотъ, разливное море; но двери на одну половину были притворены, и женщины, по тогдашнему обычаю, не показывались; въ тѣ времена онѣ выходили развѣ только иногда къ концу стола, съ кубкомъ въ рукахъ, съ поклономъ, на показъ гостямъ, и то если хозяинъ былъ очень–веселъ и хотѣлъ почтить гостей; раскланявшись же, барыни и барышни тотчасъ опять уходили, и дверь за ними притворялась.

Нежданнаго и желаннаго гостя потчивали ровно на убой; а если за исправной ѣдой его присматривали съ небольшимъ потворствомъ, заставляя только накладывать всего вирхомъ на тарелку, но не принуждая съѣдать всего, то уже за питьемъ слѣдили съ неумолимою строгостью: кушаньями потчивали, а напитками насиловали. Онъ терпѣлъ и обмогался до послѣдней крайности, надѣясь, что будетъ же всему этому конецъ; онъ разсчитывалъ по блюдамъ, скоро ли дѣло подойдетъ къ концу, но конца рѣшительно

не было. Бутылки съ минуты на минуту росли числомъ, кравчіе наливали безпрестанно, а хозяинъ, между крикомъ, шутками и смѣхомъ, съ такою зоркостью и немилосердіемъ понуждалъ гостей то выпить, то допить, что бѣднякъ нашъ рѣшительно не зналъ куда дѣваться. Кромѣ донскихъ винъ и греческихъ, въ–особенности было въ ходу венгерское, а по промежуткамъ какая–то варенуха, жгучая, какъ огонь запеканка и легіонъ наливокъ, водицъ, шипучекъ и знаменитой медъ–спотыкачъ. Наконецъ все обрушилось на гостѣ: чувствуя, что онъ болѣе пить не можетъ, если не располагаетъ тутъ же растянуться, онъ пытался уже разъ–другой выплеснуть рюмку то въ тарелку, то на полъ; но отъ строго–нашколенныхъ кравчихъ не было никакого отбоя, ни спасенія; они наливали опять рюмку почти налету, и гостю было не легче. Хозяинъ сталъ замѣчать, что желанный гость худо пьетъ; старикъ расшумѣлся, вскочилъ, двое слугъ, по заведенному въ такихъ случаяхъ осторожному обычаю, подхватили его подъ руки, онъ подошелъ къ гостю и сталъ его упрашивать и заклинать выпить свою рюмку. Тотъ долго отговаривался, чувствуя, что у него голова уже давно пошла кругльмъ; наконецъ онъ рѣшился, видя, что нѣтъ средствъ отдѣлаться, но только съ уговоромъ, чтобъ это была послѣдняя. Не успѣлъ

онъ однакожь ее опорожнить и поставить, какъ она была ужь налита вровень съ краями, будто зачарованная, а хозяинъ стоялъ по прежнему и кланялся неотступно, увѣряя, что гость не выпилъ рюмки и ссылаясь при томъ на всѣхъ сотрапезниковъ, какъ на свидѣтелей. Едва будучи въ силахъ связно отвѣчать, но сохранивъ еще столько разсудка, чтобъ понять свое положеніе, проѣзжій отказался на отрѣзъ и не подавался уже ни на какія убѣжденія.

Тогда хозяинъ, выпрямившись, закричалъ: «Именинницъ сюда! Бабушку и внучку! Бабушку и внучку!» И проѣзжій, у котораго и безъ того все ходило кругльмъ, не успѣлъ опомниться, о чемъ идетъ рѣчь и чтъ надъ нимъ дѣется, какъ дверь на женскую половину растворилась, и оттуда показалась старуха лѣтъ подъ сотню, въ темной шелковой исподницѣ и шугаѣ, съ чернымъ парчевымъ платкомъ на головѣ; ее вели подъ руки старая дворовая женщина и внучка ея, дочь хозяина–вдовца. Поступь старушки, поднятая голова, неподвижные глаза и выставленные впередъ пальцы на рукахъ, показывали, что она не видѣла ни зги. Внучка, скороспѣлочка лѣтъ шестнадцати, была до такой степени свѣжа и миловидна, что хмѣльные гости, у которыхъ уже семерило въ глазахъ, отъ всей души сладко улыбались и большею частію безуспѣшно

пытались привстать, или раскланивались пренизко то на ту, то на другую сторону, не зная навѣрное откуда представилось имъ это обаятельное видѣніе. Внучка бережно поддерживала бабушку, легонько переставляла ножки, зардѣлась вся, когда стала приближаться къ столу, къ кругу мужчинъ, и была, по–видимому, въ большомъ недоумѣніи, какъ ей быть, вскинуть ли немного глазки на верхъ, на бабушку, чтобъ по навыку предугадать всякое движеніе ея и предупредить его своею помощію, или ужь идти, отдавшись на произволъ судьбы, потупивъ глаза, покрытые дрожащими, какъ живчикъ, вѣками. Медленно приближалось шествіе это на зовъ хозяина: «сюда, сюда, бабушка!» и представляло разительную, чудную картину. Отжившая, столѣтняя, слѣпая бабушка, и рядомъ съ нею едва–расцвѣтающая шестнадцати–лѣтняя внучка, полная благодатной, младенческой красоты и пышной дѣвственной прелести.

«Сюда, бабушка!» кричалъ багровый въ лицѣ хозяинъ, стоя подлѣ упрямаго гостя и наложивъ на него всею тяжестію неуравновѣшеннаго тѣла желѣзную руку свою: «вотъ у насъ какой гость, безчеститъ домъ мой, ругается надъ хлѣбомъ–солью моимъ, хочетъ опозорить радостный пиръ мой, не пьетъ!!

Становись, бабушка, на колѣни, проси! Ганна, чего смотришь, становись, проси!»

Внучка, испуганная грознымъ голосомъ отца, вздрогнула, взглянула на него быстро и въ ту же минуту опустилась на оба колѣна; бабушка, поддерживаемая съ одной стороны ею, пошатнулась, но внучка, поднявъ руки, успѣла помочь ей; обѣ стояли передъ упрямымъ гостемъ на колѣняхъ, низко кланялись ему, сложивъ руки на груди ладонями, чтъ внучка исполнила торопливо, увидѣвъ, что бабушка такъ сложила руки. За ними стояла старая няня, во весь ростъ, но также кланялась. Бабушка причитывала сиплымъ, грубымъ и громкимъ голосомъ, какъ изъ могилы, убѣждая гостя не безчестить хозяина; ребенокъ вторилъ ей, лепеталъ что–то шевеля губами; бабушка смотрѣла во всѣ глаза и ничего не видѣла; внучка потупила очи, будто молилась, но карія зѣницы южной славянской крови метали искорки изъ–подъ длинныхъ, темнорусыхъ рѣсницъ.

Гость, въ которомъ загорѣлось–было крутое негодованіе, былъ, однакожь, внезапно побѣжденъ; онъ схватилъ стаканъ, вмѣсто рюмки, закричалъ: «лейте, что хотите!» и выпилъ за здоровье бабушки, выпилъ другой за здоровье внучки, выпилъ третій, обнимаясь съ хозяиномъ, при общихъ восклицаніяхъ восторга, и въ–

послѣдствіи уже ничего болѣе не могъ припомнить. Какъ внучка, по приказанію отца, обходила послѣ вокругъ стола съ няней, подносила каждому гостю и цаловалась съ нимъ, это проѣзжій нашъ видѣлъ во снѣ, не то слышалъ отъ кого–то, но самъ ничего не помнилъ.

Видя въ–послѣдствіи передъ собой, во снѣ и на яву, бабушку и внучку, на колѣняхъ, онъ добивался у памяти своей, чѣмъ и какъ все это кончилось? Но ничего не могъ распутать. Образъ старушки, въ темномъ платьѣ, подъ темнымъ платкомъ съ золотыми цвѣтами, исчезалъ мало–по–малу передъ очами мутной памяти его въ какомъ–то неясномъ туманѣ; станъ и обликъ внучки, въ свѣтломъ, яркомъ платьѣ, съ распущенными косичками и съ какою–то повязкою на головѣ, все ярче выступали впередъ и умильно сложенныя ручки долгое время носились передъ нимъ по воздуху. Всѣ похожденія эти казались ему какою–то сказкою или грезой; кресла съ высокими пуховыми подушками, которыя покрыты были шитою въ тамбуръ кисеей, на розовыхъ чехлахъ; другая утварь дубовая, или выкрашенная яркой масляной краской, стулья и диваны обитые кожей, гвъздиками о мѣдныхъ высокихъ шляпкахъ; постели, какъ стоги сѣна; одѣяла и подушки съ широкими подзорами и оборками,

пуховики рыхлые, кровати огромныя, похожія на старинныя линѣйки, съ четырьмя столбиками и занавѣсками на кольцахъ... путнику чудилось, что онъ заѣхалъ–было въ какое–то сказочное царство; и если столѣтняя старуха казалась ему выходцемъ съ того свѣта, то свѣженькое личико внучки напоминало опять этотъ живой міръ и оставляло еще въ бльшемъ недоумѣніи.

VII.
НАДЕЖДА И УКРАЙНА.

Но пора докончить эту вставочную картину и перейдти къ нашему разсказу.

Черезъ нѣсколько времени, полкъ, въ которомъ служилъ офицеръ этотъ, сталъ не вдалекѣ отъ черезъ–чуръ–хлѣбосольнаго потомка генеральнаго судьи бывшаго малороссійскаго войска; желанный гость возобновилъ знакомство свое и безъ памяти влюбился въ Ганнусю. Старикъ умеръ, сильно разстроивъ имѣніе; на кіевскихъ контрактахъ онъ не разъ закупалъ все наличное шампанское, сколько его было, до послѣдней бутылки, только для того, чтобъ принудить польскихъ пановъ кланяться ему и принимать отъ него въ подарокъ шампанское цѣлыми ящиками; онъ не уступалъ его за деньги никому, а безъ шампанскаго, при обычномъ на контрактахъ образѣ жизни, нельзя было

обойдтись, нельзя было кончить ни одной порядочной сдѣлки. Такъ, этого достигалъ старикъ: гордые паны смирялись, кланялись ему и принимали подачку; но имѣніе было разорено. Сироту, согласно съ желаніемъ ея, отдали наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и перекоровъ, за желаннаго, и они жили очень–счастливо года два; тогда она овдовѣла, оставшись съ малолѣтнею дочерью. Мужъ ея былъ добрый и хорошій человѣкъ; она любила его какъ умѣла и оплакала отъ душц. Если мы вспомнимъ, какъ она прелестна была въ роковой для покойника день, когда рядомъ съ бабушкой стояла передъ нимъ на колѣняхъ, то, можетъ–быть, пожелали бы услышать, что изъ нея вышла примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ жена, мать и хозяйка; но мы должны говорить правду, чтѣ и какъ было: изъ нея ровно ничего не вышло. Дурныхъ свойствъ и наклонностей въ ней почти не было, но и особенно хорошаго также. Ничтожество ея еще болѣе оказалось, когда она вскорѣ, стараніями и убѣжденіями цѣлой дюжины родственницъ, отдала вторично руку Григорью Алексѣевичу Ахтубинскому. Онъ заѣхалъ въ тотъ край, собственно чтобъ поискать богатой невѣсты, съ независимымъ состояніемъ; встрѣтивъ неудачи, онъ, недолго думавъ, ухватился за первый представившійся ему случай, въ полной надеждѣ,

впрочемъ, получить порядочное имѣніе, потому–что всякая вдова или невѣста, у которой есть что–нибудь своего, или даже какіе–нибудь виды и надежды на наслѣдство, всегда слыветъ богатою невѣстой — до дня свадьбы. Я сказалъ уже, что имѣніе было крайне разорено и въ долгахъ; сверхъ–того, братья обидѣли Ганнусю и ей достался самый бѣдный участокъ. Григорій Алексѣевичъ вскорѣ привелъ его, однакожь, въ совершенный порядокъ, то–есть, порѣшилъ, продалъ остатки, обманувъ долгами кого могъ, промоталъ остальное то на мѣстѣ, то въ Москвѣ, и, нашедъ, что въ Петербургѣ выгоднѣе морочить народъ и занимать притомъ порядочное мѣсто, перешелъ туда на жительство.

Ганнуся, Анна Герасимовна, вышедшая въ первый разъ замужъ почти ребенкомъ по душѣ и по тѣлу, погрузилась въ такое безчувственное равнодушіе послѣ вторичнаго брака своего, что никогда и ни въ чемъ не прекословила мужу, не огорчалась его родомъ жизни и поступками, не желала и не требовала ничего, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ удобствъ жизни, то–есть, нарядовъ, кареты, хорошихъ и теплыхъ покоевъ, нѣсколькихъ лакомыхъ блюдъ, кофе и толпы дѣвокъ для услугъ. Остальное ей все было ни по чемъ. Дѣтей у нея болѣе не было, дочь свою любила она, но любила съ такою ничѣмъ–

невозмущаемою холодностью и беззаботностью, что дѣвушка во всѣхъ отношеніяхъ предоставлена была произволу судьбы. При такихъ отношеніяхъ, казалось, нельзя было бы ожидать многаго отъ этой судьбы; но природа нерѣдко шутитъ, впрочемъ совсѣмъ не на шутку, по–свьему, и образуетъ изъ человѣка, при всемъ стараніи воспитателей, пустоцвѣтъ, и на оборотъ, производитъ наперекоръ имъ алмазъ въ самородной корѣ. Скажутъ: «вѣроятно въ первомъ случаѣ при стараніи не было умѣнья»; можетъ статься; это рѣшить трудно; но дочь Анны Герасимовны, Надя, превзошла всѣ надежды матери, у которой, впрочемъ, можетъ–быть, въ этомъ отношеніи и не было никакихъ положительныхъ надеждъ. «Маменька, комаръ укусилъ» пропищитъ, бывало, баловень–дочка, и маменька, чтобъ отвязаться отъ докучливаго ребенка и забавить его, велитъ дѣвкамъ ловить по саду и казнить комара. Поймаютъ одного, принесутъ, чтобъ дѣвочка казнила его, такъ нетъ, говоритъ, это не тотъ. Побѣгутъ за другимъ, и такимъ–образомъ это продолжается, покуда не вздумается ребенку признать того комара, который его укусилъ. По одному этому образчику можно судить о воспитаніи Нади; чего же можно было ожидать отъ ребенка, когда онъ, къ–тому еще, постоянно находился на рукахъ у

дѣвокъ, которыя то поперемѣнно его баловали, то стращали, то мучили, то заставляли лгать матери, то сами его облыгали? когда Надя только и слышала отъ нихъ, что будетъ красавицей и богатой невѣстой... между–тѣмъ, однакожь, хотя только одно первое изъ этихъ предсказанiй исполнилось, но за то мнимое богатство съ избыткомъ вознаградилось качествами ума и сердца.

У великорусскаго племени лицо круглое, плосковатое, носъ, какъ пишется и на всѣхъ безъ изъятiя паспортахъ, среднiй, глаза сѣрые, различныхъ оттѣнковъ, волосы русые, нерѣдко свѣтлые, женщины плотноваты. Въ Малороссiи вы видите лицa болѣе продолговатыя, губы тонкiя, съ особеннымъ выраженiемъ; носъ дугою, глаза карiе, волосы темнорусые, каштановые, или даже черные; станъ болѣе–гибкiй. Удачная смѣсь обоихъ племенъ рождаетъ очень благовидныхъ мужчинъ и пригожихъ дѣвушекъ, какъ, вѣроятно, всякому случалось видѣть на дѣлѣ. Надя принадлежала именно къ этому числу. Въ умственномъ же и нравственномъ отношенiяхъ, она развилась сама собою, какъ Богу было угодно, и притомъ такъ внезапно, что нельзя было не дивиться этому, даже тѣмъ, которые видѣли ее каждый день. Мать, конечно, этого не

замѣтила; но дворня любовалась барышней своей и говорила: «чтѣ это, какая она стала разумная!»

Надя побыла года два въ образцовомъ пансіонѣ, это правда, но обстоятельство это само–по–себѣ, какъ легко можно вообразить, никогда бы не сдѣлало изъ нея того, чтѣ изъ нея вышло, еслибъ благодатная природа не занялась въ–послѣдствіи своей любимицей. Когда пришло это роковое время развитія, то все, чтѣ Надя до того вытвердила безсознательно наизусть, для экзаменовъ, все это быстро заняло свое мѣсто въ головѣ, озарилось внутреннимъ свѣтомъ разумнаго сознанія и связалось непрерывною цѣпью понятій; душа ея прозрѣла, согрѣтая чувствомъ и мыслію! И переворотъ этотъ совершился такъ спокойно и безмятежно, будто все осталось въ старомъ видѣ и порядкѣ, и будто даже и сама Надя ничего объ этомъ не знала. Такое явленіе сбыточно только въ кроткой дѣвственной душѣ; въ мужчинѣ неминуемо должно бы оно сопровождаться переломомъ бурнымъ и опаснымъ.

Отчимъ заботился мало о падчерицѣ своей, но надо сказать правду, все–таки гораздо–болѣе матери. Онъ понималъ, что ее должно будетъ показывать въ свѣтѣ, и потому иногда хотя мысленно заботился о томъ, чтобъ не слишкомъ–стыдно за нее было; иногда ему было даже

пріятно думать, что она будетъ оживлять нѣсколько домъ, — а наконецъ, какъ человѣкъ, который на всемъ строитъ замыслы и готовится къ оборотамъ, Григорій Алексѣевичъ посѣщаемъ былъ также какою–то темною надеждой, что падчерица должна поправить со–временемъ ихъ состояніе черезъ выгодный бракъ, т. е., или посредствомъ богатства, или же посредствомъ связей. Когда у него блеснула эта мысль, то онъ сталъ къ Надѣ гораздо–добрѣе, обрадовалъ ее фортепьяннымъ учителемъ и распускалъ подъ–рукою слухи о помѣстьяхъ ея въ Екатеринославской и Полтавской Губерніяхъ. Привыкнувъ вообще къ холодному, но не дурному обращенію родителей, она не находила въ немъ ничего особеннаго, любила ихъ отъ души и была всѣмъ довольна; при соединеніи кротости и спокойствія матери, у которой, однакоже, эти качества развиты были почти до тупоумія, — съ умомъ и чувствомъ покойнаго отца, сиротка отъ природы не имѣла никакихъ особыхъ притязаній, довольствовалась тѣмъ, чтъ было и какъ было — и угождала этимъ какъ на бездушное спокойствіе матери, такъ и на безпорядочный и безтолковый образъ жизни и хитрый нравъ вотчима.

Теперь пора сказать слово и о томъ человѣкѣ, который первый выступилъ на поприще нашей повѣсти, — тѣмъ болѣе пора, что

между имъ и Надей видимо есть какія–то особенныя отношенія, есть по–видимому нѣчто связующее и разлучающее ихъ.

Андрей Ефимовичъ Горностай былъ потомокъ весьма–извѣстнаго въ свое время полковника малороссійскихъ казаковъ, пожалованнаго Императрицей Екатериной, за службу, прекраснымъ имѣніемъ. И этотъ потомокъ, однакоже, не избѣгъ общей участи всѣхъ потомковъ — утѣшаться однимъ воспоминаніемъ или преданіемъ о богатствѣ и роскоши предковъ. Оставшись круглымъ сиротой и владѣльцемъ съ десяти–лѣтняго возраста, Андрей при совершеннолѣтіи своемъ принялъ клочокъ бывшаго горностаевскаго имѣнія въ довольно–жалкомъ состояніи. Неурожаи, низкая цѣна на хлѣбъ, недостатокъ сбыта, падежи на скотъ, наконецъ процвѣтаніе новороссійскаго края, который отбилъ у Украйны всю торговлю съ портами Чернаго–Моря, необходимость платить за фунтъ чая по три и по четыре четверти хлѣба, а за пудъ сахара четвертей по десяти и болѣе; неоплатимыя недоимки на крестьянахъ, которые поперемѣнно то продавали хлѣбъ по гривнѣ за мѣрку, то голодали и не могли купить его за два рубля, не могли также заработывать деньги чумакованьемъ, ходить за солью, возить рыбу съ Дону и хлѣбъ въ порты, потому–что

отношенія измѣнились и между–прочимъ скота не стало... все это, какъ увѣряли по–крайней–мѣрѣ Андрея, было въ–теченіе времени причиной упадка хозяйства на родинѣ его и въ собственномъ его имѣніи.

Кончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, Горностай предпочелъ слушать чтенія въ Московскомъ Университетѣ; оттуда онъ навѣдывался въ лѣтнія вакаціи домой, а въ зимнія ѣзжалъ въ Петербургъ: за тѣмъ онъ, со степенью кандидата по философскому факультету, отправился въ путь по Россіи, скопивъ для того отъ доходовъ своихъ небольшія деньги.

Андрей съ виду чрезвычайно походилъ на образецъ запорожца: воспитаніе мало измѣнило пріемовъ и ухватокъ его, въ коихъ при нѣкоторомъ приличіи и безъ рѣзкихъ особенностей, можно было узнать по первому взгляду бывшаго украинскаго казака. Лобъ прямой и очень–высокій, при темнорусыхъ, нѣсколько–жесткихъ и строптивыхъ волосахъ; глаза большіе, каріе, лицо довольно–продолговатое, въ рябинкахъ, носъ тонкій и умный, дугой; уста тонкія, сжатыя, съ выраженіемъ какой–то угнетенной, насмѣшливой улыбки. Станъ у него былъ рослый, ловкій и видный; но уши, руки и ноги очень–велики. Взглядъ его былъ рѣзокъ и очень–остойчивъ;

губы иногда шевелились безъ рѣчей, когда душа кипѣла, а черты лица были вообще рѣзкія, выразительныя, но отнюдь не грубыя. Онъ, безъ всякаго намѣренія казаться чудакомъ, охотно подбоченивался особымъ образомъ и садился, гдѣ стоялъ, поджавъ ноги; садясь на стулъ, онъ охотно повертывалъ его угломъ впередъ; шапка, противъ воли его, съѣзжала какъ–то на одно ухо; платье всегда казалось ему узкимъ, хотя онъ никогда не носилъ широкаго; вовсе не будучи причудливъ на столъ и не заботясь объ немъ даже и тогда, когда могъ имъ распоряжаться, онъ однакоже вкушалъ и плотію и духомъ всякое блюдо родимой кухни, и когда пріѣзжалъ домой, то распоряжался въ приспѣшной съ большимъ жаромъ, заказывая борщъ со свининой, уткой и индѣйкой, кашу съ толченымъ саломъ, вареники, мнышки и проч.

Способности у Андрея были отличныя, душа свѣтлая, чистая, но какъ–будто слегка угнетенная грустью. Не зная о чемъ, онъ однакоже задумывался, часто безъ умысла вздохнувъ не договаривалъ, глядѣлъ заунывно, будто что–то было не ладно; а затянувъ или замурлыкавъ про себя пѣсенку, вѣчно попадалъ на миноръ. Необузданная вспыльчивость, казалось, была подавлена давно и, сосредоточась, положила въ основаніе нрава его горячее чувство ко всему

доброму, высокому, и притомъ твердость, постоянство и чрезвычайную ровность ни чѣмъ несмущаемаго духа. Это онъ въ–особенности доказалъ благоразумнымъ и благороднымъ поведеніемъ своимъ, когда судьба довольно–жестокою рукою оттолкнула его отъ надежды на... на Надежду; но пусть онъ раскажетъ объ этомъ самъ.

«Въ первый разъ я увидѣлъ ее дома, на общей нашей родинѣ, куда родители ея пріѣхали для сбыта послѣднихъ крохъ бывшаго имѣнія. Послѣ я продолжалъ знакомство въ Москвѣ, и наконецъ также въ Петербургѣ. Вотъ наша первая встрѣча:

«Бывъ на охотѣ съ ружьемъ, встрѣтилъ я довольно–далеко отъ дома двухъ сосѣдей; они меня завлекли еще далѣе, оставили у себя, на другой день поѣхали со мною опять дальше, — такимъ–образомъ забрелъ я въ мѣста мало–знакомыя и, по обычному мнѣ любопытству ко всему мѣстному, разспрашивалъ встрѣчныхъ крестьянъ обо всѣхъ кровелькахъ, садахъ, журавляхъ (колодцахъ) и колокольняхъ, которые виднѣлись тутъ и тамъ по волнистой поверхности вокругъ холма, на которомъ я стоялъ. Когда мнѣ показали вблизи деревеньку и нѣсколько хуторовъ, какъ остатокъ огромнаго имѣнія бывшаго генеральнаго судьи, сказавъ, что

имѣніе это промотано, распродано, разошлось по рукамъ наслѣдниковъ и заимодавцевъ; что съ крылечка хаты, которая еще цѣла, бывшій генеральный судья говорилъ собравшемуся народу знаменитую свою рѣчь; что тутъ была у него первая въ округѣ пасека, плодовый садъ и проч., то я, воротившись умомъ къ давнопрошедшему, пошелъ тихими шагами на этотъ хуторъ — и стая куропатокъ, вспорхнувшая со свистомъ и верезгомъ изъ–подъ ногъ моихъ, испугала охотника до того, что я послѣ смѣялся самъ надъ собою, какъ надъ дуракомъ. Стая куропатокъ испугала охотника! Вотъ какія робкія мгновенія бываютъ въ нашей жизни!

«Я подошелъ, увидавъ нѣсколько стоявшихъ въ кучкѣ хатокъ, въ числѣ которыхъ была одна панская, — никакъ не думая, чтобъ хозяинъ былъ дома; я обошелъ кругомъ и все глядѣлъ. Вотъ этотъ знаменитый въ свое время садъ, или остатки его; среди общей тишины въ немъ раздавался унылый и одинокій стукъ сѣкиры, и широколиственный кленъ, который рубили подъ самый корень, въ справедливомъ негодованіи своемъ потряхивалъ при каждомъ ударѣ животрепещущей вершиной. На задахъ я узналъ обнесенное когда–то канавой мѣсто, гдѣ была пасека. Овинъ осѣлъ и развалился; отъ кошары остались однѣ развалины; на конюшнѣ и сараяхъ

солома взвалена была ворохомъ, стогомъ, чтобъ какъ–нибудь прикрыть течь; въ домѣ лькна и двери покосились; крылечный навѣсъ, гдѣ въ замѣчательную годину стоялъ генеральный судья, былъ подпертъ по серединѣ суковатымъ столбомъ, а вокругъ все поросло крапивой, бѣленой, дурманомъ, паслёномъ и лопушникомъ.

«Постоявъ нѣсколько времени и не видя ни души въ домѣ, я рѣшился взойдти на крылечко; осмотрѣвъ его, я тутъ только сталъ прислушиваться къ тихому, стройному напѣву въ два женскіе гльлоса, при какихъ–то частыхъ и глухихъ ударахъ подъ мѣру веселенькой украинской пѣсни. Я прислушался — мнѣ стало такъ весело и грустно, что я отворилъ тихонько двери изъ сѣней въ комнаты и вошелъ. Прямо передо мною сидѣла молоденькая, миловидная барышня, у которой, при обыкновенномъ въ новѣйшее время домашнемъ барскомъ платьѣ, вкругъ головы положены были скиндячки, ленты, по обычаю поселянокъ, и по обѣ стороны заткнуто по доброму пучку полевыхъ цвѣтовъ. Она стоя пахтала масло и чистымъ голосомъ припѣвала; а вторила ей убранная такимъ же образомъ, но въ деревенской одеждѣ, дѣвка, которая готовила и переставляла посуду.

«Я остановился въ недоумѣніи и въ первую минуту не зналъ, кого я вижу предъ собой, и

какъ заговорить. Но барышня, улыбнувшись, поклонилась мнѣ, передала работу свою проворно дѣвкѣ, а сама, подошедши нѣсколько шаговъ, спросила: кого вамъ угодно? На лицѣ ея видно было маленькое, очень–пріятное по выраженію замѣшательство, что–де чужой человѣкъ засталъ ее такимъ образомъ врасплохъ; а изъ улыбки этой также видно было, что дѣвица была бы готова объяснить сейчасъ, въ оправданіе свое, какъ и отъ–чего все это случилось.

«Я извинился, сказалъ прямо, что, будучи на охотѣ, хотѣлъ взглянуть на хуторъ генеральнаго судьи и полагая найдти его нежилымъ, осмѣлился войдти. Слова мои ее одушевили; она взглянула смѣлѣе, сказала, что такое уваженіе къ предкамъ должно быть пріятно и потомкамъ; что вотчимъ ея уѣхалъ въ городъ, за дѣломъ, а матушка отдыхаетъ. — Извините, прибавила она: — вы меня застали среди хозяйства, которымъ я забавляюсь; мы здѣсь только на время. — Въ эту минуту только она вспомнила о головномъ уборѣ своемъ, который былъ ей удивительно къ–лицу, и, зарумянившись, мгновенно сорвала его съ головы, кинувъ пучки цвѣтовъ и сказавъ: — Ахъ Боже мой! а про эту шалость я и забыла…

«Я продолжалъ разговоръ о предкахъ, о любопытствѣ моемъ и участіи — перешелъ къ

потомкамъ, изъ которыхъ иные, по–видимому, также заслуживали моего вниманія. Она довѣрчиво слушала меня, потомъ просила садиться; или, сказала она, не угодно ли пройдтись въ садъ — онъ посаженъ еще генеральнымъ судьею — а маменька скоро встанетъ; не уходите, пожалуйста, я тогда тотчасъ пошлю просить васъ въ комнату; выпейте у насъ чашку чаю, или скушайте, послѣ прогулки, тарелку моей простокваши... маменька вѣрно рада будетъ сосѣду, хоть и не совсѣмъ близкому...

«Я проходилъ съ полчаса въ саду въ чрезвычайно–счастливомъ расположеніи духа, и погрузился, какъ ребенокъ, до того въ старину нашу, что грезилъ Богъ–вѣсть какими сказками. Подошедши къ мужику, который рубилъ вѣковое кленовое дерево, я тутъ только доспросился, у кого я въ гостяхъ. Когда же узналъ, что видѣлъ передъ собою праправнуку генеральнаго судьи и говорилъ съ нею, а она такъ мило и такъ умно отвѣчала, то я почти заплакалъ отъ грусти, что она сняла съ себя скиндячки и пучки цвѣтовъ, что впередъ будетъ ходить безъ нихъ.

«Мать приняла меня безъ радости, безъ печали и безъ всякаго участія; но въ равнодушіи ея не было замѣтно никакого неудовольствія. Посѣщеніе сосѣда было дѣломъ обыкновеннымъ;

участіе его къ знаменитымъ предкамъ владѣльцевъ сблизило насъ — и если мать была къ этому довольно–равнодушна, то тѣмъ милѣе казалась мнѣ умненькая дочь, и я съ какой–то грустію прислушивался къ рѣчамъ ея. При прощаньи Надя, какъ называла ее мать, обратилась къ ней вслухъ съ вопросомъ: можно ли просить меня быть знакомымъ впередъ — онъ вѣдь сосѣдъ нашъ, сказала она. — Мать плавно покачнулась, поддакнула, проговоривъ: «какъ же! прошу покорно, милости просимъ» — и я побрелъ на сборное мѣсто къ товарищамъ.

«Они нашли меня какъ–то замысловатымъ; я же самъ собой былъ доволенъ какъ–нельзя–лучше, хотя и самъ не зналъ, за что считалъ себя какимъ–то избраннымъ счастливцемъ, и глядѣлъ на товарищей снисходительно и добродушно. Я посѣтилъ такъ–называемыхъ сосѣдей своихъ въ–теченіе лѣта еще нѣсколько разъ, познакомился съ вотчимомъ Нади, который показался мнѣ съ перваго раза вовсе не тѣмъ, чѣмъ послѣ; вскорѣ я поѣхалъ въ Москву, гдѣ надѣялся возобновить знакомство это, благословляя родину свою болѣе, чѣмъ когда–либо прежде.

«Да, благословенная Украйна! какъ–бы тамъ ни было — а у тебя за пазушкою жить еще можно. Гдѣ только сѣлъ человѣкъ на материнскихъ персяхъ твоихъ и слѣпилъ себѣ

хатку, тамъ сама природа привѣтствуетъ укромное жилье его роскошными травами и цвѣтами, которыхъ сѣменами незримо упитана вся почва и ждетъ только, чтобъ къ ней прикоснулся съ легкой руки человѣкъ. Огромные стебли голубыхъ петровыхъ батоговъ, золотистаго коровяка, красной какъ макъ рожи, темнаго царь–зелья съ синими колпачками и красиваго, хоть и колючаго будяка, подымаются вкругъ одинокаго хутора; лиловые пахучіе васильки, чебрецъ, пуговки, горошекъ, дрокъ, медуница, проростаютъ сквозь густой пырей и буркунецъ; рута, шавлій, мяты разныхъ родовъ и пахучія, душистыя зелья колышатся по вѣтру; тутъ и тамъ вдалекѣ стоитъ кустъ съѣдомаго катрана. Оглобля, брошенная на землю, за ночь заростаетъ травой; каждый прутъ, воткнутый мимоходомъ въ тучный черноземъ, даетъ вскорѣ тѣнистое дерево. Какъ сядешь на одинокій курганъ, да глянешь до конца свѣта — такъ бы и кинулся вплавь по этому волнистому морю травъ и цвѣтовъ — и плылъ бы, упиваясь гуломъ его и пахучимъ дыханіемъ, до самаго края свѣта!

«Унылы и докучливы почернѣвшія отъ времени сосновыя избы, всѣ въ одну, съ однимъ краснымъ и съ однимъ волоковымъ окномъ, съ высокимъ заборомъ, досчатыми тюремными воротами подъ шатромъ, гдѣ на всемъ селѣ нѣтъ

ни прута, ни былинки зелени. Нужда укроется подъ этою кровелькою, которая мрачна, не смотря на рѣзныя полотенца свои и вычурно–расписанные наоконники; но простодушная улыбка и покойное довольство рѣдко заглянутъ сюда, а пойдутъ искать другаго пріюта. Переночуйте зимою въ этой избѣ, чтѣ вы увидите, кромѣ грязи и таракановъ? До разсвѣта просыпается бранчивая старуха и, не сходя съ мѣста, начинаетъ будить заспавшихся золовокъ, чтобъ шли доить коровъ, принесли дровецъ, засвѣтили лучину — пора топить печь: ужь углы за ночь промерзли. Начинается брань и перекоры между свекровью и золовками: «не моя очередь — и не моя — нѣтъ, твоя»... просыпаются мужики, и каждый изъ нихъ, проговоривъ съ просонья хозяйкѣ своей привѣтствіе, отъ котораго бѣжалъ бы за тридевять земель, спроваживаетъ бабу свою за работу по хозяйству. Тутъ очереди опять перебились и на завтра готовятся тѣ же перекоры. Потягота, зѣвота, вздохи, охи, отрыжка — одолѣваютъ возставшихъ отъ сна. Засвѣтили лучину, затопили печь — и дымъ пошелъ по избѣ въ три коромысла. Изба освѣтилась: три мужика сидятъ на печи и чешутся въ–слухъ; нѣсколько незримыхъ глотокъ зѣваютъ въ запуски, самымъ заунывнымъ напѣвомъ. Мужики на печи

начинаютъ мотать онучи свои — и онучамъ нѣтъ конца: имъ законная мѣра семь аршинъ, да ину пору еще семіаршинные подвертки на прибавку. За онучами слѣдуютъ лапти, высушенные за ночь въ сухарь — и тутъ съ обычными приговорками, для облегченія труда, начинаютъ мотать вкругъ ногъ оборы, которые мѣряются уже не аршинами, а маховыми саженями; по промежуткамъ зѣваютъ отчаяннымъ голосомъ, будто часовые, разставленные одинъ отъ другаго на полверсты, другъ друга окликаютъ; опять скребутся, изрѣдка молвятъ слово къ слову — и опять принимаются мотать. Глядя на это, подумаешь, что ихъ лѣшій обошелъ, что заговореннымъ оборамъ точно нѣтъ конца, что конецъ отрѣзали, да закинули.

«Легіоны таракановъ и прусаковъ также просыпаются, и когда мужики, зѣвнувъ, пробавляются молчанкой, то шелестъ отъ жесткихъ ногъ этихъ тварей слышенъ по всей избѣ. Они ползутъ со всѣхъ сторонъ въ средній поясъ этого искусственнаго климата: снизу выживаетъ ихъ стужа, а сверху дымъ; на рубежѣ этихъ стихій домашняя скотинка смирно усаживается, поводитъ усиками и чинно ждетъ привычной перемѣны климата, когда печь истопится и дверь опять притворится.

«Дымъ донимаетъ однакоже мужиковъ и они кряхтя лѣзутъ съ печи; дверь и волоковое окно

растворили и наша горница съ Богомъ не спорится: одна погодка, что въ избѣ, что на дворѣ.

«Просыпаются ребятишки на палатяхъ: дымъ глаза выѣлъ. Они начинаютъ кашлять, чихать, кряхтѣть, а потомъ по–немногу и ревѣть, кто сипло, кто позвучнѣе. Подъ ногами у васъ толпятся свиньи, телята, поросята и также хрюкаютъ и ревутъ, кто во что гораздъ. Коровъ нѣтъ въ избѣ, истинно по той только причинѣ, что тѣсно, нѝкуда ихъ поставить. Ребятишкамъ слѣзть съ полатей не хочется — холодно; по–этому свѣшиваютъ они свои кудлатыя головы съ полатей и глядятъ изъ густаго дыма, ровно съ облаковъ, пробиваясь носомъ на просторъ.

«Печь затопили; чтѣ же теперь хозяйка станетъ готовить? Да ничего; развѣ *пустыя* щи, а не то, толокна затретъ. Овощей своихъ и заготовленной впрокъ зелени, плодовъ — ровно ничего; есть ли, нѣтъ ли капуста, да и та покупная. Птицы дворовой нѣтъ: на цѣломъ селѣ, у пономаря курочка, да у старосты пѣтушокъ. Все нѣ на что обзавестись, да нѝкогда за нею ходить. Щи съ мясомъ, пирогъ, кулебяка, даже порядочная каша съ масломъ — это роскошь сказочная, рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, и развѣ найдется у крестьянъ промышленыхъ. Грязь одолѣла — нельзя же, все

въ работѣ; баня — одна отрада; не будь ея, такъ народъ поросъ бы мохомъ и папортникомъ.

«А бѣлая, мазаная хатка подъ вербами, плетень, или камышевый, низенькій тынъ и такія жь ворота? Все видно, чтѓ дѣлается на дворѣ, все весело, уютно; садъ и огородъ при каждомъ дворѣ; хаты не лѣпятся сплошь, одна къ другой и зубъ–въ–зубъ, а каждая отставлена и отдѣлена дворомъ, огородомъ, покрыта также соломой, но не походитъ на безобразную копну, на которую каждую осень набрасываютъ еще по три воза соломы, накрывъ ее жердями или хворостомъ, а крыта гладко, ровно, со стрѣхой въ обрубъ. На кровлѣ бѣлая труба, два оконца на улицу, два на дворъ, дверь и лькна обведены по бѣлому полю каймой изъ желтой глины, въ палисадничкѣ бархатки, шапочки, ноготки, подсолнечники, пшенка, — а тамъ груши, сливы, яблоки, вишни, черешни; казакъ вышедъ, пѣсню запѣлъ о Богданѣ, о тарани, о томъ, что его дождь смочитъ, буйны вѣтры высушатъ, тернъ колючій вычешетъ... о гетманщинѣ, о битвахъ съ Ляхами, да съ Татарами, о братьяхъ въ Карпатахъ... Зайдите въ хату: ни одна хозяйка вамъ не повѣритъ, что есть такіе мужички, которые живутъ въ одной избѣ со свиньями и телятами. Все бѣленько; скрыня въ углу на колесахъ, печурки и заломчики въ стѣнахъ; все

приглажено, примазано; битый полъ усыпанъ мятой, чебрецомъ, рутой, нечуй–вѣтромъ, васильками; въ углу стоцтъ свѣжій полынковый вѣникъ; таракановъ не знаютъ и по кличкѣ; хозяйка и дочка ея въ бѣлыхъ сорочкахъ; дѣвки съ утра убрали голову цвѣтами: тЎкъ онѣ и на работу пойдутъ, тЎкъ и домой прійдутъ, съ пѣснями, а въ полѣ еще и свѣжими цвѣтами позаквичаются. Хозяйка варитъ горячее не только каждый день, но къ обѣду и къ ужину; гуси, куры, утки, индѣйки на каждомъ дворѣ; безъ этого мужикъ не хозяинъ. Въ борщъ идетъ всякое мясо, всякая живность: тамъ не знаютъ этихъ предразсудковъ тупоумія, чтобъ грѣшно было ѣсть зайца, грѣшно ѣсть теленка, голубей, а борщъ съ голубями — блюдо хоть куда. А не то, борщъ съ саломъ, каша съ масломъ, и масло не прогорклое и топленое, а свѣжее, пахтанное. Пришло лѣто, и овощей огородныхъ, плодовъ всякаго рода въ волю: это не покупное, а у всякаго подъ рукой и свое. Народъ лѣнивый, любитъ полежать въ просѣ на печи, а достаетъ же времени, чтобъ и съ пашнею управиться, и приглянуть за огородомъ. Да какъ же хохолъ и будетъ жить безъ огорода? Онъ года не проживетъ безъ цвѣтовъ, не только безъ пшенки, огурцовъ и арбузовъ! Онъ къ цвѣтамъ привыкъ; посмотрите, чтѣ онъ коситъ: трава по поясъ, и

цѣлое море цвѣтовъ, — все это колышется волной по вѣтру, дальше, дальше, до самаго небосклона — все это пахнетъ, душцтъ; какъ станешь на курганѣ, да поглядишь, да станешь слѣдить глазами волну за волной, такъ самого укачаетъ, ляжешь и уснешь!

«Сосна, сосна, ёлка и болото; береза, береза, осина и опять ёлка, и опять болото; на рѣдкость развѣ еще орѣшникъ, да песокъ. А у насъ? клёнъ, берестъ, черноклёнъ, грабина, ясень, тополь, грецкій орѣшникъ, каштанъ, вишня, слива, груша, яблоня, шелковица... да нѣтъ имъ конца, коли все считать, чтѣ растетъ; все есть; не отказывается, спасибо, земля ни отъ чего, все принимаетъ и все отдаетъ съ лихвою! А напитки! тамъ — квасъ, что рыло отъ него нЎ–сторону воротитъ, да изрѣдка развѣ на свадьбу, либо въ годовой престольный праздникъ брагу сварятъ, либо сусло, бузу, и называютъ это пивомъ; а ныньче и этого нѣтъ — пей водку у откупщика! А у насъ? сколько корчемъ стоцтъ, столько сортовъ пива и меда; сколько есть на свѣтѣ ягодъ и плодовъ, столько наливокъ... Наливка сладкая, мягкая, не пьяная, бархатная; однѣ только ягоды пьяныя остаются, на лакомство дѣвкамъ, въ праздничный день. А какъ арбузы поспѣютъ, такъ и пива, и меду не надо!

«Пойдутъ ваши въ праздникъ гулять — что есть денегъ у мужика, все разомъ въ кабакъ, а не стало, такъ заложилъ еще кафтанъ. Выпилъ штофъ бычкомъ, не отъимая отъ губъ, свалился въ канаву — тутъ и лежитъ безъ просыпа, до будня, коли бабы не отволокутъ домой, натолкавъ порядкомъ бока, обрадовавшись, что по силамъ человѣка нашли. Кромѣ сивухи — пригорѣлой, разсыропленной, запойной, нѣтъ ничего, хоть не спрашивай, и мужику души отвести съ горя и съ радости нѣ надъ чемъ. А тамъ? тамъ гуляка спроситъ пива, меду, сливянки, вишневки — отвѣдаетъ, да еще и выплюнетъ — не хороша, подай прошлогодней терновки; пьетъ и причмокиваетъ, сядетъ, наговоритъ, наскажетъ съ три короба — слушай не слушай, ему все одно. Выпьетъ стаканчикъ, прикинувъ на свѣтъ, обругаетъ Жида, оближется; тамъ онъ оглядывается, нѣтъ ли слѣпаго гусляра, бандуриста, кобзаря, сажаетъ его, потчуетъ и чествуетъ; кружокъ собирается, заставляютъ спѣть про гетманщину, сказать пѣхвалку послѣднему гетману, кЎкъ промѣнялъ онъ казачій жупанъ на французскій, *шпалерный* кафтанъ, кЎкъ поголовщина поднялась на католиковъ, которые русскую вѣру продали Жидамъ... насмѣется гуляка нашъ и наплачется, поцалуется и обнимется со всѣми, и пойдетъ

домой на своихъ ногахъ: развѣ шапку только, коли она новая, понесетъ въ рукахъ, или положитъ за пазуху, чтобъ не потерять...»

VIII.

ГРИГОРІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ.

Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ къ кругу знакомствъ Григорія Алексѣевича въ Москвѣ, затѣяли дать маскарадъ, на подгородной, прекрасной дачѣ. Это былъ день домашняго праздника и согласились устроить все тайкомъ отъ отца, или по–крайней–мѣрѣ скрыть отъ него, для нечаянности, приготовленія къ маскараду. Я былъ принятъ въ домѣ Ахтубинскаго, какъ землякъ и свой, и не только былъ безъ ума отъ Нади, но видѣлъ и въ родителяхъ ея необыкновѣнно–достойныхъ людей. Какими глазами на что взглянешь, тѣ и видишь. Мнѣ досталось совѣтовать Надѣ, кЎкъ ей одѣться и отчасти помогать ей при этомъ; вспомнивъ первую встрѣчу нашу, я предложилъ ей одѣться украинской дѣвушкой; она охотно послушалась меня, была очень–довольна этой выдумкой, пригласила еще въ товарки подругу и стала готовить уборъ и платье. Мать на все это смотрѣла равнодушно; она, казалось, не принимала въ этомъ большаго участія, не показывала ни охужденія, ни одобренія, а лѣниво улыбаясь, была довольна всѣмъ, чтѓ ей

показывали. Между–тѣмъ, Украйна оставила въ ней, однакоже, кой–какія воспоминанія, и Анна Герасимовна, при всемъ безстрастіи своемъ, казалось, иногда глядѣла на наряды наши не безъ удовольствія. Вдругъ Надѣ пришло въ голову, что было бы прекрасно составить полную кадриль въ украинской одеждѣ; пріискали тотчасъ же еще двухъ подругъ и четырехъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ, само–собою разумѣется, былъ и я, взявъ на свою долю Надю. Все шло весело, прекрасно; мы сдѣлали старинные чапаны съ откидными рукавами, шаровары и цвѣтные сапоги, шелковые пояса, бритыя головы съ оселедцами и смушковыя высокія шапки; дѣвицы были въ цвѣтныхъ плахтахъ и запаскахъ, въ корсетахъ или шугайчикахъ, въ монистовыхъ ожерельяхъ и въ прическѣ съ лентами и цвѣтами. Кадриль эта чрезвычайно понравилась всѣмъ и обратила на себя общее вниманіе; а мы были вполнѣ счастливы и довольны. Мы также думали, что доставимъ этою невинною шуткою удовольствіе Григорію Алексѣевичу, и безъ этой увѣренности я, конечно, никогда бы не вмѣшался въ дѣло.

Вышло не такъ. Григорій Алексѣевичъ былъ непріятно пораженъ при первомъ взглядѣ на нашу кадриль. Всѣ ухаживали около насъ, улыбались, радовались и тѣшились — а онъ,

нахмуривъ брови, отошелъ въ сторону, не давъ никому привѣта, поглядывалъ издали съ какимъ–то безпокойствомъ на дочь, отвѣчалъ сухо тѣмъ, которые думали польстить ему похвалой красотѣ и статности Нади — сказалъ раза два что–то суровое на ухо женѣ, и наконецъ приказалъ дочери тотчасъ переодѣться. Мы не успѣли оглянуться, какъ она явилась, нѣсколько смущенная, въ бальномъ платьѣ своемъ, а мы, прочіе, поглядѣвъ другъ на друга и перемигнувшись, сочли также за лучшее убраться домой.

Эта ничтожная и невинная шутка возстановила Григорія Алексѣевича противъ меня до такой степени, что побывавъ у него раза два послѣ того въ домѣ и вымоливъ у Нади признаніе, чѣмъ мы могли огорчить отца, я принужденъ былъ вовсе отказаться отъ знакомства съ этимъ домомъ, и отъ прежнихъ столь дорогихъ для меня посѣщеній. Надя не могла сказать мнѣ ничего болѣе, какъ что Григорій Алексѣевичъ былъ очень сердитъ на всѣхъ насъ, особенно на меня, какъ на зачинщика; находилъ мужицкіе наряды наши чрезвычайно–неприличными, потому–де, что дочь его не какая–нибудь Марѳушка или Оксанка, а дочь чиновнаго человѣка, дворянина русскаго, который живетъ въ свѣтѣ, въ связяхъ и случаѣ. Со стороны

услышалъ я то же, и притомъ въ выраженіяхъ, показывавшихъ степень образованія и свѣтской вѣжливости Григорія Алексѣевича: «что за маскарадъ» говоритъ онъ: «рядить дочь мою въ мужицкое платье? Если это такъ нравится Горностаю (то–есть, мнѣ), то пусть бы онъ въ зипунѣ своемъ или свиткѣ пожаловалъ въ гости ко мнѣ въ людскую; тамъ бы ему больше обрадовались».

Словомъ, эта ничтожная и невинная затѣя сдѣлала меня ненавистнымъ Григорію Алексѣевичу; а когда Анна Герасимовна, сдуру какъ съ дубу, не замышляя ничего дурнаго, сказала для успокоенія мужа, что, можетъ–статься–де, Андрей Ефимовичъ думаетъ посвататься на Надѣ, не брани его, — то Григорій Алексѣевичъ поднялъ такой крикъ, что дворня сбѣжалась подслушивать у дверей: я–де его знать не хочу; много такихъ дармоѣдовъ и молокососовъ по свѣту шатается; утоплю дочь, а за него не отдамъ; чтѓ я развѣ для этого ее выростилъ и выкормилъ и воспиталъ? Развѣ камень на шею да въ воду? Что онъ у меня богадельню, что ли нашелъ? Я ищу зятя съ именемъ, съ чиномъ, при мѣстѣ, съ состояніемъ, и проч.

Изо всего этого видно, что мнѣ у Григорія Алексѣевича ни искать, ни надѣяться было

нќчего. Онъ, разсчитывавшій все на счетъ, на вѣсъ и на мѣру, обсуждавшій каждый встрѣчный предметъ и каждый случай жизни какъ ступень или степень для достиженія разныхъ житейскихъ цѣлей — онъ смотрѣлъ, конечно, и на дочь или падчерицу свою, какъ на средство, предполагалъ пріобрѣсти черезъ нее или хорошее состояніе, или же ходъ и покровительство... вотъ куда метилъ Григорій Алексѣевичъ!

Покинувъ безъ надежды домъ Ахтубинскаго, гдѣ я встрѣтилъ–было новую жизнь и откуда снова низринутъ былъ въ свое ничтожество, я сдѣлалъ это такъ, чтобъ по возможности устранить отъ этого случая вниманіе празднаго свѣта, для котораго нѣтъ случая столь ничтожнаго, чтобъ не удостоиться его кривотолковъ и пересудовъ. Я былъ свободенъ, и потому рѣшился исполнить давнишнее намѣреніе свое — поѣхать по Россіи. Нѣсколько времени спустя, я нечаянно встрѣтился съ немилостивцемъ своимъ и еще положительнѣе убѣдился, что мнѣ къ нему нѣтъ приступа ни съ какой стороны. Онъ съ трудомъ рѣшился узнать меня, и то для того только, чтобъ ни з÷–что, ни прѓ–что, обойдтись со мною высокомѣрно и грубо, а за тѣмъ еще отозваться обо мнѣ на сторонѣ самымъ дурнымъ образомъ.

Но этого всего мало: пожертвовавъ всѣмъ счастьемъ моимъ безразсудному упорству Григорія Алексѣевича, я не могъ упрекнуть себя ни въ чемъ; не моя вина, если дочь его была, въ глазахъ моихъ, достойнѣе и милѣе другихъ дѣвицъ; но я не завлекалъ ее ничѣмъ, не говорилъ ей ни одного слова, которое бы переступило границы обыкновенныхъ и общедозволенныхъ сношеній. Не смотря на это, я удостовѣрился вскорѣ по–неволѣ, что Надя была мнѣ родная по душѣ и скучала по мнѣ почти столько же, какъ и я по ней.

Собравшись уже совсѣмъ ѣхать, послѣ ярмарочныхъ приключеній моихъ, вмѣстѣ съ благороднымъ Андреемъ Алексѣевичемъ, я пошелъ, отъ нѣчего–дѣлать, еще разъ по ярмаркѣ. Я ходилъ съ покойнымъ, веселымъ духомъ, размышлялъ объ этой странности, что, находясь теперь въ одномъ городѣ съ Надей, я, однакожь, съ нею не увижусь, и она не узнаетъ ничего о близости моей, — какъ вдругъ опять съ нею встрѣтился такъ близко и такъ внезапно, что не было возможности въ–время скрыться. Почти столкнувшись, мы оба вдругъ одинъ на другаго взглянули — я молча поклонился, она ахнула и съ живостію обратилась къ матери. Я не могъ уже отъ нихъ отстать на этомъ пути; Надя звала

меня съ дѣтскою радостію, Анна Герасимовна безчувственно улыбалась и также приглашала.

Въ раздумьи шелъ я съ ними рядомъ, среди озабоченной толпы, и малословные отвѣты мои не удерживали Нади отъ настойчивыхъ вопросовъ, отъ желанія завязать откровенную бесѣду.

— Чтѓ вы такъ вялы сегодня? сказала она, между–тѣмъ, какъ мать не обращала на насъ никакого вниманія: — чтѓ вы такъ смирны и тихи?

— Это не притворство, отвѣчалъ я: — видно у меня таково на душѣ — смирно и тихо.

— Но, Боже мой, я такъ вамъ обрадовалась — я думала, что и вы также будете намъ рады...

— Еслибъ я могъ радоваться безотчетно, то вы бы, конечно, увидѣли теперь во мнѣ одну только радость; а теперь — это чувство можетъ быть смѣшанное.

— Но зачѣмъ, почему же это? чтѓ съ вами случилось?

— Со мной — ничего; по–крайней–мѣрѣ, все, чтѓ со мной случилось, въ эту минуту нисколько не отзывается въ душѣ моей.

— Такъ что же? говорите.

— Говорить ли, Надежда Григорьевна? хорошо ли, что вы меня на это вызываете — и

теперь, въ эту минуту, когда короткое свиданіе наше промелькнетъ зарницей?..

Она помолчала, немного зарумянилась и сказала съ небольшимъ замѣшательствомъ: — Я не знаю; можетъ–быть, вы правы — хотя я и не понимаю васъ — но разскажите, по–крайней–мѣрѣ, что–нибудь о себѣ: кЎкъ вы попали сюда и что дѣлаете?

— Я поѣхалъ знакомиться съ Русью — посмотрѣть, чтѣ тутъ и тамъ дѣлается, какъ живутъ люди; заѣхалъ сюда — и вотъ и тутъ опять встрѣтилъ васъ!

— Но вы вѣдь не хотѣли объ этомъ говорить, кажется; говорите жь о другомъ, о себѣ!

— Извольте: недобрые люди меня обокрали, а добрая судьба подарила...

— Чѣмъ?

— Свиданіемъ съ вами!

— Опять то же! Вы упрямы!

— Не думаю; я только прямъ. Но извольте, я скажу вамъ еще что–нибудь о себѣ: я васъ видѣлъ уже третьяго дня.

— Какъ? гдѣ?

— Здѣсь, въ красныхъ рядахъ; вы одаряли дѣвушекъ своихъ, а мнѣ не дали ничего.

— О, какіе вы! не–уже–ли видѣли? и не подошли, и не сказали ни словечка — и такъ бы мы и разъѣхались, не свидѣвшись?

— Вотъ видите ли, каковъ я: — разсудите только, прямота это, или упрямство?

— Но прежде вы не бѣгали отъ меня; послѣ случайной первой встрѣчи нашей, когда я была такъ смѣшна въ шуточномъ нарядѣ своемъ — помните, когда вы меня застали...

— О, я это помню, и помню, можетъ–быть, слишкомъ–хорошо; но это упрямая память сердца; въ этомъ отношенiи я упрямъ, вы правы: эта–то память меня и гонитъ отъ васъ.

Она молчала, Анна Герасимовна не заботилась о насъ, и мы уже подходили къ ихъ жилищу. Я видѣлъ необходимость кончить дѣло разомъ, и потому продолжалъ: — Я не смѣю и не хочу спрашивать, к÷къ и чтѣ вы обо мнѣ думаете; вы добры ко всѣмъ, и, можетъ–быть, добры также ко мнѣ; но батюшка вашъ не желаетъ меня видѣть у себя въ домѣ, не желаетъ знакомства нашего... я не хочу нарушать ни чьего семейнаго покоя... вотъ вамъ, Надежда Григорьевна, моя исповѣдь, разгадка моего поведенiя.

— И вамъ это такъ легко? спросила она, помолчавъ немного, едва–внятнымъ голосомъ.

— Что?

— То, чтѓ вы говорите, ваше самоотверженiе.

Сколько я ни думалъ въ–послѣдствiи объ отвѣтѣ моемъ на это слово, сколько ни старался

припомнить его, всегда одно только мутное и запутанное воспоминаніе, какъ греза во снѣ, представлялось моей памяти и дополнялось уже воображеніемъ. Не измѣнившись по наружности, какъ мнѣ казалось, нисколько, я, однакожь, почувствовалъ въ себѣ такой переворотъ, отъ котораго умственныя и нравственныя силы души смѣшались въ одно, и я не могъ самъ–въ–себѣ опознаться. Я проговорилъ что–то безсознательно, будто въ разсѣянности подумалъ о чемъ–то вслухъ, опомнился, и остановился не договоривъ рѣчи и самъ не зная, чтѓ я сказалъ. Но отвѣтъ мой подѣйствовалъ сильно; я встрѣтилъ влажные глаза Нади и выраженіе въ лицѣ, котораго никогда не забуду. Вѣроятно, и мои сѣрые глаза сдѣлались въ то время для нея краснорѣчивы, или слова ея служили прямымъ отвѣтомъ на мою безсвязную думу вслухъ, но она прошептала: «если такъ, то не покидайте же меня».

Я не успѣлъ пролепетать ни одного слова: такъ быстро и внезапно она вслѣдъ за тѣмъ продолжала вслухъ, оборотясь нѣсколько къ матери: — Какая пестрая, подвижная толпа, какая жизнь и движеніе — я и въ столицахъ не видала ничего подобнаго! Ахъ, посмотрите, маменька, какой несчастный калека: безъ ногъ! позвольте мнѣ... и въ ту же минуту она проворно

подбѣжала къ нищему, кинула ему въ шапку крупную серебряную монету и примкнула къ матери уже съ другой стороны, такъ–что оставила ее между мною и собою, тогда–какъ мы шли дотолѣ рядомъ. Она внезапно сдѣлалась весела и шутлива, какъ–будто ей стало легко нЎ сердцѣ и предалась вполнѣ какому–то внутреннему влеченью, обезпечивъ себя подъ крыломъ у матери.

Когда мы подошли ближе къ жилью Григорья Алексѣевича, меня внезапно бросило въ холодный потъ. Все мое безотчетное наслажденіе и миръ въ душѣ моей рушились; я не зналъ чтѓ дѣлать: встрѣча съ нимъ не обѣщала ничего добраго, а оставить ихъ послѣ остывшихъ въ моихъ ушахъ словъ Нади: «не покидайте же меня!» — на это у меня не доставало силъ. Мнѣ даже казалось, что это было бы и невѣжливо. Видя, однакожь, необходимость разлуки и твердо рѣшаясь на нее въ душѣ, я не менѣе того шелъ впередъ, не доискиваясь ни пльвода, ни слльва, кЎкъ отстать отъ матери и дочери; я не успѣлъ опомниться, какъ мы подошли къ крыльцу, и Анна Герасимовна, по самой обыкновенной свѣтской вѣжливости, вымолвила: «милости просимъ зайдти». Надя взглянула на меня привѣтливо, и я послѣдовалъ молча за ними. Но когда я переступилъ этотъ роковой

порогъ, мною также внезапно овладѣла рѣшимость переговорить съ Григоріемъ Алексѣевичемъ откровенно и кончить, во что бы ни стало и кЎкъ бы ни было, дѣло. Я почти далъ себѣ клятву не выходить безъ того изъ–подъ этой крыши. У меня, послѣ этой рѣшимости, какъ гора съ плечь свалилась, и на душѣ стало спокойнѣе.

Григорій Алексѣевичъ, встрѣтивъ меня такъ нечаянно у себя въ домѣ, показалъ болѣе удивленія, чѣмъ неудовольствія, хотя я и не могу сказать, чтобъ замѣтилъ при этой встрѣчѣ хотя малую долю привѣтливости. Онъ, казалось, крѣпко былъ занятъ своими оборотами, имѣніемъ, которое купилъ безъ копейки денегъ, принявъ на себя долгъ и обязательство уплатить остатокъ цѣнности его, по уговору, въ извѣстные сроки. Вступивъ также въ товарищество недавно–образовавшихся въ то время обществъ золотопромышлениковъ на Уралѣ, передавъ по какимъ–то сдѣлкамъ, черезъ третьи руки, созданные на бумагѣ залоги виннымъ откупщикамъ, съ надеждой на высокій куртажъ, и пустившись въ одно и то же время еще въ нѣсколько подобныхъ предпріятій, Григорій Алексѣевичъ былъ увѣренъ, что вскорѣ зашибетъ порядочную копейку, выкупитъ имѣніе и заживетъ нижегородскимъ помѣщикомъ.

Разговорившись со мною, ради приличія, и узнавъ, что я ѣзжу по Россіи отъ нѝчего–дѣлать, Григорій Алексѣевичъ вдругъ перемѣнилъ строй обращенія со мною и сдѣлался какъ–то чрезвычайно–привѣтливъ. Мы сидѣли у окна; онъ сталъ съ какимъ–то особеннымъ участіемъ входить въ подробности моего положенія, моихъ видовъ и намѣреній, и я тотчасъ понялъ, что это не даромъ, что мнѣ должно быть на–сторѣжѣ. Лицо его мало измѣнялось и ничего не открывало наблюдателю; но въ этомъ чрезвычайно–дружескомъ обращеніи видна была какая–то торопливость, волненіе, а глаза высказывали какую–то скрытную, задушевную тайну. Глаза у Григорія Алексѣевича загорались при такихъ случаяхъ особеннымъ блескомъ и бѣгали въ ямкахъ своихъ во всѣ стороны, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ.

— Похвально, сказалъ онъ мнѣ: — весьма–похвально; для молодаго человѣка нѣтъ ничего лучше и дороже путешествія — это, знаете, какая полировка, это мать–наставница, это ухъ!! и провелъ рукою по всему подоконнику и потрепалъ меня по плечу. — Да не угодно ли трубочки? продолжалъ онъ: — эй, мальчикъ, трубку! пожалуйте, пойдемте въ мою конурку, отдохните на распашку. Жарко; побалагуримъ

тамъ... а подайте–ка намъ рюмку вина! Анна Герасимовна, распорядитесь–ка!

Я слушалъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ, не понимая, съ чего хозяинъ мой такъ расходился; я прибиралъ въ умѣ всѣ сбыточные и несбыточные причины и поводы къ тому, но совершенно растерялся и не могъ ничего придумать. Мы вошли въ его комнату и сѣли, притворивъ двери. Подали трубокъ, вина и лимонаду. Я готовился на что–нибудь чрезвычайное.

— Такъ у васъ, почтеннѣйшій, видно, охотишка есть–таки постранствовать, сказалъ онъ: — а?

— Есть, отвѣчалъ я: — и, признаться, была всегда. Теперь я свободенъ, кончилъ ученье; поѣзжу, пріуготовлюсь, и тогда — что Богъ дастъ.

— Такъ чтъ бы вамъ постранствовать этакъ, подальше куда–нибудь, за моря–окіаны, въ тридесятое царство, знаете? Люди и бытъ и жизнь и всѣ предметы новые, все занимательно, ново; во всемъ, чтъ насъ окружаетъ, яркій отпечатокъ мѣстности, нравовъ, обычаевъ, климата, — словомъ, всей природы; вотъ что для молодаго человѣка должно быть пріятно!

— Почему не такъ, конечно; но я на первый случай избралъ для этого свое отечество; и это недурно.

— О, дЎ, безъ–сомнѣнія; но какая разница, разсудите сами: здѣсь, чтѓ жь вы увидите? такъ–называемое шоссе, тамъ опять дорога въ натуральномъ видѣ, тамъ опять что–нибудь въ родѣ того или другаго; есть и березки; все гладко, ровно — изба какъ изба, деревня какъ деревня, да, съ позволенія сказать, и городъ — только слава что городъ. Оно поучительно, наставительно, не спорю; но это все одно и то же. Народы — да какіе жь тутъ народы? Нѣтъ ни одного. Чувашъ, что ли вы не видали, или Калмыковъ? а тамъ — Бедуины какіе–то, Курильцы, Алеуты, мальтійскіе кавалеры, людоѣды — иные нагишомъ, какъ мать на свѣтъ родила; другіе въ перьяхъ, словно павлины; третіе въ сырыхъ шкурахъ лютыхъ звѣрей, барсовъ, медвѣдей; а, говорятъ, сырая шкура такъ и пристанетъ къ тѣлу, какъ своя; дЎ, вотъ, вы чай помните, и у насъ былъ одинъ такой случай, что сырую козлиную шкуру натянулъ на себя, да и самъ не радъ, тЎкъ и приросла... дЎ, такъ чтѓ бишь я говорилъ... о путешествіи; кЎкъ вы думаете объ этомъ, почтеннѣйшій Андрей Ефимовичъ, скажите–ка откровенно?

— Я думаю, что все это весьма занимательно и стѣитъ любопытства, сказалъ я, не понимая, однакожь, вовсе и не подозрѣвая куда это ведетъ.

— Право? подхватилъ Григорій Алексѣевичъ: — не такъ ли? Ну, а что бы вы сказали, почтеннѣйшій Андрей Ефимовичъ, еслибъ я вамъ доставилъ чудесный случай объѣхать свѣтъ, увидѣть все, чтъ есть на свѣтѣ, перебывать всюду, вездѣ... Я васъ всегда уважалъ, какъ самаго достойнаго молодаго человѣка, и всегда такъ о васъ думалъ и отзывался. Любознательность ваша меня восхищала, — право. Какъ же вы думаете объ этомъ?

— Я не знаю, Григорій Алексѣевичъ, чтъ вамъ на это сказать; я еще покуда не понимаю вашихъ предположеній... Я вамъ во всякомъ случаѣ искренно благодаренъ и, можетъ–быть, воспользовался бы этимъ; но посудите сами, дѣло слишкомъ–важно; надобно узнать мнѣ напередъ всѣ подробности: какой же это случай, съ кѣмъ и куда ѣхать?

— А вотъ видите ли... я буду съ вами говорить откровенно: вы меня знаете, знаете и прямоту мою, и что у меня нѣтъ цѣли, кромѣ искренняго вамъ доброжелательства. Здѣсь теперь находится директоръ Сѣверо–Американской–Компаніи; имъ нужны порядочные люди. А чтъ за страна, я вамъ скажу, такъ это чудо: какая природа, какіе люди, какія богатства... онъ, видишь ли, мнѣ свой

человѣкъ; для другаго бы онъ не сдѣлалъ этого — охотниковъ много, содержаніе преотличное; но для меня сдѣлаетъ: иди къ нимъ: хоть такъ прогуляться, хоть на службу, — ничего; служба прекрасная, все равно что царская.

Теперь только небосклонъ мой начиналъ проясняться. Я уже сталъ подозрѣвать, при общемъ вступленіи или предисловіи Григорія Алексѣевича, что я ему надоѣлъ и что онъ просто хочетъ сбыть меня съ рукъ; но это не вязалось съ здравымъ смысломъ, не стѣило такихъ хлопотъ: онъ могъ зЎ–просто прогнать меня отъ себя, какъ и сдѣлалъ уже разъ, и я ему, конечно, не угрожалъ бы ничѣмъ. Но теперь только я сталъ догадываться, что у него на умѣ какой–нибудь замысловатый оборотецъ, что тутъ рѣчь шла не обо мнѣ собственно, а о человѣкѣ, котораго можно продать.

Чтобъ убѣдиться положительно, къ чему все это клонится, я сталъ подаваться на это предложеніе и разспрашивать обо всѣхъ подробностяхъ. Не смотря на всю его двуличность и осторожность, на мягкую подстилку, я открылъ вотъ что: Американская–Компанія набираетъ, какъ извѣстно, особую команду промышлениковъ для отправленія въ Ситху, на Курильскіе и Алеутскіе–Острова, гдѣ они должны оставаться, по договору, извѣстное

число лѣтъ, высаженные иногда на необитаемомъ островкѣ, и заниматься ловлею лисицъ, песцовъ и другихъ лѣсныхъ и морскихъ животныхъ. Кому случалось видѣть толпу подобной вольницы на походѣ изъ Россіи въ Камчатку и далѣе, тотъ знаетъ, какого закала этотъ народъ бываетъ: отчаянные ребята, которымъ почему–либо здѣсь болѣе нѣтъ житья, идущіе въ услуженіе за сто или полтораста цѣлковыхъ въ годъ на край свѣта; одѣтые обыкновенно уже здѣсь въ кожаное платье, они заблаговременно походятъ на какихъ–то дикарей, и, не смотря ни на какое стараніе и заботу начальства, пропиваютъ на пути все, чтѓ могли выручить въ задатокъ и въ счетъ жалованья, опохмѣляются въ Охотскѣ или въ Авачѣ и просыпаются, наконецъ, въ первый разъ въ трезвомъ видѣ на какомъ–нибудь островкѣ или нагой скалѣ алеутской гряды. Вотъ куда прочилъ меня Григорій Алексѣевичъ; но, уважая мое родовое дворянство, познанія и способности, онъ полагалъ пристроить меня туда не простымъ промышленикомъ или рабочимъ, а, можетъ–быть, прямо десятникомъ, писаремъ или смотрителемъ.

Не думайте, однакожъ, чтобъ Григорій Алексѣевичъ самъ былъ директоромъ Американской–Компаніи, или даже участникомъ ея, чтобъ на него возложенъ былъ помянутый

наборъ, — совсѣмъ нѣтъ: онъ былъ просто поставщикъ промышлениковъ, какъ бывалъ подъ рукой въ былыя времена и поставщикомъ наемныхъ рекрутъ или охотниковъ, и надѣялся, обманувъ обѣ стороны, получить нѣкоторую выгоду. Онъ не брезгалъ ничѣмъ. Но это еще не все, — скучно мнѣ пересказывать весь мой разговоръ съ нимъ, всѣ его ухватки и уловки; но здѣсь дѣло состояло еще и въ томъ, что онъ надѣялся, сбывъ меня такимъ образомъ съ рукъ, какъ путешественника, получить отъ меня довѣренность на управленіе моимъ маленькимъ имѣніемъ на Украйнѣ, находившимся, какъ уже извѣстно читателю, по сосѣдству съ наслѣдьемъ Анны Герасимовны. За тѣмъ, онъ, конечно, надѣялся во всякомъ случаѣ обобрать меня тамъ кругльмъ, разорить и заложить имѣніе, а еслибъ судьба посолила меня впрокъ въ Восточномъ–Океанѣ или Охотскомъ–Морѣ, къ чему предстояла всякая возможность, — то имѣньице осталось бы, вѣроятно, пожизненно, самымъ безгласнымъ образомъ, за моимъ благодѣтелемъ.

Когда я проникъ вполнѣ эту выдумку Григорія Алексѣевича, то она мнѣ показалась до того забавною, что я никакъ не могъ на него сердиться, а напротивъ, перешелъ въ какое–то веселое, шутливое расположеніе. Въ то же время, во мнѣ укрѣпилась еще болѣе рѣшимость

моя объясниться съ нимъ прямо относительно Нади и вынудить изъ него также прямой и положительный отвѣтъ.

— Хорошо, сказалъ я: — благодарю васъ, Григорій Алексѣевичъ, за ваши милостивыя обо мнѣ заботы; я ударю сейчасъ по рукамъ и ѣду къ Алеутамъ, но съ однимъ условіемъ...

— А на–примѣръ?

— А на–примѣръ, отдайте за меня дочь, если она на это согласится; вотъ и все.

Григорій Алексѣевичъ ровно сонный съ полатей свалился и долго не могъ опомниться.

— Я такихъ шутокъ не понимаю, Андрей Ефимовичъ, сказалъ онъ наконецъ, привставъ со стула: — говорить, такъ говорите дѣльно.

— Я не шучу, Григорій Алексѣевичъ, и говорю вамъ святую истину; отдайте за меня дочь — съ нею поѣду, куда вамъ угодно.

— Съ ума чтъ ли вы сошли, милостивый государь? Въ Сибирь, въ каторгу, чтъ ли я дочь сошлю?

— О! нѣтъ, избави Богъ! Но вѣдь вы и меня же, надѣюсь, не въ каторгу прочите, а утѣшаете меня всѣми прелестями тамошней жизни!

— Благодарю покорно! слуга вашъ! Да это развѣ не та же каторга? КЎкъ! дочь моя за... за... тюленемъ, за моржомъ, за бобровымъ промышленикомъ въ Ситхѣ!

— Григорій Алексѣевичъ, не гнѣвайтесь; вы же сами меня соблазнили краснорѣчіемъ своимъ согласиться на жизнь съ Колошами и Алеутами, и я, забывшись, хотѣлъ раздѣлить это счастіе съ тѣмъ, кто мнѣ всего на свѣтѣ дороже. Но я сейчасъ готовъ отказаться отъ вашего предложенія, если вы согласитесь исполнить другую половину моей завѣтной мечты: предоставьте дочери вашей выборъ супруга, и если она изберетъ меня, то благословите насъ, и я тогда не поѣду никуда; я согласенъ остаться.

Григорій Алексѣевичъ отступилъ шага на два отъ меня и нахмурилъ брови.

— Такъ вотъ вы зачѣмъ разъѣзжаете за нами слѣдомъ? сказалъ онъ съ сердцемъ: — вотъ зачѣмъ втерлись вы въ домъ мой?.. Нѣтъ, милостивый государь, извините: не въ свои сани садитесь!

— Отъ чего же, Григорій Алексѣевичъ? чѣмъ же я ей не ровня?

— Ужь позвольте, предоставьте это отцу, мнѣ. Я не хочу васъ обижать — Богъ съ вами, и почитайте себя, пожалуй, хоть геніемъ, хоть потомкомъ великаго могола, — это мнѣ все равно; а я, я знаю себя. Не мнѣ васъ учить: молодые люди всѣ ныньче умнѣе насъ; а я прошу васъ покорно оставить меня въ покоѣ, не затѣвать такихъ нелѣпостей, и за тѣмъ — прощайте!

— Стало–быть, мы оба ошиблись въ разсчетахъ своихъ, сказалъ я: — и мнѣ остается только искренно объ этомъ сожалѣть. Благодарю васъ за вашу откровенность.

Я всталъ, вышелъ, раскланялся съ Анной Герасимовной и Надей, которыя сидѣли въ гостиной, и пошелъ–было своимъ путемъ далѣе; но Анна Герасимовна, видя тѣсную дружбу нашу съ Григоріемъ Алексѣевичемъ и, можетъ–быть, нѣсколько–подготовленная Надей, спросила плавнымъ голосомъ: «А чтѓ же, не откушаете ли съ нами? Ужь время обѣдать». Григорій Алексѣевичъ былъ въ это время крайне смѣшонъ: не ожидая этого приглашенія и опоздавъ ужимками своими, онъ началъ громко кашлять, шаркать и сморкаться и успокоился только послѣ моего отказа.

Не ожидавъ лучшей развязки и очистивъ этою послѣднею попыткою совѣсть свою, я грустно отправился домой, т. е. къ Андрею Алексѣевичу, и разсказалъ ему въ короткихъ словахъ свои похожденія. Онъ смѣялся замысловатой выдумкѣ своего брата упрятать меня въ Ситху, и, въ память этого, прозвалъ меня *Алеутомъ*.

— Вотъ люблю единоутробнаго своего, такъ люблю! У него и пушокъ мимо рыла даромъ не пролетитъ; не зѣваетъ, спасибо! А ты и не

поддался? Экой какой недогадливый! прямой Алеутъ!

Рѣшаясь затѣмъ проститься навсегда съ Надей, я, однакожь, считалъ необходимымъ объявить ей это, чтобъ не возбуждать напрасныхъ надеждъ и, давъ бѣдненькой время выплакаться, заставить успокоиться и повиноваться волѣ отца. Я боялся свиданія съ нею и, не смотря на это, выходилъ по нѣскольку разъ въ день, въ надеждѣ встрѣтить ее; но, не успѣвъ въ этомъ, я написалъ передъ самымъ отъѣздомъ матери ея письмо и уѣхалъ съ Андреемъ Алексѣевичемъ въ Москву.

Въ этомъ письмѣ, я увѣдомлялъ Анну Герасимовну, въ почтительныхъ выраженіяхъ, что, въ–слѣдствіе послѣдняго разговора моего съ Григоріемъ Алексѣевичемъ, я буду стараться не безпокоить болѣе ихъ семейства своимъ присутствіемъ, а потому уѣзжаю навсегда и надѣюсь, что они ничего болѣе обо мнѣ не услышатъ.

———

НЕБЫВАЛОЕ ВЪ БЫЛОМЪ, ИЛИ БЫЛОЕ ВЪ НЕБЫВАЛОМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

СТАНЪ ПОДЪ ШУМЛОЙ.

Въ Москву пріѣхали мы благополучно. При всей крѣпости и стойкости моей, я однакоже крайне упалъ духомъ и не могъ высвободить изъ–подъ спуда прежнюю жизненную силу свою и дѣятельность. Въ Москвѣ я все еще не считалъ себя свободнымъ; я здѣсь не вышелъ еще изъ круга волшебной власти Надиной; я и здѣсь могъ ее каждый день встрѣтить, или что–нибудь объ ней услышать, равно она также обо мнѣ — а этого я не хотѣлъ. Я твердо намѣрился кончить грустное дѣло это навсегда и облегчить ей по возможности такую участь. Я былъ одинокъ на свѣтѣ, утѣхъ никакихъ передъ собою не видѣлъ, жизнь лежала передо мною въ какомъ–то холодномъ туманѣ. Я понималъ необходимость переломить себя, измѣнить внезапно родъ жизни, мѣсто и занятія, — словомъ, все, чтъ меня извнѣ окружало и снутри занимало.

Это было то самое время, когда у насъ открывалась послѣдняя турецкая война. Не я первый, не я послѣдній бѣжалъ отъ внутренней

тревоги во внѣшнюю — и если одно не всегда противодѣйствуетъ достаточно другому, то по–крайней–мѣрѣ одно другое временно заглушаетъ и даетъ душѣ нашей время укрѣпиться, забыть или одолѣть душевныя смуты.

Я поѣхалъ изъ Москвы тихомолкомъ въ Могилевъ–на–Днѣстрѣ, заѣхавъ дорогою еще разъ — можетъ–быть въ послѣдній — на родину свою, привелъ въ порядокъ домашнія дѣлишки и отправился дальше. На границѣ я по первому встрѣчному знакомству съ нѣсколькими офицерами проходившихъ войскъ выбралъ полкъ, о командирѣ котораго отзывались хорошо, явился къ нему съ своими бумагами и перешелъ границы наши, въ Скулянахъ, на Прутѣ, въ юнкерскомъ пѣхотномъ мундирѣ.

Счастіе мнѣ благопріятствовало сначала, то–есть, счастіе военное, и черезъ четыре мѣсяца я уже былъ произведенъ въ прапорщики. Мы стояли подъ Шумлой; но война, какъ намъ казалось, тянулась медленно, и горячность наша остывала въ трудахъ и лишеніяхъ всякаго рода. Одно желаніе было всеобщимъ: если бы только выйдти скорѣе изъ этой бездѣйственности, еслибъ только скорѣе путемъ подраться, отличиться, разбить Турковъ н÷–голову; но Турки не выходятъ, запираются въ крѣпостяхъ и томятъ и насъ и себя.

Однажды ночью, внезапно открылась перестрѣлка въ цѣпи нашей, которая была выдвинута далѣе обыкновеннаго впередъ, для заложенія новой баттареи. Резервы двинулись впередъ и въ томъ числѣ нашъ батальйонъ. Въ непроницаемыхъ потьмахъ шли мы скорымъ шагомъ, спотыкаясь, прямо на выстрѣлы; намъ нельзя было еще дѣйствовать, потому–что цѣпь наша была впереди, а между–тѣмъ одинъ подпоручикъ былъ у насъ уже раненъ залетѣвшею въ колонну пулей, и я поступилъ на его мѣсто взводнымъ командиромъ. Въ ту же минуту, два взвода, въ томъ числѣ и мой, двинулись разсыпнымъ строемъ впередъ, подкрѣпили цѣпь, вступили въ перестрѣлку, а затѣмъ съ крикомъ *ура* кинулись на непріятеля...

Но я увлекся военными подвигами нашими, которые на этотъ разъ окончились для меня собственно весьма–неудачно, тогда–какъ мнѣ должно разсказать напередъ совсѣмъ–иное. Это иное происходило въ самую минуту той тревоги и стычки, о которой я началъ говорить, и лично для меня и моего разсказа было не менѣе важно и богато послѣдствіями.

Проводя дни и ночи въ воинскомъ бездѣйствіи передъ Шумлой, мы часто собирались въ кружокъ передъ бивачнымъ огнемъ, курили и болтали. Однажды мы также

сидѣли, человѣкъ до десятка, грѣлись, потому–что ночи были иногда сыры и холодны, пили чай съ трубкой и болтали. Все было тихо кругомъ; иные начинали уже дремать, другіе, выспавшись днемъ, были пободрѣе, и потому общій говоръ мало–по–малу затихъ; говорилъ или разсказывалъ одинъ, а прочіе слушали. Бесѣда эта такимъ–образомъ сама–собой обратилась въ чередной разсказъ бывальщинокъ, и трое изъ товарищей нашихъ разсказали, одинъ за другимъ, слѣдующее.

Ссыльный.

«Не сегодня, такъ завтра — каждый изъ насъ можетъ попасться въ плѣнъ, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой конный егерь, и будетъ мѣсяцы, а можетъ–быть и годы — томиться въ неволѣ. Нашему брату надо готовиться на все; никакая личная храбрость не можетъ спасти отъ этого; попадешься ину–пору такъ, что выскочить нѐкуда.

«А чего не придумывали люди, чтобъ избавиться отъ плѣна или заключенія, особенно узники разнаго рода, посаженные на много лѣтъ въ одинокую, тѣсную, душную темницу! до чего не доводило ихъ отчаянное стремленіе добиться свободы, выйдти на вольный свѣтъ! до чего не умудряло ихъ чувство самохраненія, при досугѣ

и скукѣ ихъ одиночества и при изощреніи въ этомъ положеніи ума, чувствъ и способностей? Нѣтъ конца розсказнямъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшетку перочиннымъ ножемъ и спустился на изорванной въ полосы простынѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконце, чтобъ скрыть свою работу; кто ушелъ переодѣтый, кто въ неволѣ открылъ на досугѣ назначеніе египетскихъ пирамидъ, кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая, и на измятомъ лоскуткѣ бумажки, въ которой завернутъ былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ! Опять иной, услышавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключивъ изъ этого, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнами, и полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ–быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счетными ударами половой щетки въ каменный полъ; черезъ нѣсколько времени, онъ вызвалъ отвѣтъ; товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ–образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счетомъ, по занимаемому ею мѣсту; но вскорѣ и третій незваный собесѣдникъ вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все

дѣло… словомъ, конца нѣтъ этимъ крайне–занимательнымъ похожденіямъ, на которыя, какъ я уже сказалъ, каждому изъ насъ можно готовиться! Вотъ подобный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ:

«Въ весьма–отдаленномъ отъ средоточія государства городкѣ, или въ пограничной крѣпостцѣ, на тѣхъ границахъ, гдѣ побѣги почти невозможны, особенно для семейнаго человѣка — состоялъ въ гарнизонѣ рядовой, разжалованный и сосланный туда за политическій проступок. Невѣста послѣдовала за нимъ; они обвѣнчались, но одного этого не было достаточно для ихъ счастія; плѣнъ, неволя, ранецъ да перевязь — вотъ что сокрушало бѣдняка. Со–дня–на–день тоска по отчизнѣ усиливалась и наконецъ обратилась, можно сказать, въ неистовство: какъ онъ, такъ и она, готовы были посягнуть на всякую крайность, лишь бы избавиться отъ этого положнія. Ребенокъ, умершій вскорѣ по рожденіи, усиливалъ еще грусть родителей, которые всѣ бѣдствія свои, даже и смерть младенца, приписывали нынѣшнему несчастному положенію своему и которыхъ день и ночь занимала изувѣрная мысль, вынести, во чтъ бы ни стало, даже и самый прахъ младенца изъ этой несчастной для нихъ земли.

«Но чтѣ тутъ дѣлать и какъ быть? бѣжать просто — поймаютъ, и будетъ хуже прежняго; одному можно бы еще рѣшиться, но съ молодой женой?

«Наконецъ, вечеромъ, — это было лѣтомъ, — внезапно разнесся слухъ, что бѣднякъ утонулъ, или утопился. Начальство кинулось къ нему въ домъ и нашло жену его въ отчаянныхъ слезахъ, едва ли не безъ чувствъ. На берегу рѣки найдена была одежда его; онъ, по словамъ жены, пошелъ купаться и не возвращался. Трупъ не могли отъискать; рѣка быстра, полагали, что его унесло водой.

Мѣстное начальство приняло самое живое, родственное участіе въ положеніи молодой вдовы. Ей не только оказывали всякаго рода помощь и пособіе, не только старались утѣшить искреннимъ соболѣзнованіемъ, но исходатайствовали для нея даже денежное пособіе, для отправленія на родину — въ Галицію, снабдили дорожнымъ экипажемъ и назначили, по отдаленности края, надежнаго провожатаго, хорошаго казака. Она плакала отъ признательности, и въ то же время неутѣшно рыдала по другѣ своемъ; благодарила за чрезвычайную милость, но не желала причинить излишняго безпокойства, и потому отклоняла назначеніе провожатаго. Мѣстное начальство,

напротивъ, отъ искренняго участія къ ней, настоятельно требовало, чтобъ она приняла провожатаго, который во всякомъ случаѣ на такомъ дальнемъ пути будетъ ей полезенъ. Ей нельзя было болѣе упорствовать, и она, простившись съ доброжелателями своими, отправилась въ путь.

Казаку, которому было приказано угождать во всемъ вдовѣ (при ней была, впрочемъ, еще и дѣвка, также изъ Галиціи), напередъ всего показалось нѣсколько страннымъ, что барыня во всю дорогу закрываетъ и застегиваетъ кругѓмъ весьма–тщательно тарантасъ, между–тѣмъ, какъ на дворѣ стояла невыносимая жара, и путницу парило въ закрытомъ экипажѣ, какъ въ банѣ. Казакъ также замѣтилъ, что, прибывъ на станцію, барыня всегда съ особеннымъ стараніемъ отгоняла его отъ приступка, если услужливый провожатый подходилъ, чтобъ спросить, не угодно ли выйдти; а черезъ нѣсколько времени, казака обыкновенно опять подзывала и приказывала открыть тарантасъ. Далѣе, обращая на все это про–себя вниманіе, онъ сталъ поглядывать съ какою–то недовѣрчивостью на рундукъ, поддѣланный снутри тарантаса подъ козлами и по–видимому закрытый на–глухо, кругомъ. По–временамъ, когда тарантасъ внезапно останавливался, казакъ прислушивался,

и ему казалось, что онъ слышитъ какой–то шопотъ и замѣчаетъ въ тарантасѣ необыкновенное движеніе и суету. Все это раждало въ провожатомъ только неопредѣлительныя подозренія; но судьба рѣшила вывести его изъ этого недоумѣнія и показать дѣло на–лицо.

Въ одно утро, когда путница отъѣхала уже отъ мѣста на нѣсколько сотъ верстъ, тарантасъ мчался по весьма–неровной дорогѣ; отъ сильнаго толчка доска подъ козлами, на которыхъ сидѣли и ямщикъ, и казакъ, съ одного конца провалилась и встрѣтила такое сильное противодѣйствіе, что не только внезапно поднялась на свое мѣсто, но даже и выше, едва не сбросивъ съ козелъ и ямщика и казака; а вслѣдъ за тѣмъ, доска опять провалилась. Стой! закричалъ казакъ, соскочилъ съ козелъ, силою сорвалъ запонъ, и встрѣтился съ бѣднымъ утопленникомъ носомъ–къ–носу. Неутѣшная вдова сулила казаку все, чтъ деньгами при ней было; а когда это не помогло, то отчаянный бѣглецъ хотѣлъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, данному природой каждому живому существу въ крайнихъ случаяхъ — къ оборонѣ. И это не удалось: ударъ прикладомъ пистолета въ голову обезоружилъ несчастнаго, а встрѣтившіеся въ эту минуту извощики съ обозомъ помогли его связать...

«Въ ближайшемъ городѣ, бѣдняка сдали мѣстному начальству, а когда осмотрѣли въ подробности тарантасъ и всѣ пожитки ихъ, то нашли между–прочимъ какой–то загадочный ларчикъ, въ которомъ оказались остатки умершаго младенца. Предполагая уже въ то время побѣгъ свой, они схоронили порожній гробъ, а трупъ спрятали въ погребъ, чтобъ не оставить на чужбинѣ и драгоцѣнныхъ косточекъ. Въ этомъ же погребѣ сидѣлъ мнимый утопленникъ во все время до отъѣзда; за тѣмъ для него подъ козлами тарантаса былъ устроенъ особый рундукъ; а какъ ему было лежать тамъ и тѣсно и душно, то запонъ тарантаса въ–продолженіи пути тщательно застегивался и узникъ выползалъ оттуда подышать воздухомъ. Проломившаяся доска обнаружила все и передала несчастнаго въ руки правосудія.»

— Вы говорите, что были свидѣтелемъ этого происшествія? спросилъ другой собесѣдникъ.

— Да, отвѣчалъ тотъ: — и случай этотъ былъ въ свое время очень–извѣстенъ; я не былъ при томъ, какъ казакъ поймалъ бѣднаго утопленника, но между–прочимъ, даже самъ видѣлъ въ послѣдствіи подсудимаго.

— Это весьма–замѣчательно, сказалъ опять первый: — и замѣчательно не только по странности случая, но и потому, что это есть

исполненіе чужаго предположенія. Кто читалъ книжку Коцебу: «Замѣчательнѣйшій Годъ моей Жизни»?

— Я, я, отозвались двое или трое.

— Тогда вы вспомните, сказалъ опять тотъ же, что Коцебу разсказываетъ все это, въ видѣ предположенія, какимъ–образомъ жена, ѣхавшая къ нему, должна была увезти его изъ Сибири. Коцебу вскорѣ былъ возвращенъ изъ ссылки и не имѣлъ нужды исполнить своей хитрой затѣи.

Разговоръ оборотился на то, что присяга и служба требуютъ отъ насъ иногда того, что тяжело исполнить по чувству состраданія. Съ нами сидѣлъ тутъ же замѣчательный образчикъ чудака, докторъ; онъ взялся разсказать примѣръ тому, кЎкъ онъ, напротивъ, всегда соединяетъ пользу и обязанности службы съ чувствами своими, и вотъ его разсказъ.

Разсказъ доктора.

«Нѣтъ, я не таковъ, какъ бываютъ прочіе–иные! Я спасаю, такъ–сказать, страждущее человѣчество, на каждомъ шагу, по мѣрѣ силъ и возможности, и даже болѣе — это долгъ мой, служба, обязанность, удовольствіе, утѣшеніе!

«Былъ однажды смотръ, или, такъ–сказать, были манёвры — движенія массами, великолѣпныя, особенно кавалеріи: аттаки цѣлыми дивизіями, то–есть, почти цѣлый корпусъ

кавалерійскій съ мѣста маршъ–маршъ... и артиллерія тутъ, конная, то–есть, стучитъ, грохочетъ, гремитъ, несется — тутъ, извѣстно, на лямкахъ подхватываютъ, на выносъ... вдругъ: «дльктора!» кричатъ «дльктора! подайте дльктора!»

«Я, такъ–сякъ на сѣромъ своемъ, на жеребчикѣ, то–есть, пришпорилъ его, пригнулся на луку — какъ снѣгъ на голову, такъ–сказать, въ самую сумятицу прилетѣлъ; тутъ кричатъ еще, надсѣдаясь: «Дльктора! дльктора! Куда этотъ взбалмошный»... — Слышали? какова благодарность! — «Куда этотъ взбалмошный запропастился...» А я ужь тутъ, какъ лѣсъ передъ травой, какъ сонъ въ руку, и соскочилъ ужь съ лошади, бѣгу — да для скорости ланцетъ былъ въ зубахъ, нельзя аукнуть, отозваться... «здѣсь, здѣсь» говоритъ костоправъ — а со мною и костоправъ прискакалъ... — Молчи, говорю: — не твое дѣло; выхватилъ ланцетъ изъ зубовъ и кричу самъ своимъ собственнымъ голосомъ: — здѣсь, такъ–сказать, здѣсь! Нельзя же, сами посудите: страждущее человѣчество — спасаешь на каждомъ шагу, по мѣрѣ силъ и возможности и болѣе... не болѣе, то–есть; долгъ, обязанность и служба... Гляжу — лежитъ передо мной трупъ человѣческій, такъ–сказать, навзничъ — и пронеслась черезъ него кирасирская дивизія; это

все ничего, Богъ милостивъ; да двѣ бригады конной артиллеріи, и все, изволите видѣть, по головѣ, таки по самой головѣ; гляжу: какая тутъ голова! Лепешка, я вамъ докладываю лепешка, такъ–сказать, блинъ! И говорю: «Надежды нѣтъ; къ выздоровленію не надёженъ, то–есть; но, авось, Богъ милостивъ, не отчаявайтесь. Посудите сами: голова лепешкой; какая тутъ помощь? такъ–сказать, какое пособіе? какая надежда?

«— Слышать не хочу, говоритъ генералъ: — чтобъ былъ онъ у меня здоровъ — и слышать не хочу росказней вашихъ; на то вы докторъ (и обругалъ еще по напрасну): — на то вы жалованье получаете, царю служите, долгъ, обязанность службы несете; а этотъ солдатъ, говоритъ, мнѣ дороже васъ и со всей братіей вашей!

«Что будешь дѣлать? дѣйствительно такъ: долгъ, обязанность, страждущее человѣчество, служба царская — жизнь теряешь, славу пріобрѣтаешь, долгъ чести... Богъ милостивъ! Я его взялъ; туда, сюда — блинъ блиномъ, да и только; не разберешь, въ какое мѣсто ухо слѣдуетъ, куда носъ, куда глазъ — такъ–сказать, все, то–есть, отъ чрезмѣрнаго насилія, отъ поврежденія, въ неестественномъ положеніи и, сверхъ–того, оторвано, измято, скомкано: одно

ухо тутъ, подбородокъ, такъ–сказать, попалъ сюда, другое ухо вотъ гдѣ — одинъ глазъ здѣсь, другаго вовсе нѣтъ; носъ поперегъ и, такъ–сказать, пришелся на затылкѣ; ротъ и губы и все это сворочено, выворочено, переворочено, заворочено, отворочено; а голова, то–есть, лепешкой, вотъ какъ бываютъ лепешки... Плохо; а нечего дѣлать! долгъ присяги и даже самая обязанность велитъ, и отличный, говорятъ, солдатъ, и обругали еще за него въ задатокъ... нечего дѣлать, такъ–сказать: бери, говорю костоправу, собирай все, что есть — да давай иглу, нитки, то–есть, шелкъ красный — давай ножницы: гдѣ клокъ волосъ увидишь — стриги. То тутъ стригну, то тамъ, гдѣ такъ–сказать какому клочку пришлось сѣсть, и даже подъ носомъ клокъ, и гдѣ носу быть — и тамъ клокъ!! Давай!.. Шили его, шили, тачали со всѣхъ концовъ; такъ–сказать, Богъ милостивъ; и тутъ подложу подушечку, и тамъ то–есть компресикъ, и здѣсь кровяной шовъ — гдѣ прихватишь, гдѣ пристегнешь — бинтъ сюда, бинтъ туда — подмостилъ такъ–сказать, собравъ все это въ кучу — самое состраданіе велитъ, а тѣмъ паче особенная воля генерала... Смотрю: похоже, такъ–сказать, на человѣка; оно чучело, если хотите, то–есть, все это укутано, умотано — но все на своемъ мѣстѣ, все разставлено какъ

должно по природѣ и даже по самой наукѣ, по искусству, то–есть — и все–таки похоже на человѣка!

«На третій день, снимаю первую повязку — что–то Богъ дастъ? Богъ милостивъ; надежды нѣтъ, а отчаяваться не должно; долгъ службы, вѣрность присяги — все тутъ. Что же? глядитъ — глядитъ какъ человѣкъ; обмылъ, очистилъ — ничего; такъ–сказать, живетъ... Ну, давай Богъ! Золотыя руки у тебя, Петръ Ивановичъ, сказалъ я самъ себѣ — а? не правда ли, любезный? Онъ же, конечно, еще не образумился, и самая голова не пришла въ себя, и даже память и органы языка... промычалъ что–то, — ничего! Я такъ–сказать, за этимъ не гонюсь; я благодарности не жду: долгъ, страждущее человѣчество...

«Чтѓ же вы думаете, каковъ конецъ? Такъ–сказать, красавецъ вышелъ, молодецъ, на рѣдкость изъ своихъ рукъ такихъ отпускалъ, то–есть! Хоть бы тебѣ слѣдъ остался какой, хоть бы рубецъ, хоть бы цапинка! И все на мѣстѣ, то–есть, и все въ порядкѣ и — ну... ну, словомъ, рожа какъ рожа, такъ–сказать, и голова круглѣе пушечнаго ядра! Каковъ? А онъ мнѣ: да я, говоритъ, вологодскій, ваше высокоблагородіе, меня и дома ужь медвѣдь ломалъ дважды, всего исковеркалъ — ничего, благодаря Бога, отлежался! Нѣтъ, говорю, врешь, такъ–сказать:

это моя легкая рука, это, такъ–сказать, неблагодарность людская... Лепешка, я вамъ докладываю, то–есть, лепешка была; а теперь голова какъ голова, хоть сейчасъ опять во фронтъ и опять туда же... Пряталь я его, сударь, пряталъ шесть недѣль отъ начальства: въ гвардію бы взяли тотчасъ; жаль человѣка, сами такъ–сказать посудите — хотѣлось выписать его въ неспособные — пряталъ, никому не показывалъ, а не то, чтобъ хвалиться... о, нѣтъ, я не таковъ! Конечно, у него зубовъ не было, это само собой разумѣется; а ухо одно пришлось такъ–сказать на изнанку, и пониже другаго; ну глаза одного Богъ дастъ; его, можетъ–быть, лошадь унесла на копытѣ — гдѣ жь его взять? Но все–таки, я вамъ докладываю, вышелъ такой молодецъ, такой красавчикъ...

«Что же генералъ? «Вылечили?» говоритъ. — Вылечили, ваше превосходительство. — «Совсѣмъ?» — Совсѣмъ. — «Ну, то–то» говоритъ: «хорошо, что я настращалъ доктора; вотъ и слава Богу, такъ–сказать!»

«Онъ настращалъ..! Да, вотъ истинно, такъ–сказать, благодарность людская, то–есть, признательность... нѣтъ, еслибъ не долгъ, присяга, не совѣсть!!..»

— Хороша твоя сказка, Петръ Ивановичъ, сказалъ кто–то изъ насъ, и всѣ захохотали. Докторъ былъ доволенъ успѣхомъ и, расчувствовавшись, просилъ молодаго піонера разсказать жалостный случай, который начитали они вмѣстѣ когда–то въ одной французской книжкѣ. Изъ скромности, докторъ никакъ самъ не хотѣлъ разсказать намъ этого, и, увѣряя, что онъ половину перезабылъ, настаивалъ, чтобъ дать просторъ рѣчи піонера.

Соперницы.

«Во время войны Наполеона съ Испанцами, молодой французскій офицеръ славнаго въ свое время войска, простоялъ нѣсколько мѣсяцевъ съ полкомъ гдѣ–то неподалеку югозападныхъ границъ Франціи и слюбился съ дочерью помѣщика, проживавшаго въ небольшомъ городкѣ. Она была живая, пылкая, но въ то же время скромная и премилая дѣвушка, говорившая не разъ въ шутливой и откровенной бесѣдѣ съ другомъ своимъ, что вообще не довѣряетъ вѣрности людей съ эполетами и шпорами, хотя и уважаетъ званія ихъ и личныя достоинства. «Вы, господа, хороши для государя и отечества» говорила она: «а для насъ — никуда не годитесь.»

«Честно–влюбленному офицеру отзывъ этотъ казался весьма–страненъ и непонятенъ.

Онъ видѣлъ, что она къ нему неравнодушна, а между–тѣмъ старается скрыть это и отзывается объ немъ такъ непріятно! Если это шутка, то она оскорбительна для чистыхъ чувствъ и желаній моихъ — подумалъ онъ, — а если дѣло, то кто могъ поселить въ нее такую нелѣпую мысль? Конечно, нѣчего сказать, наши братья иногда легоньки... но зачѣмъ же она меня равняетъ съ такими людьми? О, еслибъ она узнала меня лучше!..

«Онъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ старался объ исполненіи этого желанія, что, не измѣнивъ, можетъ–быть, мнѣнія ея насчетъ военныхъ вообще, заставилъ ее, однакожь, вскорѣ допустить въ пользу его почетное изъятіе, и она отдалась ему всею силою своей любви. Родители благословили ихъ и только успѣли отпировать помолвку, какъ полкъ двинулся въ Испанію и, ратуя наряду съ другими за свой кумиръ, подвергался всѣмъ ужасамъ этой упорной, народной войны, о которой уже писано столько, что, думаю, всякое дополненіе съ моей стороны было бы здѣсь излишнимъ, — тѣмъ болѣе, что меня, какъ вы знаете, тамъ не было.

«Разсыпаясь въ тылу арміи французской и каждаго изъ ея отрядовъ, Испанцы не допускали иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого сообщенія ея съ Франціею; моремъ завладѣли англичане;

Наполеонъ былъ внѣ себя отъ злобы и отчаянья, не получая никакихъ вѣстей о томъ, что тамъ происходило, и въ–послѣдствіи только узнавалъ онъ, сколько курьеровъ, выѣхавшихъ изъ арміи, было зарѣзано или приколото гдѣ–нибудь въ лѣску или оврагѣ. Съ такимъ же нетерпѣніемъ ждала и бѣдная невѣста отъ жениха вѣстей, и не могла дождаться. Ее утѣшали тѣмъ, что нѣтъ проѣзда и нѣтъ прямыхъ вѣстей ни отъ кого изъ арміи.

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и странные слухи, Богъ–весть какими путями, стали доходить о женихѣ: говорили, будто онъ женился на Испанкѣ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это казалось до того вздорнымъ и несбыточнымъ, что родители невѣсты, нисколько не довѣряя этому слуху, заботились о томъ только, чтобъ онъ не дошелъ до ихъ дочери, которая и безъ того уже по–временамъ сильно задумывалась. Но молва — это моровое повѣтріе; его не сдержишь ничѣмъ, и бѣдная невѣста вскорѣ услышала, чтъ говорятъ люди. Родители замѣтили въ ней большую перемѣну, но она ни съ кѣмъ не дѣлилась въ чувствахъ и мысляхъ своихъ объ этомъ предметѣ, никому не говорила о томъ ни слова.

«Спустя нѣсколько времени, тотъ же слухъ подтвердился и притомъ съ такими

подробностями, что поневолѣ заставилъ призадуматься друзей, родственниковъ и даже самихъ родителей невѣсты. Сочли за нужное сказать ей слово объ этомъ, съ приличными утѣшеніями — и изумились стойкости, рѣшимости и благоразумію ея: она отвѣчала, что безъ сомнѣнія забудетъ недостойнаго, если только убѣдится въ истинѣ молвы; но, прибавила она, до того времени, прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ, не говорите мнѣ объ этомъ; я *сама* должна во всемъ убѣдиться.

«Послѣднихъ словъ никто не понялъ; но никто, кажется, и не искалъ въ нихъ особеннаго смысла, и всѣ были чрезвычайно–довольны и счастливы такою желанною и нежданною развязкой: «дочь наша гораздо–умнѣе, чѣмъ мы думали» говорили родители, и успокоились.

«Чтъ между–тѣмъ происходило въ душѣ ея — это никому не извѣстно; но на слѣдующую же ночь, послѣ этого объясненія, невѣста пропала безъ вѣсти, и всѣ старанія родителей отъискать ее были тщетны.

«Обратимся теперь къ жениху.

«Съ писаннымъ на слоновой кости обликомъ милой на груди, съ колечкомъ ея на рукѣ, съ думою о ней въ головѣ и съ тоскою по ней на сердцѣ, онъ прошелъ почти весь роковой полуостровъ. Крайность заставляла Французовъ

продовольствоваться съ боя; за каждый кусокъ хлѣба, за каждый клокъ сѣна надо было убить нѣсколько Испанцевъ и пожертвовать иногда еще бо́льшимъ числомъ своихъ. Горекъ былъ этотъ хлѣбъ! Между–прочимъ, и женихъ бѣдной невѣсты нашей былъ посланъ съ небольшой командой на фуражировку — и не возвращался. Два человѣка, очнувшіеся и приползшіе черезъ нѣсколько дней къ фрацузской передовой цѣпи, разсказали, что отрядецъ былъ вырѣзанъ поголовно.

«Испанцы дѣйствительно подстерегли фуражировъ, напали на нихъ врасплохъ и сокрушили всѣхъ; молодой офицеръ былъ тяжело раненъ и отведенъ въ плѣнъ, причемъ дано было ему клятвенное обѣщаніе, что онъ, по выздоровленіи, будетъ разстрѣлянъ или повѣшенъ, смотря по жребію.

«Какъ тяжко–раненный, былъ онъ, однакожь, отданъ на руки семьѣ одного изъ гверильясовъ, гдѣ стала ухаживать за нимъ молодая и прекрасная собой Испанка. Кольцо и портретъ невѣсты, оправленный въ золото, съ него сняли уже на полѣ битвы; лишившись на–время чувствъ и памяти отъ потери крови, онъ, можетъ–быть, забылъ о прошедшемъ; въ жалкомъ, ужасномъ положеніи его, молодая Испанка была для него всѣмъ — судьбой,

блаженствомъ и ангеломъ–хранителемъ; узнавъ же, что она его страстно полюбила, онъ подавно забылъ все прошедшее, жилъ и дышалъ настоящимъ, которое такъ неуловимо, и въ бѣдствіи своемъ былъ счастливъ, кЎкъ только человѣкъ можетъ быть счастливъ не по внѣшнимъ обстоятельствамъ, а по чувству.

«Онъ уже оправился, выздоровѣлъ, забылъ о данной ему клятвѣ, какъ Испанка однажды къ нему вошла въ полночь; накрывъ рукою лампаду, она тихо подошла къ постели и назвала его по имени. Вскочивъ съ–просонья, сидѣлъ онъ, глядѣлъ на нее и едва могъ опомниться.

« — Слушай, сказала она: — и молчи, только слушай. Завтра выведутъ тебя и еще двухъ Французовъ въ поле, — завтра у насъ праздникъ святаго Стефана, — и дадутъ вамъ самимъ кинуть промежь собою жребій, кому быть разстрѣляннымъ, кому повѣшеннымъ. Я знала развязку эту и давно къ ней готовилась; но тебѣ я не говорила ни слова. Ты знаешь мою любовь къ тебѣ... ты видишь, к÷къ я спокойна, — успокойся же и ты. Я знаю горныя тропинки и лѣсные проселки во всей окружности; я тебя спасу; у меня все готово, дорожная пища на недѣлю припасена. Хочешь ли?.. Постой, я не позволю тебѣ обнять меня, покуда ты не дашь мнѣ отвѣта, призвавъ въ свидѣтели Мать пресвятую

Богородицу… обвѣнчаешься ли ты со мною, какъ только мы достигнемъ твоего полка?

«Молодой офицеръ поклялся, обнялъ Испанку, которая строго удерживала ласки его, наскоро одѣлся, и черезъ десять минутъ ихъ уже обоихъ не было въ домѣ. Черезъ нѣсколько дней, они благополучно достигли полка, котораго мѣстопребываніе дѣвушкѣ было въ точности извѣстно, и чета, бывъ обвѣнчана немедленно полковымъ священникомъ, осталась подъ покровительствомъ французскихъ войскъ.

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; молодому супругу, конечно, не разъ приходила на память родина его и соединенныя съ нею воспоминанія о покинутой невѣстѣ; но онъ утѣшался созданною имъ самимъ увѣренностью, что долгая разлука, конечно, уже давно изгладила его изъ памяти домашней невѣсты, которая, вѣроятно, вышла за другаго; съ другой стороны, онъ успокоивалъ совѣсть свою явною необходимостью своего настоящаго поступка и чувствомъ признательности къ своей спасительницѣ.

«Стойкое, упорное сопротивленіе Испанцевъ, при помощи Англичанъ и безпрерывныхъ войнъ Наполеона съ остальною Европою, какъ извѣстно, одержало верхъ; французскія войска должны были, послѣ страшныхъ потерь, возвратиться поспѣшно во

Францію. Тутъ, при переходѣ черезъ Пиренеи, на общей границѣ, шаталась какая–то несчастная, безумная дѣвушка, которая стояла день и ночь на распутьи и спрашивала скромно и робко встрѣчнаго и поперечнаго: гдѣ такой–то полкъ и гдѣ служащій въ немъ поручикъ такой–то? Безумная питалась подаяніемъ, кореньями и плодами въ полѣ, или просиживала у дороги цѣлые дни вовсе безъ пищи; вставала, кланялась проходящимъ и дѣлала всякому одинъ и тотъ же вопросъ. Французскія войска проходили по частямъ, тянулись въ жалкомъ, разстроенномъ состояніи, и немногіе, въ горестномъ положеніи своемъ, обращали вниманіе на безумную. Извѣстно, что при французскихъ войскахъ всегда состоятъ маркитантки, женщины нерѣдко съ большимъ духомъ, но при всемъ томъ, иногда съ женскими чувствами. Безумная случайно напала на такую маркитантку, которая, разспросивъ ее и увидѣвъ въ какомъ она отчаянномъ положеніи, посадила къ себѣ на возъ или на мула, обѣщавъ отъискать поручика, и привезла на ночлегъ въ деревню. Тутъ, по–крайней–мѣрѣ, подъ кровлей и при женскомъ уходѣ за нею, несчастная скончалась на слѣдующую же ночь.

«Между–тѣмъ, войска тянулись, вступали и выступали изъ деревни этой, и вступилъ также полкъ нашего поручика. Маркитантка,

принявшая, по добродушію, такое участіе въ бѣдной страдалицѣ, отъискала офицера и сказала ему: «Насилу–то я васъ дождалась! Подите скорѣе, хоть взгляните на покойницу; ей не удалось взглянуть на васъ. Тамъ въ сараѣ лежитъ она: бѣдная дѣвушка все доспрашивалась васъ и вчера Богу душу отдала».

«Не знаю, чтѣ подумалъ поручикъ; но онъ пошелъ въ нѣмомъ предчувствіи за маркитанткой. Въ поблекшемъ, отжившемъ цвѣткѣ онъ узналъ, однакожь, свою бывшую невѣсту; она лежала въ сараѣ, на соломѣ, покрытая, по милосердію маркитантки, рУдномъ. Не знаю также, чтѣ думалъ и чувствовалъ бѣдный поручикъ; но дѣла посправить было нќ чѣмъ. Ему оставалось только жить съ Испанкой и — не измѣнять ей!»

II.

ЧУДОМИЛЪ.

Если первый разсказъ нѣсколько тронулъ слушателей и возбудилъ въ нихъ состраданіе, а второй крѣпко разсмѣшилъ всѣхъ и прогналъ сонъ и дремоту, то третій во мнѣ собственно возбудилъ особенное чувство: онъ какъ–то возмутилъ покой души моей, живо напомнивъ прошлое, и врѣзался глубокими чертами въ сердце. Я, кажется, заснулъ послѣдній изъ товарищей; огонекъ догорѣлъ, дымъ едва подымался легкой струйкой, раскаленные угли

проглядывали еще тутъ и тамъ сквозь пепелъ; звѣздистое, темное небо обнимало два непріятельскіе стана однимъ общимъ шатромъ — я подумалъ и о томъ, что подъ этимъ же навѣсомъ почиваетъ теперь и Надя, гдѣ бы она ни была — и болѣе себя не помню.

Нѣсколько за–полночь, внезапно ударили тревогу; батальйонъ нашъ потребовали въ подкрѣпленіе къ цѣпи; тутъ случилась та самая стычка, о которой я началъ–было разсказывать. И такъ, мы бросились впередъ, съ крикомъ *ура*, безостановочно оттѣснили турецкую цѣпь сажень на сто, сбили подоспѣвшіе съ ихъ стороны резервы и немножко безразсудно преслѣдовали ихъ. Ночь была темна, небо облачно; мы дѣйствовали почти ощупью и наткнулись на довольно–сильную засаду, откуда насъ обдали градомъ пуль. Мнѣ показалось, будто меня кто–то внезапно хватилъ изо всей силы прикладомъ въ грудь; я въ безпамятствѣ повалился навзничъ. Застрѣльщики, идучи разсыпнымъ строемъ, который еще по темнотѣ не могъ сохранить линіи своей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорвался, не замѣтили, чтó со мной сталось; ударили отбой, потому–что мы слишкомъ–далеко занеслись, и уже поздно спохватились, что прапорщика Горностая нѣтъ. Поиски охотниковъ, по темнотѣ, остались безуспѣшными; меня считали убитымъ;

но солдаты хотѣли отъискать и принести трупъ мой — и этого добрымъ ребятамъ не удалось: турецкая цѣпь случайно на меня наткнулась; и я, живой или мертвый, попался въ плѣнъ.

Я очнулся днемъ, подъ навѣсомъ, среди небольшаго двора, обнесеннаго чистымъ каменнымъ заборомъ и устланномъ плитой. Навѣсъ былъ деревянный, красивой отдѣлки, съ рѣзьбой и пестрой окраской; между столбами, по которымъ вился виноградъ, верхъ былъ забранъ по угламъ рѣшеткой, въ видѣ стрѣльчатыхъ сводовъ; прямо передо мной протекалъ ручеекъ по каменному желобу; далѣе стояло поперегъ красивенькое легкое строеніе, въ которомъ три яруса свѣшивались уступомъ одинъ надъ другимъ, а кровля, какъ широкополая шляпа, покрывала маковку. Разные столбики, переходы, лѣсенки и рѣшетки, красные, зеленые, голубые, даже съ позолотой, придавали этому зданію видъ красивенькой дѣтской игрушки; а нѣсколько стройныхъ, высокихъ тополей, огромные кусты розъ и вьющійся до самой кровли зданія виноградъ, служили истиннымъ для него украшеніемъ.

Я услышалъ легкій стонъ, взглянулъ, сколько могъ, въ сторону, и увидѣлъ шагахъ въ пяти товарища. Онъ сидѣлъ подгорюнясь, накинувъ солдатскій плащъ на плечи, а одна рука

и голова были у него перевязаны. Долго я не могъ еще вымолвить слова; мнѣ казалось, будто я говорилъ, и даже довольно–громко; но звука не выходило. Наконецъ, я замѣтилъ, что разговоръ этотъ происходилъ только въ моемъ воображенiи, и что я самъ не сдѣлалъ доселѣ даже никакого усилiя для того. Тогда я опомнился и сказалъ: «товарищъ!» солдатъ оглянулся, вскочилъ, разбередивъ немного руку свою, подернулъ губами, но подошелъ безъ остановки ко мнѣ и со слезами изъявилъ радость свою о томъ, что я еще живъ; но въ то же время прибавилъ: «Эхъ, ваше благородiе, на что вы ожили! Ужь лучшебъ оставаться вамъ тамъ, передъ Богомъ».

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Гдѣ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ: — да гдѣ чортъ козамъ рога правитъ: въ Шумлѣ.

Я попросилъ напиться; онъ зачерпнулъ воды изъ ручейка и подалъ мнѣ: это меня усладило, какъ цѣлительный елей. Въ Турцiи смѣло можно пить изъ каждаго ручейка, обдѣланнаго и проведеннаго, по ихъ прекрасному обычаю, по улицамъ и дворамъ. Ручей протекаетъ, дробясь на рукава, черезъ многолюдный, огромный городъ; но онъ такъ же чистъ и ясенъ на послѣднемъ дворѣ, какъ на первомъ; никогда и никто не броситъ и не выльетъ въ него нечистоты: вода — для Турковъ завѣтная вещь.

— Какъ ты попалъ сюда, другъ? спросилъ я.

— Какъ куръ во щи, отвѣчалъ солдатъ, усаживаясь бережно около меня на соломѣ: — я такого–то полка, былъ въ тревогу эту на прошлой недѣлѣ въ пятницу, въ застрѣльщикахъ; пуля ожгла руку, подъ самымъ локтемъ, ружье у меня и вывалилось; тутъ какой–то собака наскакалъ, да хватилъ еще саблей по головѣ; спасибо ьскользня дала, повихнулась въ рукѣ — видно еще неукъ, цыганъ, а то бы раскроилъ башку ни за грошъ. Одинъ въ полѣ не воинъ; а какъ еще безъ руки, да съ подбитымъ затылкомъ — ну, такъ и иди, куда поведутъ на веревочкѣ и молчи. Спасибо, хоть веревочка противъ нашей помягче, бумажная.

— Такъ ты ужь съ прошлой недѣли здѣсь?

— ДЎ, вмѣстѣ съ вами, съ прошлой пятницы. Послѣ насъ, имъ задали чесу — будутъ помнить орѣховую корягу (прикладъ ружья).

Я замолкъ отъ слабости, но понялъ изъ словъ солдата, что, стало–быть, нѣсколько дней уже лежалъ вовсе безъ памяти. Рана моя была тяжела, пулей въ грудь на вылетъ — и не смотря на хорошій уходъ за мною турецкаго цирюльника, который мастерски перевязывалъ меня и вкладывалъ во все время въ рану жгутикъ, чтобъ не дать ей снаружи затянуться, я долго самъ отчаявался въ выздоровленіи и поправлялся

чрезвычайно медленно. Мы были въ домѣ какого–то сановника; съ нами обходились хорошо; гаремныя затворницы нашего хозяина подходили иногда гурьбой къ одной изъ золоченыхъ рѣшетокъ верхняго жилья — вѣроятно, въ такое время, когда хозяина не было дома, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ, хохотали и дурачились, какъ дѣти. Иногда строгій голосъ старухи загонялъ ихъ опять въ клѣтку, и жалобы, ропотъ и насмѣшки сыпались со всѣхъ сторонъ. Товарищъ мой, по прозванію Лаврентьевъ, смѣшилъ меня при такихъ случаяхъ своими замѣчаніями, не смотря на тяжкое мое положеніе. Онъ свободно бродилъ по дому, свелъ дружбу съ прислугой паши и доносилъ мнѣ обо всемъ, чтѓ дѣлалось въ домѣ. «Вотъ эту оструцку хозяинъ вчера посѣкъ», говорилъ онъ, указывая на рѣшетку, сквозь которую я почти ничего не могъ видѣть: «вотъ эту, чтѓ глаза свѣтятся какъ у волка; она что–то напроказила и сгрубила старшей хозяйкѣ. Прямыя собаки, право; вишь каку стаю держитъ, старый чортъ! А тамъ вонъ есть еще у нихъ одна, прости Господи — сущій чортъ, таки вотъ у насъ трубочистъ бѣлѣе живетъ, арапка, и щенятъ пару такихъ же привела, ровно изъ–подъ земли вылѣзли. А сама вся въ красномъ ходитъ, въ золотыхъ запястьяхъ, да въ

бляхахъ, ровно нашъ извощичій конь въ наборной сбруѣ».

Лаврентьевъ, между–прочимъ, никакъ не могъ понять моихъ наставленій о необходимости политичнаго обращенія въ нашемъ положеніи. Онъ хотѣлъ всегда разговаривать съ Турками, какъ съ непріятелемъ, и другой бесѣды не понималъ. Къ–счастію, большая половина объясненій его шла на вѣтеръ: Турки его не понимали; но я иногда дивился ихъ добродушію: они смѣялись выходкамъ Лаврентьева, утѣшали насъ тѣмъ, что Богъ рѣшитъ, чему и кЎкъ быть, и что это не во власти человѣка, но нисколько на насъ не сердились. Онъ всегда хотѣлъ доспроситься у нихъ, гдѣ и сколько ихъ поколотили, увѣрялъ, что вотъ ихъ скоро перебьютъ всѣхъ и выгонятъ за море; что Русскіе зимовать будутъ въ Царь–Градѣ, спорилъ по каждому изъ извѣстныхъ ему стычекъ и сраженій, обозначая наобумъ число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Турковъ и въ этомъ случаѣ не считалъ иначе, какъ тысячами. Турки очень–добродушно этому смѣялись, заставляли его пересказывать одно и то же десять разъ, но всегда прекращали этотъ разговоръ, если мой Лаврентьевъ слишкомъ завирался и потомъ начиналъ сердиться.

Пришла осень; насъ перевели въ избу; Лаврентьевъ добывалъ, гдѣ могъ, вѣстей о русской арміи, но никогда не вѣрилъ имъ въ томъ видѣ, какъ онѣ разсказывались Турками, а передѣлывалъ ихъ по–свьему, и передавалъ мнѣ. Онъ сочинялъ иногда неимовѣрную путаницу, въ полной увѣренности, что говоритъ святую истину, за которую готовъ былъ распинаться.

Между–тѣмъ, Турки рѣшили очистить Шумлу отъ раненныхъ и плѣнныхъ, собрали нѣсколько десятковъ ихъ, а въ томъ числѣ и насъ, и отправили подъ небольшимъ конвоемъ. Здоровые, въ томъ числѣ и Лаврентьевъ, шли пѣши; насъ же, раненныхъ, усадили въ огромныя арбы, запряженныя буйволами, и къ ночи мы двинулись, сами не зная куда. Я былъ еще очень–слабъ, рана медленно подживала, и путь этотъ, по тряской, каменистой дорогѣ, показался мнѣ невыносимымъ. Я не могъ сомкнуть глазъ, лежалъ въ потьмахъ, повертываясь и пріискивая удобнаго положенія; мы проѣхали, можетъ–быть, всего около десятка верстъ, какъ вдругъ раздалось вплоть передъ нами нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, и конная толпа съ ужаснымъ крикомъ кинулась на насъ, спереди и съ правой стороны, держа пики на перевѣсъ. Я только успѣлъ распознать въ нападающихъ нашихъ казаковъ, которые, вѣроятно, или сами

были на фуражировкѣ, или подстерегали турецкихъ фуражировъ, какъ полетѣлъ, вмѣстѣ съ арбой, въ какую–то страшную бездну, и болѣе ничего не видѣлъ и не слышалъ. По всей вѣроятности, одно изъ безотвѣтныхъ животныхъ, шедшихъ въ арбѣ моей подъ ярмомъ, было испугано, а можетъ–быть и ранено, и кинулось стремглавъ въ пропасть, которая находилась по лѣвую сторону дороги.

Я опять пришелъ въ себя уже днемъ и лежалъ на самомъ берегу ручейка; съ трудомъ, но и съ наслажденіемъ полакомился я превосходной ключевой водой и умылъ ею слегка лицо. Встать я не могъ. Подлѣ меня лежала разбитая въ щепки арба, мертвые буйволы, изъ которыхъ одинъ скатился въ самый ручей и висѣлъ въ ярмѣ, поднятомъ кверху; не вдалекѣ отъ меня лежалъ, по–видимому, мертвый, попутчикъ мой, раненный и взятый въ плѣнъ унтеръ–офицеръ. Кругомъ все было пусто и тихо.

Время было уже пасмурное и холодное; помощи нельзя было ожидать ни откуда; я лежалъ между убившимися буйволами и человѣкомъ, самъ едва–живой, съ трудомъ накрылся разбросанной вкругъ меня одеждой, и ждалъ своей кончины. Прошелъ полдень, стало вечерѣть; то принимался накрапывать осенній

дождь, то опять тучи разгоняло, и я готовился провести ночь все въ томъ же положенiи и, можетъ–быть, къ утру отдать Богу душу. Я вспомнилъ Лаврентьева упрекъ, для чего–де я ожилъ въ Шумлѣ, сталъ думать о томъ, есть ли на родинѣ моей хотя одна душа, которая бы спросила со–временемъ возвращающiяся домой побѣдоносныя войскЎ наши: «А не знаете ли, куда дѣвался въ Турцiи Горностай? у васъ былъ въ такомъ–то пѣхотномъ полку молодой человѣкъ Андрей Ефимовичъ Горностай?»... «Есть» подумалъ я: «на Руси душа, которая бы пожелала узнать гдѣ, и чтѣ я теперь... но и эта душа, повинуясь обстоятельствамъ и участи всего земнаго и суетнаго, скоро забудетъ обо мнѣ... чего я ей отъ всей души на смертномъ одрѣ моемъ желаю...»

Лай собаки надъ самымъ ухомъ моимъ заставилъ меня сильно вздрогнуть; я взглянулъ изъ–подъ бурки и турецкаго плаща: шагахъ въ пятидесяти, арба переѣзжала ручей, и Болгаръ спокойно погонялъ воловъ. Собака молча обнюхивала поперемѣнно то мертвыхъ буйволовъ моихъ, то разбитую арбу и разбросанныя вещи, то моего собрата–покойника, и опять бросилась на меня съ лаемъ. Я былъ уже очень–слабъ и тощъ, и не сомнѣваюсь понынѣ, что обязанъ этой собакѣ своимъ спасенiемъ.

Болгаръ, въ бурой суконной курткѣ, турецкихъ шароварахъ и штиблетахъ изъ такого же бураго крестьянскаго сукна, съ небольшой синей цифровкой или прошвами, и въ круглой, черной смущатой шапкѣ, съ накинутымъ на плѣча плащомъ того же сукна, на бѣломъ суконномъ подбоѣ, Болгаръ этотъ обратилъ наконецъ вниманіе на собаку свою, остановилъ воловъ и подошелъ къ нашему побоищу. Онъ тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло; остановился, смѣрялъ глазами вышину обрыва горы, покачалъ головой и принялся разсматривать убившихся буйволовъ. Я подалъ голосъ: онъ немедленно ко мнѣ подошелъ и, узнавъ во мнѣ полу–земляка по племени или языку, крѣпко сожалѣлъ о моемъ бѣдствіи. Подумавъ немного, послѣ взаимнаго объясненія, онъ вызвалъ изъ арбы женщину, вѣроятно свою хозяйку, и они меня вмѣстѣ уложили къ себѣ, собравъ туда же чтѣ могли изъ разбросанныхъ на землѣ вещей.

Скажу теперь вкратцѣ, чтѣ далѣе со мною случилось, и перейду къ главнѣйшему.

Болгаръ этотъ привезъ меня на третій день въ Османбазаръ, отъ Шумлы на западъ верстахъ въ 50. Тамъ побылъ я съ недѣлю; меня Болгары прятали отъ Турковъ и надѣялись доставить въ армію нашу; но, узнавъ, что войска наши уже оставили Шумлу и потянулись къ Силистріи, они

боялись попасться со мною и поплатиться головою; по этому они отправили меня ночью далѣе, въ Коброво, и наконецъ въ Трояны, сказавъ, что въ случаѣ новой опасности перевезутъ меня въ Софію, или передадутъ черезъ границу Сербамъ. Переѣзды эти были для меня такъ тяжелы, что, не смотря на всю признательность мою къ добрымъ Болгарамъ за ихъ обо мнѣ попеченія и самоотверженіе, я много разъ просилъ ихъ выдать меня Туркамъ, зная по опыту, что обращеніе ихъ, если попадешь въ порядочныя руки, не такъ дурно. Болгары, однакожь, не хотѣли этого слышать, говорили, что только Іуда могъ продать Христа, а христіанинъ брата своего не продаетъ; кончилось тѣмъ, что меня мало–по–малу все передавали съ рукъ на руки далѣе, и я наконецъ очутился въ Сербіи, отблагодаривъ чѣмъ могъ — благодарной слезой, послѣднихъ проводниковъ моихъ изъ Болгаръ. Денегъ не было у меня давно, часы были отобраны Туркомъ, который меня взялъ въ плѣнъ.

Меня приняли въ одномъ селеніи, неподалеку Мисовицы, на притокѣ Моравы. Тутъ сбѣжалось все селеніе смотрѣть на русскаго офицера. Состраданію не было конца, особенно со стороны женщинъ, которыя даже плакали надо мною и завалили меня хлѣбомъ и другими

съѣстными припасами. Ко мнѣ подошелъ, между–прочимъ, высокій, благовидный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, одѣтый получше прочихъ и пользовавшійся, какъ видно было по первому взгляду, нѣкоторымъ уваженіемъ. Широкополая шляпа его съ круглой тульей, коричневая цифрованная венгерка и даже распущенныя по плечамъ черныя съ небольшою просѣдью кудри, — все было слегка припудрено, почему и немудрено было узнать въ немъ зажиточнаго мельника.

— Здравствуй, братику, сказалъ онъ мнѣ, заткнувъ лѣвую руку за ременный поясъ свой и подавая мнѣ правую: — чтъ? Турки–собаки подстрѣлили? КЎкъ зашелъ сюда? есть кто свой у тебя здѣсь?

— Никого нѣтъ, отвѣчалъ я: — но вижу, что попалъ къ добрымъ людямъ; дома, въ Россіи, есть у меня и небольшое имѣніе; еслибъ я остался живъ и возвратился когда–нибудь домой, то могъ бы отблагодарить добраго человѣка, который бы теперь призрѣлъ меня подъ своей крышей и далъ кусокъ хлѣба.

Чудомилъ (имя почтеннаго мельника) улыбнулся на это съ выраженіемъ негодованія и состраданія, сказавъ: «Не за деньги хлѣбъ–соль и ложе братьямъ даютъ, а за братскую душу. Возьми руку мою: хочешь быть гостемъ моимъ?

Есть у меня и домъ и комѣра для тебя; станутъ за тобой ходить дочь и жена, и хлѣба кусокъ найдется. Я самъ не плачў за это денегъ; добрые люди даромъ возятъ, прибавилъ онъ смѣючись: — да еще и накланяются ину–пору, чтобъ только принялъ.»

Толпа засмѣялась на шутку эту, и нѣкоторые стали, отъ искренняго участія, уговаривать меня, чтобъ я не отказывался: «иди къ нему, иди, у него хорошо въ домѣ; онъ добрый человѣкъ; его обидѣть не надо!»

Я со слезой на глазахъ подалъ руку Чудомилу; но первый хозяинъ мой, тотъ, который принялъ меня по передачѣ, вступился: «А за что же ты, друже Чудомиле, отнимаешь у меня побратима?» сказалъ онъ: «ты найдешь себѣ другаго, когда тебѣ нужно; ты человѣкъ богатый, оставь мнѣ этого — это мой, а я человѣкъ бѣдный!»

Міръ разсудилъ и помирилъ добрыхъ соперниковъ; старики трепали хозяина моего по плечу и говорили ему: «оставь, оставь; Чудомилъ дѣло дѣлаетъ, а Русскій будетъ тебѣ побратимомъ, все равно». Онъ подалъ руку Чудомилу и вмѣстѣ съ нимъ и еще съ двумя товарищами понесъ меня на носилкахъ къ мельнику.

Въ чистую избу, съ широкими нарами, которые были устланы, по–турецки, войлоками и коврами, проводили насъ самъ хозяинъ и хозяйка, между–тѣмъ, какъ миловидная дѣвушка растворяла дверь и принесла подушки. Изба биткомъ набилась народомъ; но хозяинъ сказалъ: «Спасибо; прощайте, люди добрые; дайте покой больному; онъ усталъ» и всѣ, привѣтливо прощаясь, спѣшили выйдти.

Съ Сербами я объяснялся гораздо–свободнѣе, чѣмъ съ Болгарами: сербское, изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, кажется, самое близкое къ русскому. Оно также изобилуетъ гласными. Сербы не говорятъ подъ титлами, какъ Болгары, на языкѣ которыхъ между–прочимъ принятъ даже членъ, тогда–какъ этой части рѣчи нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ одноплеменныхъ съ нимъ языковъ. Въ сербскомъ также гораздо–меньше примѣси турецкихъ словъ.

Мнѣ подали похлебку изъ бобовъ, также хлѣба, молока и большой кувшинъ воды; потомъ перевязали раны мои и пожелали спокойной ночи. Сынъ хозяина моего, мальчикъ лѣтъ тринадцати, спалъ въ одной комнатѣ со мною, на случай нужной мнѣ помощи; остальное семейство въ другомъ покоѣ, черезъ сѣни. Измученный безпрерывными походами, я уснулъ вскорѣ крѣпкимъ сномъ.

III.
ДОМАШНЕЕ НЕНАСТЬЕ.

Сдавъ Горностая въ добрыя руки, мы его на время оставимъ и возвратимся въ Россію, чтобъ прослѣдить за прочими нашими пріятелями и знакомцами.

Григорій Алексѣевичъ, послѣ описаннаго нами происшествія въ Нижнемъ, досадуя на себя за неудачную попытку поставить Горностая въ забойщики тюленей или морскихъ котиковъ, огорчась также неумѣстнымъ предложеніемъ его отпустить съ нимъ падчерицу, на которую было столько надеждъ впереди, — Григорій Алексѣевичъ едва выждалъ уходъ его, какъ ухватилъ себя за голову, топнулъ ногой, приказавъ выйдти человѣку, и напустился на жену и падчерицу. Вы–де у меня ходите развѣсивъ уши, вы вотъ, гдѣ только медкомъ попахнетъ, знай облизываетесь, всякую сволочь за собой таскаете; а вотъ я его хворостиной со двора сгоню, если онъ у меня въ домъ носъ покажетъ...

Надя стала понемногу догадываться о чемъ рѣчь идетъ; но Анна Герасимовна, которая не успѣла надивиться и нарадоваться тѣсной дружбѣ супруга своего съ Горностаемъ — Анна Герасимовна тутъ ровно ничего не понимала. Она, впрочемъ, какъ читателю извѣстно, рѣдко

безпокоила себя тѣмъ, чтобъ понять какое-нибудь дѣло; и потому, едва только показавъ на безстрастномъ лицѣ своемъ видъ недоразумѣнія, тотчасъ же, какъ добрая христіанка, рѣшилась предать дѣло волѣ Божіей и Григорья Алексѣевича. Давъ ему побурлить въ волю, она сказала: «Да о чемъ же вы такъ безпокоитесь, Григорій Алексѣевичъ? Ну, хворостиной, такъ хворостиной — вѣдь мы въ этомъ не прекословимъ; не женское жь это дѣло, сами посудите: вы хозяинъ, ваша воля на то, и распоряжайтесь».

— Да что же у васъ было съ нимъ?

— Ничего не было; встрѣтились — ну, люди знакомые, слово другое молвили, онъ пошелъ съ нами, Наденька еще и перешла отъ него на мою сторону...

— Ужь эти мнѣ переходы! закричалъ опять Григорій Алексѣевичъ, и принялъ Надю въ допросъ. — Чтѣ онъ тебѣ говорилъ, признавайся!

— Ничего, папенька, отвѣчала она сквозь слезы: — право, ничего!

— А ты ему что?

— И я ничего, папенька, право...

— Да онъ же тебѣ чтѓ?

— Да ничего, право...

— А ты чтѓ?.. Да какъ ничего? Ты ничего, онъ ничего, ты опять ему ничего, и онъ тебѣ ничего... Это что за разговоръ? а?

Надя горько заплакала; а какъ Григорій Алексѣевичъ въ первый разъ такъ разсердился на падчерицу, то мать, при всемъ хладнокровіи своемъ, сочла нужнымъ за нее заступиться. Она подтвердила клятвенно, что Надя именно ничего не говорила съ Горностаемъ и не могла говорить съ нимъ безъ вѣдома матери, потому-что перешла отъ него на другую сторону, оставивъ мать въ срединѣ. Надѣ ничего не оставалось, какъ плакать и молчать, подтверждая этимъ ложь матери и собственныя свои слова, сказанныя въ началѣ допроса вовсе въ иномъ смыслѣ.

Когда за тѣмъ на третій день мать получила письмо Горностая, то она сначала была въ нерѣшимости, промолчать ли объ немъ, или передать его мужу? Страхъ, однакожь, взялъ верхъ, и письмо было представлено ему, въ доказательство непричастности получательницы. Тогда Григорій Алексѣевичъ по-свьему торжественно отпраздновалъ побѣду: онъ созвалъ мать и дочь, прочиталъ еще разъ письмо вслухъ, приказалъ подать свѣчу, сжегъ письмо и отдалъ Стёпкѣ собственноручно пепелъ, съ приказаніемъ развѣять его по двору на всѣ четыре стороны. Не доставало только, чтобъ онъ пепломъ этимъ

приказалъ зарядить пушку и выстрѣлить его за тридевять земель.

О, еслибъ Григорій Алексѣевичъ зналъ — не то, сколько онъ оскорбилъ этимъ бѣдную Надю, — нѣтъ, это не удержало бы его отъ подобнаго дурачества; но еслибъ онъ зналъ, до какой степени оно произвело въ падчерицѣ дѣйствіе противное тому, въ которомъ онъ былъ такъ твердо увѣренъ — то конечно придумалъ бы что–нибудь иное. Бѣдная Надя, чистая и непорочная душа, никогда доселѣ непосягавшая на обманъ или хитрость, увидѣла въ тотъ же вечеръ случайно въ передней на полу черный, легкій какъ пухъ листочекъ, который летѣлъ и крутился передъ нею, гонимый движеніемъ воздуха отъ ея платья. Сердце ея защемило, будто уколотое шпилькой, и она, проворно подхвативъ этотъ бывшій листокъ, обращенный рукою грознаго отца въ пепелъ, тщательно берегла и хранила его при себѣ, какъ самую дорогую и завѣтную тайну. Этого Григорій Алексѣевичъ, конечно, не подозрѣвалъ.

Какъ часто неосторожный поступокъ родителей и воспитателей порождаетъ подобныя этому примѣру послѣдствія! Помните, отцы и матери, учители и воспитатели, что ребенокъ — живое существо, а не комокъ глины, который можно мять, лѣпить и формовать для своихъ

забавъ и причудъ! Помните, что главнѣйшій признакъ жизни — всякой, даже и младенческой, состоитъ именно въ извѣстномъ противодѣйствіи наружной силѣ, въ отголоскѣ физическомъ и нравственномъ. Даже садовникъ долженъ изучить напередъ природу дерева, чтобъ выростить его такъ, кЎкъ ему нужно: иначе нерѣдко выйдетъ какой–нибудь уродъ. Къ–счастію, намъ не всегда удается осилить и переверстать благую природу ребенка по–свѣему; сколько мы ни портимъ его, сколько ни ломаемъ, но физическое и нравственное чувство самохраненія иногда одерживаетъ верхъ. Тогда мы съ гордостью указываемъ на разсѣянныхъ по всему свѣту бывшихъ воспитанниковъ нашихъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались порядочными людьми, и говоримъ: вотъ, всегда нападаютъ на насъ, что воспитаніе и образованіе нашего заведенія никуда не годится: вотъ, посмотрите!

Также точно дѣлаютъ врачи, или большая часть врачей. Если природа, въ борьбѣ съ болѣзнію и съ медикаментами, выйдетъ побѣдительницей — то они же возглашаютъ побѣду!!

Покончивъ дѣлЎ свои, Григорій Алексѣевичъ отправился въ обратный путь, съ новою думой на челѣ. Давно уже видѣлъ онъ въ Надѣ будущее средство достиженія какихъ–либо

мірскихъ благъ; но послѣднія приключенія заставили его подумать настойчивѣе о скорѣйшемъ окончаніи этого выгоднаго дѣла.

Въ Москвѣ, такъ разсуждалъ онъ самъ съ собою, въ Москвѣ найду я скорѣе зятя съ полными карманами, этакъ душъ тысячи въ двѣ, который бы помогъ мнѣ расправить крылья и пожить на старости лѣтъ; а въ Питерѣ, конечно, легче подхватить такого, что на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ; — да за то по-крайней-мѣрѣ можно пріискать полезное покровительство. Тогда возьму службой: чины, орденЎ, аренды... тугоньки они стали нынѣ... но при хорошемъ покровительствѣ, если удачно затешешься въ князи и въ графы... все возможно!

На этомъ основаніи, Григорій Алексѣевичъ рѣшилъ не зѣвать и тутъ и тамъ, а пустивъ по Москвѣ молву объ огромномъ нижегородскомъ имѣніи своемъ и показавъ Надю въ нѣсколькихъ открытыхъ домахъ — гдѣ всѣхъ ругаютъ, но всякаго принимаютъ — отправиться въ Питеръ и блеснуть тамъ изъ послѣднихъ крохъ, разумѣется, стараясь надуть перваго кто попадется.

Старанія заботливаго родителя вскорѣ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Отъискался князь — не сказочный какой-нибудь и не водевильный, не Блесткинъ, не Зоринъ, не

Пронскій, Чванскій или что–нибудь въ этомъ родѣ, а князь настоящій, какъ бываютъ князья, и притомъ съ двѣнадцатью тысячами душъ и блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, и еще съ прозваніемъ: князь Бишбармакъ–Шемаханскій. Не успѣлъ этотъ женишокъ наклюнуться, какъ Григорій Алексѣевичъ поспѣшно окончилъ дѣло, ударилъ по рукамъ и з÷пилъ падчерицу свою шампанскимъ. Эта связь приподняла носъ Григорья Алексѣевича по–крайней–мѣрѣ на цѣлый вершокъ; тутъ убили такого бобра, въ которомъ нашли вдругъ все, чего искали: и деньги, и покровительство, и связей.

Еслибъ подобная новость и могла остаться на время подъ спудомъ, то Григорій Алексѣевичъ самъ первый заботился о надлежащемъ распространеніи ея, съ жаждою и наслажденіемъ принималъ почетныя поздравленія и готовился на великолѣпныя, блестящія празднества. Приданое строилось, по обычаю нашему, на показъ; въ него надо было посадить цѣлое состояніе зажиточнаго семейства — а какъ его, состоянія этого, у Ахтубинскаго не бывало, то онъ старался замѣнить его неоплатными долгами, въ которые для этого входилъ очертя голову. Оно, какъ я упомянулъ, готовилось на показъ, то–есть, выписывалось дорогою цѣною изъ–за границы и состояло большею частію изъ вещей ни къ чему

ненужныхъ и негодныхъ. Даже самыя платья, которыя изготовлялись дюжинами по каждому названію — бальныя, полубальныя, визитныя, утреннія, вечернія, собственно платья, блузы, капоты, неглиже, закрытыя, открытыя и проч. безъ всякаго сомнѣнія годились только для дѣвицы Ахтубинской, но не для княгини Бишбармакъ–Шемаханской, которая, сложившись и образовавшись какъ слѣдуетъ въ–теченіе первыхъ мѣсяцевъ замужства, безъ сомнѣнія была бы вынуждена раздать всѣ тряпки эти домочадцамъ. Кромѣ–того, прежде, чѣмъ она успѣетъ надѣть на себя одинъ разъ по одной штукѣ изъ каждой дюжины, все это выйдетъ изъ моды и должно будетъ замѣниться другимъ. Нужды нѣтъ; кЎкъ же не изготовить невѣстѣ такого приданаго, которое бы можно было выставить на показъ и о которомъ бы стали говорить въ городѣ, если другихъ новостей не хватитъ, цѣлые три дня? Впрочемъ, отъ Григорья Алексѣевича нельзя было и ожидать болѣе–разсудительнаго распоряженія; но, къ–сожалѣнію, поступаютъ такъ не одни Григоріи Алексѣевичи, а люди всѣхъ чиновъ, званій и прозваній. Иная чета дала бы дорого за то, немного лѣтъ спустя по свадьбѣ, еслибъ изъ этихъ никуда и ни къ чему негодныхъ тряпокъ и разныхъ принадлежностей къ нимъ могла

выручить хотя малую долю той суммы, которая утоплена въ нихъ безразсудными родителями.

Князь Бишбармакъ–Шемаханскій былъ древняго княжескаго рода; вотъ его родословная: жилъ нѣкогда отецъ — а былъ ли онъ также въ свою очередь сыномъ, — объ этомъ, за давностію времени, ничего не извѣстно; у этого отца былъ сынъ, у сына сынъ; за тѣмъ опять одного сына не досчитывались, но за то отъискался внукъ — это все равно — а у внука три сына: Окрошка, Бишбармакъ и Тюря; отъ средняго происходилъ, въ тринадцатомъ колѣнѣ, нашъ князь, коего предки приняли, для отличія отъ прочихъ и по поводу женитьбы одного изъ нихъ на шемаханской ханишнѣ, прозваніе Шемаханскихъ. Потомки ихъ очень гордились этою вполнѣ–достовѣрною родословною; имъ даже не приходило въ голову, что, по общему закону размноженія человѣческаго рода, всякій сынъ происходитъ отъ отца, который, въ качествѣ сына, также происходитъ отъ отца и матери, и такъ далѣе; князья Шемаханскіе, напротивъ, считали это обстоятельство своею собственною, личною принадлежностью и благодарили Бога, что Онъ взъискалъ ихъ такою непомѣрною милостію.

Нашъ князь давно уже оглядывался во всѣ стороны... кЎкъ бы это сказать за чѣмъ? за

подругой жизни, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ точно то же, чего искалъ Григорій Алексѣевичъ, то–есть, связей или богатства. Имѣніе князя сильно поразстроилось, чтѓ легко понять, вспомнивъ, черезъ сколько рукъ оно по наслѣдству проходило. Въ гостиныхъ, князь все еще былъ принятъ, какъ слѣдуетъ такому знатному барину; но разстроенное состояніе его, бурная и буйная жизнь, весьма–ненадежная нравственность и тому подобное, обратили его такъ–сказать въ одно только шпалерное украшеніе этихъ гостиныхъ, но никто изъ знати не согласился бы вступить съ нимъ въ ближайшій и кровный союзъ. Князь зналъ и видѣлъ это давно; лучшія лѣта его уже остались за нимъ — онъ обогналъ ихъ неосторожно на поприщѣ свѣтскаго рысистаго бѣга и не успѣлъ даже спохватиться... По всѣмъ симъ уваженіямъ, князь искалъ того, чтѣ ему нужно было, одною или двумя ступеньками пониже.

Услышавъ отъ подосланныхъ людей о штатскомъ генералѣ, у котораго такая милая дочь съ огромнымъ приданымъ — помѣстьями въ Екатеринославской, Полтавской, Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, князь нашелъ все это весьма по вкусу и опасаясь, чтобъ дѣло не разстроилось, торопился окончаніемъ его столько же, сколько дѣлалъ это и Григорій

Алексѣевичъ, и притомъ оба по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ. И тотъ и другой съумѣли прикинуться богатыми; оба другъ передъ другомъ мастерски съиграли комедію и другъ друга надували и обманывали. И тотъ и другой опасались, чтобъ правда не вышла вль–время наружу, а потому подличали на–выпередки одинъ передъ другимъ, восхищались другъ другомъ взапуски и не показывая вида, скрытно другъ о другѣ разузнавали что можно, а между–тѣмъ одинъ другаго торопили окончаніемъ дѣла.

Анна Герасимовна не находила въ этомъ ни дурнаго, ни слишкомъ–хорошаго; но положившись разъ на мужа, старалась успокоить и уговорить дочь. Бѣдная Надя, не видя никакихъ средствъ къ спасенію и зная только, что ей должно во всемъ повиноваться родителямъ, выплакала втихомолку всѣ слезы свои до послѣдней капли, молилась по цѣлымъ ночамъ передъ иконой, цаловала свою завѣтную ладонку и за тѣмъ предалась волѣ Божіей.

Былъ уже назначенъ день для дѣвичника и приглашенія разосланы. ПоварЎ съ поваренками, человѣкъ двадцать добавочной прислуги, даже нѣсколько дѣвушекъ изъ моднаго магазина, для пособія въ уборной, — словомъ, все было приговорено, приторговано и заготовлено, не исключая и огромнаго количества цвѣтовъ и

оранжерейныхъ деревьевъ, для украшенія лѣстницы и передней, потому–что балъ предполагался, какъ выражались оффиціанты, съ *потифлёрами*. Соображая еще кой–какія надобности, Григорій Алексѣевичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, какъ человѣкъ подалъ ему записочку, сказавъ: «отъ князя Башмаканскаго–съ».

— Дуракъ! самъ ты Башмаканскій, вскричалъ Григорій Алексѣевичъ: — пора вамъ научиться, какъ зовутъ князя, моего зятя: князь Бишбармакъ–Шемаханскій; князь Степанъ Львовичъ!

Распечатавъ записку, онъ прочиталъ:

«Сколько лестна была для меня надежда вступить съ вами въ кровный союзъ, столь горестно мнѣ теперь видѣть себя въ необходимости жертвовать собственнымъ счастіемъ для блага другихъ. Отъ этой обязанности благороднаго человѣка ничто не можетъ меня удержать. Вы, конечно, знаете, по собственному опыту, кЎкъ ненадежны бываютъ слухи или молва о земныхъ благахъ или богатствахъ человѣка; это крайне–обманчиво. Мы считали другъ друга богатыми, и оба ошиблись. Разстроенное положеніе нашихъ состояній заставляетъ меня просить васъ, какъ чадолюбиваго отца, осчастливить рукою

истинно–прелестной дочери вашей болѣе–достойнаго человѣка; отъ меня же принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи моемъ и преданности».

Письмо это такъ ясно по себѣ, что не требуетъ, конечно, никакого объясненія, кромѣ развѣ того только, какимъ образомъ князь столь внезапно и достовѣрно убѣдился въ этой обоюдной комедіи. Нѣкто, бывшій когда–то объигранъ княземъ въ карты до нитки и таскавшійся съ–тѣхъ–поръ по бѣлу–свѣту, служившій потомъ у Ахтубинскаго по особымъ порученіямъ, по частнымъ его дѣламъ и оборотамъ, былъ имъ обиженъ и выгнанъ, какъ говорится, безъ разсчета, т. е. безъ уплаты содержанія и другихъ, слѣдовавшихъ ему по разнымъ сдѣлкамъ денегъ. Оскорбленный этимъ и чувствуя заслуги свои относительно Григорія Алексѣевича, ради котораго онъ совершилъ много подлыхъ подвиговъ и принялъ много грѣха на душу, этотъ отставной человѣкъ поклялся отмстить ему и для этого явился къ прежнему своему знакомцу, князю. Чтобъ отвязаться отъ него, князь выслалъ ему подаяніе; но этотъ не принялъ его, а требовалъ личнаго свиданія по важному дѣлу. Сообщенныя имъ свѣдѣнія были такъ положительны и точны и оказались по забраннымъ на основаніи ихъ справкамъ такъ

вѣрны, что князь наградилъ своего нежданнаго лазутчика и, не откладывая дѣла, написалъ Ахтубинскому отказъ.

Григорій Алексѣевичъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ; но когда и вѣрные очки подтвердили ему прочитанное отъ слова до слова, то онъ растянулся въ креслахъ, закинулъ голову назадъ, зажмурился и сталъ дышать медленнѣе обыкновеннаго. Между–тѣмъ, княжій посланецъ, не подозрѣвая, вѣроятно, какую добрую вѣсть онъ принесъ, сталъ требовать отвѣта; человѣкъ вошелъ доложить объ этомъ, но баринъ молчалъ; тотъ, постоявъ, вышелъ, опять пришелъ и наконецъ обратился къ Аннѣ Герасимовнѣ. Лишь–только она, во всей невинности своей и добродушіи, вошла къ мужу и сказала: «Другъ мой, человѣкъ князя Степана Львовича уже съ часъ дожидается; онъ проситъ отвѣта...» какъ Григорій Алексѣевичъ разразился въ проклятіяхъ. Затѣмъ пошла суматоха по всему дому: чрезъ пять минутъ вся дворня не только узнала, что князь прислалъ отказъ, но и прослушала письмо его, прочитанное трижды вслухъ и толковала объ этомъ въ передней, на кухнѣ и на конюшнѣ. Въ–послѣдствіи только Григорій Алексѣевичъ нѣсколько опомнился и роздалъ съ пятокъ пощечинъ за то, что

подслушивали; но этимъ позднимъ раскаяніемъ онъ не помогъ дѣлу.

Анна Герасимовна, по женскому чувству, поняла, что это позоръ для дочери ея, и горько плакала; Григорій Алексѣевичъ ходилъ взадъ и впередъ, шумѣлъ, кричалъ, бранился и придумывалъ самыя нелѣпыя вещи; Надя наружно была спокойна, а сердце ея прыгало отъ радости; она старалась успокоить мать. Вотчимъ вскинулся за это на нее и безъ большаго труда довелъ ее до слезъ; тогда онъ напустился за это опять на нее же: «А ты чтѓ? ты о чемъ плачешь? Меня обидѣли, обезчестили, поругали — и это все ты — и ты же объ этомъ плачешь! Хороша дочка! Не умѣла приласкать его, не умѣла влюбить въ себя, какъ должно — вотъ теперь и плачь; и сиди!»

Перебѣсившись, однакоже, надобно было подумать о дѣлѣ. Приказали Надѣ быть больной, послали домовъ въ пятьдесятъ отказать приглашеніе; не велѣли пускать въ домъ ни души. Отказали также и поварамъ съ поваренками и оффиціантамъ съ потафлёрами, но этимъ дѣло не кончилось; пошли счеты и разсчеты за огромное количество забраннаго въ долгъ товара всякаго разбора: и съѣстное, и питейное, и наконецъ многоцѣнное тряпье, приданое, вообще почти ни къ чему негодное, а при теперешнихъ

обстоятельствахъ уже вовсе излишнее. Григорій Алексѣевичъ то бѣгалъ отъ несчастныхъ кредиторовъ своихъ, прятался, не сказывался дома, болѣлъ, то храбро принимался опять за разсчеты съ ними, шелъ на аккомодацію, какъ самъ онъ выражался, требуя, чтобъ все закупленное принято было обратно, за сбавкою десяти или пятнадцати со ста. Всѣ продѣлки эти огорчали бѣдную Надю до глубины души; она должна была спокойно смотрѣть на всѣ безразсудства своего вотчима; онъ разорялся въ глазахъ ея, какъ увѣрялъ, для нея и за нее; но во власти ея не было отклонить его въ-время отъ этого безразсудства.

Анна Герасимовна при такомъ положеніи дѣлъ приняла нѣсколько-болѣе участія въ судьбѣ дочери своей, чѣмъ можно было ожидать отъ обыкновенной ея безчувственности. Она старалась утѣшить по-свьему Надю, которая на-оборотъ желала бы успокоить мать и отца, вовсе не нуждаясь въ утѣшеніи ихъ относительно потери жениха, но принимая къ сердцу огорченіе родителей и въ-особенности безразсудство вотчима. Наконецъ, Григорій Алексѣевичъ, въ припадкѣ изступленія, по поводу несговорчивости кредиторовъ своихъ, отрекся торжественно отъ всякаго вмѣшательства въ участь Нади, сказавъ: «дѣлайте отнынѣ, чтъ

хотите; распоряжайтесь съ Анною Герасимовною, какъ знаете; какова матушка, такова и дочка; я умываю руки и впередъ не хочу и слышать о вашихъ бабьихъ сдѣлкахъ, не хочу и знать, кто и когда у васъ будетъ женихомъ».

IV.

ПРОЩАНЬЕ.

Между–тѣмъ, Горностай оправлялся отъ раны своей въ глухой сербской деревнѣ, и никто въ мірѣ, изъ знакомыхъ и сослуживцевъ, не считалъ его живымъ; онъ давно уже былъ исключенъ изъ списковъ, какъ убитый. Предоставимъ ему опять самому продолжать разсказъ:

Когда я проснулся утромъ довольно–поздно, то у дверей на лавкѣ сидѣла хозяйская дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, смѣнившая при мнѣ своего маленькаго брата. Она спокойно плела коклюшками синій гарусный снурокъ, который въ такомъ общемъ употребленіи у Сербовъ для цифровки суконной одежды. Замѣтивъ, что я проснулся, она поклонилась мнѣ привѣтливо, подошла и стала спрашивать осторожно, тихимъ голосомъ, не нужно ли мнѣ чего.

Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на прекрасную, рослую и статную дѣвушку въ пестрой народной одеждѣ, въ желтыхъ

сапожкахъ, коротенькой юбкѣ и какомъ–то мужскомъ чекменькѣ, въ головныхъ украшеніяхъ, которыя ей были очень къ–лицу. К÷къ тебя зовутъ, умница? спросилъ я.

— СтЎна.

— СтЎна! хорошее, но странное имя. Откуда оно у васъ?

— А когда я родилась у матушки, то она не захотѣла, чтобъ у нея были еще дѣти; довольно одной, подумала она, и назвала меня СтЎна, т. е. будетъ, довольно, стань.

— Чтѣ же? и у васъ природа повинуется такому приказанію? и болѣе дѣтей не было?

— Нѣтъ, сказала она смѣючись: — не повинуется. У матушки было послѣ меня еще двое, оба померли. Тогда она много молилась и просила у Бога прощенія за недоброе желаніе свое, и просила, чтобъ Онъ далъ ей ребенка, только не мертваго, а живаго. Родился нынѣшній братъ мой и его назвали Волкомъ (Вукъ), чтобъ вѣдьмы не могли его съѣсть, и онъ, слава Богу, живъ. А я все–таки осталась СтЎной, прибавила она смѣючись.

Ст÷на день–ото–дня ходила за мною съ бльшимъ вниманіемъ и дружбою; родители хвалили ее за это, и она отъ меня не отходила. Я вскорѣ замѣтилъ изъ разговоровъ ея, что она получила нѣкоторое образованіе; объ этомъ

позаботился отецъ, весьма–умный и довольно–образованный человѣкъ. Она охотно читала вслухъ, и перечитывала не только десятокъ–другой небогатой сербской словесности, но и чешскія книги, понимая ихъ очень–хорошо. Я сдѣлался ученикомъ ея, и вскорѣ сталъ свободно объясняться по–сербски. Она съ жадностію слушала все, чтѣ я ей объяснялъ и разсказывалъ, училась у меня по–русски, крайне жалѣла, что нѣгдѣ было достать русской книги, и съ такимъ участіемъ разспрашивала о Россіи, будто это была настоящая родина ея. И теперь еще я не совсѣмъ понимаю, откуда родилась въ ней эта возраставшая со–дня–на–день привязанность къ Россіи; но Ст÷на безпрестанно мечтала о томъ, кЎкъ бы она переселилась туда и кЎкъ бы стала дружно жить тамъ съ братьями и сестрами по племени, языку и вѣрѣ. Мечты ея образовали для нея какой–то тѣсный, братскій кругъ, счастливую страну, обѣтованную землю. Сербы тогда были очень привязаны къ Россіи, и притомъ уже съ давнихъ временъ какая–то темная надежда направляла всѣ желанія и помыслы ихъ на насъ; привязавшись ко мнѣ, СтЎна слила мечты свои съ этимъ народнымъ духомъ, и въ ней начинала развиваться тоска по родинѣ — смѣшно сказать, не по своей, а по чужой! Сербы отъ природы любятъ музыку; у Чудомила стояли маленькіе,

старинные клавикорды, и СтЎна играла на нихъ довольно–бѣгло, пѣла народныя пѣсни свои не ученымъ, но весьма пріятнымъ голосомъ, перелагая нерѣдко пѣсни эти такъ, что онѣ относились не до Сербіи, а до Россіи; тогда она оглядывалась на меня улыбаясь, и выманивала этимъ у меня также одобрительную улыбку, которая, можетъ–быть, выражала и нѣсколько–болѣе, чѣмъ одно только одобреніе.

— За чѣмъ же ты все поешь и говоришь о Россіи, милая Ст÷на, спросилъ я: — тогда–какъ ты въ–началѣ, когда отецъ твой взялъ меня къ себѣ въ домъ, говорила и пѣла о своемъ отечествѣ?

— За чѣмъ? сказала она: — за тѣмъ, что узнала Россію черезъ тебя, узнала въ тебѣ Русскаго и брата; я слышала доселѣ о Россіи отъ стариковъ — всѣ они туда смотрятъ, всѣ какъ–будто ждутъ своего счастья оттуда; я не понимала ихъ; теперь же и сама полюбила землю вашу и всѣхъ васъ!

— Но ты всегда бредишь Россіей; развѣ ты рѣшилась бы покинуть родину свою, промѣнять ее на чужбину?

— КЎкъ на чужбину? на какую?

— Да на Россію, о которой ты теперь мечтаешь, кажется, день и ночь!

— Россія не чужбина, сказала она, — но въ то же время покраснѣла и опустила вѣки. Я неожиданно попалъ въ какое–то странное положеніе, а потому остановился и не зналъ, какъ продолжать разговоръ.

Оставшись одинъ, я сталъ обдумывать настоящія свои отношенія. Сравненіе СтЎны съ Надей, конечно, оставляло милую хожалку мою въ темной тѣни; но сама–по–себѣ СтЎна была очень привлекательна. Я былъ свободенъ; ничто не связывало меня съ Надей; я поступилъ прямо и благородно: письменно отказался отъ всѣхъ надеждъ и притязаній, — все это такъ; но чтѣ, если Надя помнитъ слово, которое мнѣ сказала: «не покидайте же меня», и чтѣ тогда, если она помнитъ также отвѣтъ мой, котораго я не помню?

Стана, кажется, любитъ меня; она еще такъ молода, умна и любознательна, изъ нея можно сдѣлать все; она бы вскорѣ ни въ чемъ не уступила нашимъ образованнымъ дѣвушкамъ; отецъ ея любитъ и меня и Россію; можетъ–быть, онъ не захотѣлъ бы разорвать насильственно этотъ союзъ; можетъ–быть, даже рѣшился бы переселиться вмѣстѣ съ нами на мою родину, или оставилъ бы меня одинокаго, безроднаго у себя; развѣ мнѣ здѣсь не будетъ также хорошо? Все такъ; но чтѓ, если Надя ждетъ меня, если она перенесла за меня тысячу огорченій, и упорно,

настойчиво удаляла всѣхъ искателей? Чтѓ тогда, если даже упрямая и безразсудная воля отца ея не могла сокрушить этого мягкаго, но вѣрнаго сердца? чтѓ, если она помнитъ мой отвѣтъ, котораго я не помню?

Въ это мгновеніе меня поразило, какъ стрѣлой, воспоминаніе того разсказа, который я слушалъ на бивакахъ подъ Шумлой, наканунѣ или въ самую ночь моего плѣна. Одно слово это бросило мнѣ всю кровь въ голову. Я вообразилъ себѣ Надю въ такомъ же точно положеніи, какъ невѣсту легкомысленнаго французскаго офицера: обманутою, безумною, и наконецъ на одрѣ смерти... Дыханіе мое замерло; я хотѣлъ быть одинъ, не хотѣлъ никого видѣть; а между–тѣмъ, несносная и милая Ст÷на опять уже вертѣлась около меня и тѣмъ настойчивѣе приставала ко мнѣ съ своими вопросами, чѣмъ молчаливѣе и пасмурнѣе я ей казался. Я просилъ ее дать мнѣ покой, оставить меня одного, — для чего, зачѣмъ? я слабъ, я хочу отдохнуть! «Отдыхай; я никогда не мѣшала тебѣ и теперь не помѣшаю: я буду сидѣть смирно и тихо». Я настоялъ, чтобъ она вышла; но она сѣла у порога. Я легъ молча и отвернулся отъ нея; она вышла потихоньку и подошла къ окну, прямо насупротивъ меня. Это меня тревожило; я однакожь лежалъ смирно и не показывалъ вида, что замѣчаю ее; она пошла по

двору и по саду и распѣвала звонкимъ, яснымъ голосомъ своимъ сербскія и русскія пѣсни, заставляя меня противъ воли прислушиваться къ нимъ и разгадывать слова и смыслъ.

Я опять съ живостію вспомнилъ вечеръ на бивакахъ. Въ–самомъ–дѣлѣ, всѣ три разсказа этого вечера, не смотря на чрезвычайную разнородность свою, были въ какихъ–то весьма–близкихъ ко мнѣ отношеніяхъ: я былъ въ плѣну, испыталъ довольно–замѣчательныя похожденія и спасся, при содѣйствіи добрыхъ людей, бѣгствомъ — это было содержаніе перваго разсказа. Я былъ раненъ, по обыкновеннымъ понятіямъ, смертельно, а между–тѣмъ видимо выздоравливалъ, — это разсказъ доктора о канонирѣ, у котораго голова была сплюснута лепешкой; и я былъ спасенъ, хотя у меня и не было такого чудеснаго доктора. Наконецъ, нынѣ я попалъ въ такое положеніе, что и третій разсказъ, о покинутой невѣстѣ, какъ–будто угрожалъ надо мною исполниться. Это меня испугало, привело въ себя — и этому разсказу я обязанъ, можетъ–быть, своимъ спасеніемъ. Благодарность къ этимъ добрымъ людямъ, привязанность милой Ст÷ны и собственное, можетъ–быть, только мимолетное сочувствіе съ нею, могли бы заставить меня сдѣлать такой шагъ, за который совѣсть мучила бы меня по

гробъ. Болгарская собака спасла мнѣ жизнь, а случайный разсказъ товарища на бивакахъ спасъ мою честь и совѣсть.

Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ разсказать СтЎнѣ, что я женихъ и покинулъ на родинѣ своей невѣсту. Она разспрашивала меня обо всѣхъ подробностяхъ по этому дѣлу съ какимъ–то смѣшаннымъ чувствомъ любопытства, участія, радости и грусти. Я убѣдился, что успѣлъ еще вь–время отклонить непріятныя послѣдствія нашей тѣсной дружбы, но что и не должно было долѣе откладывать этого объясненія. Ст÷на, конечно, никогда не думала считать меня женихомъ своимъ, но ее, можетъ–быть, увлекало чувство безотчетное, которое теперь, къ–счастію, встрѣтило на пути своемъ порожекъ и запнулось. Ст÷на сдѣлалась въ обращеніи со мной болѣе робка и осторожна, часто потупляла черныя очи свои, но также охотно бесѣдовала о благословенной Россіи и, разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ предполагаемой ею счастливой будущности моей, часто трогала меня и въ то же время смѣшила.

Но я самъ для себя былъ и жалокъ и смѣшонъ. Безъ тѣни надежды на это будущее — я долженъ былъ лгать, прикидываться счастливымъ женихомъ, отказываться отъ настоящаго, въ которомъ я тогда точно видѣлъ сбыточность

моего семейнаго счастія — и воротившись на родину, закалить сердце свое окончательно и вынести безропотно ожидающую меня тамъ участь!

Наконецъ, время искуса моего стало приближаться къ исходу. Я ходилъ уже свободно и считалъ себя здоровымъ; я уже испытывалъ силы свои на охотѣ и въ дальнихъ прогулкахъ. Меня тяготило мое положеніе вдвойнѣ: я все еще былъ нахлѣбникомъ Чудомила, хотя онъ и не показалъ мнѣ ни однимъ словечкомъ, чтобъ я ему наскучилъ, или обременялъ его — и все еще видѣлъ передъ собою милую Ст÷ну, которая, не смотря ни на какія усилія надъ собою, не могла безъ слезъ вспомнить о предстоящей со мною разлукѣ. ВойскЎ наши уже снова двинулись за Дунай и частію вступили въ Малую–Валахію, въ сосѣдствѣ съ Сербіею. Узнавъ объ этомъ, я сталъ настойчиво просить своего хозяина отпустить меня, надѣясь достигнуть такъ или иначе до нашихъ войскъ.

— Доброе задумалъ, сказалъ Чудомилъ: — любо мнѣ, что ты гость мой; но тебѣ пора къ своимъ. Будешь опять бить Турковъ–собакъ. Только трудно: дорьги опасны, пути ты не знаешь, денегъ у тебя нѣтъ — Турки поймаютъ, такъ голову съимутъ съ плечъ, какъ кочерыжку. Надо дѣло сдѣлать толкомъ: я твой вожакъ; но я

соберу нынѣ вечеромъ раду, человѣкъ пять поумнѣе и поопытнѣе, и рѣшимъ, какимъ путемъ идти.

Вечеромъ, собрались старики на совѣтъ и на прощанье со мною. Чудомилъ угощалъ ихъ и Стана была нашимъ кравчимъ. Она ходила около насъ и прислуживала, но во все время не сказала ни слова; лицо ея выражало грусть, но и гордость побѣды надъ собой: она была спокойна и величава. Прощаясь со мною вечеромъ, она только сказала мнѣ: «Береги моего отца — видишь, какъ онъ тебя любитъ: онъ идетъ за тебя на большую опасность».

Рано на третій день, мы пустились верхами въ походъ. Не могу выразить, какъ сладко и больно было мнѣ послѣднее прощанье: опоздавшіе сосѣди догоняли насъ пѣшкомъ, кричали намъ въ–слѣдъ: «стань, братику!» подавали руки и напутствовали насъ своими пожеланіями.

СтЎна крѣпилась до послѣдней минуты; но вдругъ зарыдала, накрывъ лицо, и въ ту же минуту опомнилась, и также внезапно успокоилась. На лицѣ ея почти не было видно и слѣда слезъ и страданій. Она подошла ко мнѣ съ улыбкой, поцаловала мнѣ, по сербскому обычаю, руку, а потѣмъ дала себя обнять, — лицо и уста ея были холодны — потѣмъ бросилась къ отцу и,

повиснувъ на шеѣ его, дала свободу слезамъ. Онъ обнялъ ее, перекрестилъ, велѣлъ успокоиться и брать примѣръ съ матери, которая простилась съ мужемъ нѣжно, но разумно. Лицо СтЎны опять внезапно прояснилось, хотя слезы висѣли крупными каплями на щекахъ и рѣсницахъ. Мы сѣли на коней и пустились въ путь; она стояла рядомъ съ матерью, и смотрѣла намъ въ–слѣдъ, покуда поворотъ дороги въ кустахъ не скрылъ насъ отъ ея взора.

V.

БОЕЛЕШТИ.

Мы держались почти все на сѣверъ, мимо Нисы и Видина, въ тотъ уголокъ, гдѣ сходятся Болгарія, Сербія и Малая–Валахія. Чудомилъ, не разъ бывавшій въ походахъ, или, вѣрнѣе сказать, въ разбояхъ противъ Турковъ, выросшій на тревожной границѣ Сербіи и Турціи, гдѣ иногда крестьянинъ не выходитъ на пашню безъ винтовки за плечами, Чудомилъ былъ опытенъ и остороженъ. Глядя на него въ это время, трудно было узнать въ немъ мельника.

Къ границамъ Валахіи слухи становились опаснѣе: говорили, что шайки Турковъ бродятъ тамъ–и–сямъ, но мирные поселяне все еще проѣзжали довольно–спокойно. Подумавъ немного, Чудомилъ снялъ все вооруженіе свое и оставилъ его на границѣ у земляка, велѣвъ мнѣ

сдѣлать то же. «Такъ будетъ безопаснѣе» сказалъ онъ мнѣ и прибавилъ: «смотри, если наткнемся на Турковъ, говори, что мы Сербы, изъ Радомья, и ѣдемъ къ Туркамъ предложить имъ услуги свои послужить лазутчиками противъ Русскихъ; бѣдность наша заставила насъ рѣшиться на этотъ опасный промыслъ.»

Мы вступили въ Валахію. Здѣсь не было у насъ уже тѣхъ удобствъ подъ рукой, какъ дома: языкъ чужой, народъ робкій и недовѣрчивый, объятый страхомъ; пути неизвѣстны, радушія земляковъ нѣтъ. О Туркахъ говорили, что армія ихъ съ пашой стоитъ еще за Дунаемъ. Это было сказано около обѣда; къ вечеру, мы были у нихъ въ рукахъ, и насъ привели къ сераскиру. Это была та самая турецкая армія, которая такъ внезапно кинулась въ Малую–Валахію, чтобъ уничтожить отрядъ нашъ, прикрывавшій княжества отъ юго–востока. Разъѣздъ наткнулся на насъ, взялъ насъ безъ сопротивленія, и мы отвѣчали то, въ чемъ условились.

Продержавъ насъ сутки и принявъ нѣсколько разъ въ допросъ, — Чудомилъ говорилъ свободно по–турецки, — намъ повѣрили и рѣшились воспользоваться нашими услугами, посуливъ, однакожь, за измѣну — колъ. Но, не смотря ни на какія убѣжденія Чудомила,

сераскиръ не далъ намъ охраннаго листа, сказавъ, что этого не нужно.

Мы опять отправились впередъ, и надежда намъ снова улыбнулась, но жестоко измѣнила. Подо мной захромала лошадь; медленно подвигались мы впередъ, садясь поочередно на здоровую лошадь и идучи пѣшкомъ. Ночь насъ настигла, ливень промочилъ до нитки и залпъ бѣшеной шайки на самомъ поворотѣ въ лѣсокъ ослѣпилъ и приковалъ къ мѣсту, какъ внезапный ударъ молніи и грома среди ночной теми. Къ–счастію, одна только пуля угодила въ живое мясо, да и та въ моего бѣднаго, хромаго коня; остальныя просвистѣли мимо. Насъ связали, и ничто не могло увѣрить Турковъ, чтобъ мы не были русскими лазутчиками. Мысль эта, поселившись разъ въ воспламененномъ воображеніи изувѣровъ, искала и находила доказательства во всемъ, чтъ они видѣли и слышали: Сербы, братья Русскимъ, ночью крадутся къ турецкому посту, — это лазутчики; на дерево ихъ, петлю на шею, и дѣлу конецъ!

Приговоръ этотъ собирались уже исполнить; услужливый низамчи (служивый регулярнаго войска) отвязалъ отъ первой палатки пару оттяжекъ и сталъ завязывать петлю. Глядя на него, не смотря на незавидное положеніе наше, я однакожь невольно вспомнилъ замѣчаніе

бывшаго плѣннаго товарища моего въ Шумлѣ, Лаврентьева, который замѣтилъ, что его связали не пеньковою, а бумажною веревкой: и насъ собирались повѣсить на бумажной веревкѣ. Чудомилъ былъ спокоенъ и величавъ: трудно было ему перекричать разъяренную и буйную толпу, которая хотѣла одного только — крови; но онъ твердо стоялъ на своемъ и требовалъ, чтобъ его представили самому сераскиру, который наканунѣ лично говорилъ съ нимъ и далъ ему порученіе. Начальникъ партіи одумался, и намъ только связали руки тѣми же бумажными веревками, на которыхъ были уже закинуты петли для нашихъ шей.

Въ этомъ положеніи отправили насъ въ Калефатъ, вслѣдъ за турецкою главною квартирою; но, не заставъ уже тамъ сераскира, повезли далѣе, на Чорой, къ мѣстечку Боялешти, гдѣ она стояла лагеремъ. Все это длилось дня три, и насъ изрѣдка только на короткое время развязывали. Сераскиру было не до насъ; но услужливый вѣстовщикъ объявилъ намъ пріятную новость, будто паша отвѣчалъ на докладъ о насъ: «На чтѣ же мнѣ ихъ? я чтѓ съ ними буду дѣлать? Коли они лазутчики, такъ, разумѣется, повѣсить ихъ завтра же утромъ.»

Это происходило въ тотъ незабвенный вечеръ, который предшествовалъ ночной битвѣ

подъ Боялештами. Турки перешли у Видина Дунай въ значительныхъ силахъ и готовились раздавить русскій отрядъ, вшестеро–мньшій числомъ. Послѣ нерѣшительной дневной битвы, Турки окружили отрядъ нашъ, ждали только разсвѣта, чтобъ его уничтожить поголовно, и праздновали уже побѣду. Но военное счастіе судило иначе: безпечность Турковъ и рѣшимость Русскихъ повершили дѣло. Видя опасность свою, русскій военачальникъ могъ ждать спасенія только отъ внезапнаго и чрезвычайнаго усилія: Турки намѣревались разгромить его на слѣдующій день, а онъ предупредилъ ихъ, раздробилъ всѣ войска свои на малыя части, растянулъ ихъ по–возможности, обхватилъ въ темную ночь лагерь турецкій полукругомъ, ударилъ вдругъ съ трехъ сторонъ — и армія эта была уничтожена и разсѣяна поголовно; Букарестъ, вся Валахія были спасены, и тылъ арміи нашей обезпеченъ.

Послѣ дневныхъ стычекъ, ночь прекратила дѣйствія; Турки расположились ждать утра, увѣренные въ успѣхѣ. Мы лежали связанные среди лагеря; около насъ мало–по–малу все утихало; тутъ и тамъ дѣлались еще приготовленія къ завтрашнему бою; самонадѣянность праздновала уже прежде времени побѣду; тысячи огней дымились, обозначая среди совершенной

темноты, свойственной южнымъ ночамъ, весь турецкій лагерь. Турки стояли такъ оплошно, что русскій отрядъ, растянутый весь почти въ одну цѣпь, подошелъ вплоть, слышалъ говоръ, различалъ лица сидящихъ за огонькомъ и котлами, видѣлъ дымокъ, клубящійся отъ трубокъ, — а Турки въ это самое мгновеніе бесѣдовали о завтрашней вѣрной побѣдѣ и дѣлили въ умѣ добычу.

Какъ молнія изъ накопившейся тучи внезапно открылся бѣглый огонь по всей линіи огромнаго полукруга, обхватившаго нашъ, то-есть турецкій, станъ. Въ то же мгновеніе пѣхота кинулась въ штыки, конница мяла и давила все живое, чтъ на пути своемъ встрѣчала, рубила вправо и влѣво и неслась далѣе. Въ первую минуту, мы были несомнѣнно обязаны спасеніемъ своимъ именно тому, что лежали связанные: кто только успѣвалъ вскочить на ноги, пуститься бѣжать, схватиться за оружіе или за лошадь — легъ на мѣстѣ. Въ одну минуту все вокругъ насъ опустѣло: конница пронеслась, Турки бѣжали, или были изрублены; лошади сорвались съ коновязей и также понеслись во всѣ четыре стороны. Казалось, что мы были спасены; но положеніе наше все еще было крайне-загадочно и опасно: каждую минуту русскій штыкъ, пуля или сабля могли покончить

навсегда похожденія наши, прежде чѣмъ бы мы успѣли обнаружить ошибку. Чудомилъ удержалъ меня, когда я хотѣлъ распутать себѣ руки, сказавъ: «оставь; въ этомъ положеніи послѣдній солдатъ русскій не обидитъ насъ, увѣрившись несомнѣнно, что мы враги Туркамъ и у нихъ въ плѣну; а если мы въ полутурецкой одеждѣ своей пойдемъ бродить по стану, то легко можемъ за это дорого поплатиться».

Наконецъ, говоръ людской сталъ опять приближаться къ намъ; это была цѣпь небольшаго резерва, подавшагося теперь впередъ. Я подозвалъ солдата, лишь–только могъ окликать его голосомъ, сказалъ, что мы Русскіе, просимъ помощи его и спрашивалъ, гдѣ офицеръ. Насъ развязали; человѣкъ пять собрались около насъ и не знали, правду ли мы говоримъ, свои ли мы, или насъ, для вѣрности, должно считать непріятелями!

— Чтѣ тамъ у васъ? раздалось со стороны, и голосъ мнѣ показался знакомымъ: — чтѓ тамъ?

— Да вотъ, отвѣчалъ другой: — какіе–то двое, да говорятъ, что наши; а одинъ и по–русски плохо знаетъ!

— Врутъ они! продолжалъ опять первый, подходя ближе: — чего ты имъ въ зубы глядишь? Бей своихъ, чужіе бояться будутъ. Какіе это

свои? Все тѣ же собаки; вишь, шаровары копной раздуло!

— Лаврентьевъ! вскричалъ я съ изумленіемъ: — Лаврентьевъ! это ты?

— Кто? я? да ты откуда меня знаешь?.. прости Господи, ваше благородіе! Андрей Ефимовичъ! и кинулся на меня, какъ на роднаго сына.

— Хорошъ, сказалъ я: — нѝчего сказать; и ты же, старый товарищъ, хотѣлъ на меня руку поднять за то, что тебѣ шаровары мои не понравились, а?

— Отсохни она, рука эта, отвѣчалъ онъ: — грѣхъ попуталъ, Андрей Ефимовичъ; вѣдь не видалъ я, ей–Богу, не узналъ; ну, кЎкъ было подумать... Ахъ ты Господи, создатель мой!

На утро я былъ представленъ начальству вмѣстѣ съ моимъ добрымъ Чудомиломъ, и просилъ ему награды, какъ человѣку, спасшему жизнь русскому офицеру отъ искренняго усердія, и подвергавшему за него даже собственную жизнь свою неоднократно крайней опасности. Ему выдали похвальный листъ и полсотни червонцевъ, представивъ еще къ медали, которую онъ также въ–послѣдствіи получилъ. Денегъ онъ сначала не хотѣлъ принять, полагая, что это мои; когда же ему растолковали, что ему жалуется это именемъ царя русскаго, то онъ поцаловалъ

червонцы и назначилъ ихъ въ приданое своей дочери. Я могъ только достать отъ маркитанта взаймы кусокъ турецкой ткани съ золотыми цвѣтами, называемой дамхани, или донхани, и послалъ его СтЎнѣ. Весь край очистился отъ Турковъ, и Чудомилъ, послѣ искреннихъ, братскихъ объятій со мною, отправился въ обратный путь.

Лаврентьевъ долго не могъ постигнуть, какимъ–образомъ я, дважды убитый, погибшій и безъ вѣсти пропавшій, очутился въ турецкомъ станѣ, въ полутурецкой одеждѣ и наконецъ примкнулъ опять, живъ и здоровъ, къ войскамъ нашимъ, съ которыми благополучно окончилъ походъ. «Живўчи вы, ваше благородіе», говорилъ онъ: «нѝчего сказать: дай вамъ Богъ столько лѣтъ жить, сколько разъ я васъ поминалъ въ молитвахъ послѣ того, какъ казаки васъ высвободили изъ плѣна, а вы опять–себѣ пропали безъ вѣсти. Не жалѣйте, ваше благородіе, собакъ этихъ: по дѣломъ вору и мука; что покинешь одного живаго, то больше хлопотъ съ нимъ наживешь, да еще, чего добраго, на томъ свѣтѣ за него отвѣчать станешь; а чѣмъ скорѣе повыбьемъ всѣхъ, то скорѣе мѣсто очистимъ, да домой пойдемъ.»

VI.
ТОЧКА.

Покончивъ походъ, награжденъ будучи за плѣнъ свой чиномъ, а за тяжелую рану крестикомъ и пенсіономъ, я взялъ отпускъ и поѣхалъ прямо изъ карантина въ свое полтавское имѣньице, чтобъ собрать тамъ двугодичныя недоимки и хозяйственные барыши, да расположить судьбу свою на будущее время. Я рѣшился выйдти въ отставку и, чувствуя себя теперь довольно–спокойнымъ, заняться науками.

Кто не испыталъ этого наслажденія — возвратиться на родину свою, послѣ долговременной отлучки, послѣ многихъ и тяжкихъ испытаній, трудовъ и лишеній, тотъ не пойметъ меня, если я скажу, что каждый прутъ, каждый кустъ и дерево въ моемъ скромномъ уголкѣ утѣшали, спокоили и радовали меня какъ ребенка. Я прожилъ съ недѣлю, не видавъ, кЎкъ время прошло, и тогда только наконецъ вспомнилъ о бѣдномъ, разоренномъ хуторѣ бывшаго генеральнаго судьи, гдѣ случилась со мною когда–то такая неожиданная встрѣча. Мнѣ захотѣлось навѣстить этотъ уголокъ, съ которымъ сопряжено было для меня столько дорогихъ воспоминаній, и я поѣхалъ на охоту, направивъ путь свой прямо въ ту сторону.

Я прибылъ подъ вечеръ; солнце бросало наклонные лучи свои прямо въ окна хутора, и зеленоватыя, пузырчатыя стекла отражали ихъ игриво–золотистымъ блескомъ, переливаясь во всѣ радужные цвѣтЎ.

Я подъѣхалъ ближе, обошелъ пѣшкомъ вкругъ сада, — все было уныло и пусто; видно, помѣщикъ давно не заглядывалъ въ дочернину вотчину. Я взошелъ на крылечко съ дубовыми рѣзными столбиками, — никого не было видно: издали только прошла баба съ запасомъ кукурузы въ подолѣ и дворняшка стояла въ нерѣшимости у воротъ, не зная, продолжать ли ей лѣнивый лай свой, или успокоиться и улечься на мѣстѣ. Вдругъ дверь за мною скрипнула, я оглянулся, и Надя стояла передо мной.

Я растерялся до того, что не зналъ, переступить ли завѣтный порогъ, въ сѣнцы, или бѣжать, какъ сумасшедшій, въ поле. Она все еще стояла передо мною и плакала. Я подошелъ, ухватилъ руку ея, и колѣни мои подкосились; Надя почувствовала это, отступила еще на шагъ въ глубину сѣней, а я послѣдовалъ за нею... Услышавъ шаги въ ближайшемъ покоѣ, куда двери остались на половину растворенными, я вырвался изъ объятій надиныхъ и съ нею вмѣстѣ встрѣтилъ въ дверяхъ кого–то изъ прислуги.

Мы вошли. Распросамъ не было конца; но отвѣты были скоры и бѣглы: въ четверть часа мы узнали другъ отъ друга все, чтъ было нужно. Григорій Алексѣевичъ, удрученный неудачами, разоренный окончательно послѣднимъ предпріятіемъ своимъ выдать Надю за князя Шемаханскаго, преслѣдуемый кредиторами, не будучи въ состояніи держаться долѣе въ столицахъ, отдалъ всю движимую собственность свою, набранную имъ бльшею частію въ долгъ, на расхищеніе неумолимыхъ, обезпечилъ себя отъ тюрьмы состояніемъ на службѣ и уѣхалъ въ безсрочный отпускъ на этотъ наслѣдственный женинъ хуторокъ. Тутъ онъ сидѣлъ у моря и ждалъ погоды, не знаю только какой, и сочинялъ новые планы на блестящую будущность. Его теперь не было дома.

Надя побѣжала за матерью; часть прислуги, знавшая меня, явилась у дверей, раскланивалась со мною, радовалась мнѣ, а надина нянюшка горько плакала и, кажется, про себя молилась.

Надя опять вбѣжала, статная, веселая, легкая какъ птичка, позвала меня въ гостиную и сказала, что мать сейчасъ будетъ. Нянюшку свою она обняла и спровадила во внутренніе покои.

Анна Герасимовна встрѣтила меня точно такъ, будто мы вчера только разстались и будто она меня сегодня ждала, зная, что я живъ и

здоровъ и на вечеръ къ нимъ буду. Иначе она привѣтствовать не умѣла и предоставила дочери разспрашивать меня обо всемъ; сама же сидѣла, улыбаясь, слушала и качала иногда одобрительно своею шарообразною головкой. Огромный платчище закрывалъ не только всю верхнюю половину особы ея, но даже и руки постоянно проживали подъ этимъ цыганскимъ одѣяломъ, придерживая на груди края его, будто остальная одежда не была въ такомъ состоянiи, чтобъ можно было показаться въ ней передъ постороннимъ человѣкомъ.

Вдругъ послышались мужскiе шаги. Надя прошептала: «папенька!» взглянула на мать и на меня и сложила руки ладонями; я невольно привсталъ, и Григорiй Алексѣевичъ стоялъ передъ нами.

Люди сказали ему уже, что я здѣсь; онъ принялъ меня, вопреки всякаго ожиданiя моего, очень–радушно и привѣтливо. Я нашелъ въ немъ большую перемѣну: въ два года онъ состарѣлся, замѣтно посѣдѣлъ и спустился съ высокихъ ходулей своихъ пониже. Онъ, правда, и теперь еще былъ весь начиненъ предположенiями и несбыточными затѣями, на которыхъ думалъ внезапно опять подняться, но, казалось, болталъ только, по старой привычкѣ, все одно и то же, или передѣлывалъ, для забавы, старую погудку

на новый ладъ, но и самъ не обращалъ большаго вниманія на болтовню свою, и черезъ четверть часа говорилъ опять иное.

Я объяснилъ, что никакъ не полагалъ застать здѣсь Григорія Алексѣевича съ семействомъ, а проживъ нѣсколько дней у себя, заѣхалъ случайно, вздумавъ навѣстить бывшій хуторъ генеральнаго судьи. Надя отъ души радовалась веселому расположенію отца своего и не знала, кЎкъ ему угодить и отблагодарить за такую неожиданную милость. Разсказы мои обо всѣхъ моихъ похожденіяхъ удостоились общаго вниманія и удивленія, и даже приглашенія Григорья Алексѣевича не уѣзжать безъ чаю, а потомъ остаться ужинать. Мнѣ показалось, что надобно ковать желѣзо, покуда оно не простыло; я видимо выросъ на четверть въ глазахъ Григорья Алексѣевича, дослужившись въ два года до подпоручика, пенсіи и креста, о чемъ онъ нѣсколько разъ подробно разспрашивалъ, приговаривалъ: «а, а!» и подымалъ брови повыше. Несчастное вмѣшательство его въ судьбу Нади, вѣроятно, было у него еще въ свѣжей памяти; собственное его жалкое положеніе, не смотря на всѣ грезившіяся ему надежды, даже и въ его глазахъ потеряло уже много блеска; словомъ, мнѣ казалось, что участь

моя должна рѣшиться, такъ или иначе, сегодня же.

Онъ повелъ меня смотрѣть хозяйство, и у Нади достало духа спросить позволенія идти съ нами. Григорій Алексѣевичъ при этомъ случаѣ не упустилъ распространиться въ похвалахъ на счетъ добрыхъ хозяйственныхъ качествъ падчерицы своей и прибавилъ: «иди, пойдемъ, покажи гостю товаръ свой лицомъ!»

Хозяйство это было, впрочемъ, не слишкомъ–казисто: пятокъ разношерстныхъ лошадей, и въ томъ числѣ кобыла съ жеребенкомъ *собственнаго завода;* при нихъ козелъ, который очень забавлялъ хозяина; десятокъ овецъ, и съ ними коза; гумно было только указано пальцемъ издали, потому–что на немъ предполагалось поставить со–временемъ много хлѣба, но теперь не было ничего; садъ, запущенный, заглохшій бурьяномъ, все–таки вѣковыми деревьями своими поселялъ болѣе пріятное чувство, нежели полураскрытыя кровли ухожей и бѣдное хозяйство.

Мы самъ–третей ходили въ саду, по главной, нѣсколько прочищенной дорожкѣ; Григорій Алексѣевичъ старался занять меня предположеніемъ своимъ: завести картофельный–паточный заводъ, скупать въ большомъ количествѣ дешевые плоды и ягоды,

варить варенье и отправлять его въ обѣ столицы. Онъ разсчитывалъ, что патоку можно поставить по рублю серебромъ пудъ; ягоды и плоды почти ни–по–чемъ; пудъ варенья долженъ обойдтись никакъ не дороже пяти или шести рублей, а продастся по двадцати–пяти, и Григорій Алексѣевичъ наживетъ въ одинъ оборотъ 500 со ста.

Одобривъ это геніальное предположеніе, я сдѣлалъ крутой поворотъ на другой предметъ и сказалъ: «Позвольте же мнѣ теперь переговорить съ вами нѣсколько словъ. Я никакъ не предполагалъ, что буду имѣть удовольствіе встрѣтиться сегодня съ вами и семействомъ вашимъ; но нечаянный случай этотъ долженъ рѣшить мою судьбу: или вы меня назовете своимъ и я буду навѣщать васъ часто, или я опять прощусь съ вами, вѣроятно, навсегда. Отдайте за меня падчерицу вашу, — вы видите, время не измѣнило моихъ чувствъ: вы, можетъ–быть, два года тому не полагались на меня; теперь судьба наша все еще въ вашихъ рукахъ; отдайте за меня вашу дочь!»

Надя загорѣлась въ лицѣ, едва держалась на ногахъ, едва переводила духъ и не поднимала глазъ. Она, кажется, скорѣе ожидала удара грома среди яснаго неба, чѣмъ этого внезапнаго

объясненія; она не смѣла отстать отъ насъ, не смѣла за нами слѣдовать; я остановился.

Григорій Алексѣевичъ выслушалъ меня, а потомъ вдругъ проворно зажалъ уши и закричалъ: «И не говори мнѣ объ этомъ; слышать не хочу. Я отъ бабьихъ дѣлъ этихъ отрекся и отказался. Вотъ тебѣ, вотъ — и перекрестился — я въ это мѣшаться не хочу и не стану, ни за что на свѣтѣ, хоть вы меня распинайте, хоть...»

— Позвольте жь, перебилъ я его, ухвативъ за руку: — такъ ли я понялъ васъ; боюсь ошибиться; вы не противитесь этому?

— Я не противлюсь ничему болѣе, я въ дѣло это не мѣшаюсь. Какъ онѣ себѣ тамъ хотятъ...

— О, такъ вы насъ благословляете, сказалъ я, опустившись на одно колѣно и взявъ руку Нади, которая, склонивъ головку, также опустилась со мною рядомъ; Григорій Алексѣевичъ медлилъ; но я положилъ руку его сперва на свою голову, потомъ на голову Нади и сказалъ: «да благословитъ же Господь союзъ нашъ, милая Надя, отецъ насъ благословляетъ!»

Она, зарыдавъ, бросилась въ мои объятія; мы оба обняли Григорія Алексѣевича, который былъ видимо тронутъ, но повторялъ: «Богъ съ вами, Богъ съ вами — не я, не я — идите къ матери...»

Приказаніе это мы исполнили; Григорій Алексѣевичъ шелъ за нами медленными шагами. Она взглянула на насъ съ небольшимъ изумленіемъ, когда мы вошли рука–въ–руку и съ лицами, на которыхъ, конечно, выражалось нѣчто особенное; но едва я сказалъ: «матушка, благословите насъ, отецъ благословилъ...», какъ у нея слезы ударили ключомъ и она обоихъ насъ прижала къ груди.

Объясненія и оправданія Григорія Алексѣевича были за тѣмъ очень–забавны: онъ все старался доказать, что онъ сдержалъ слово свое и въ это дѣло не мѣшался, хотя и благословилъ насъ первый, но что сдѣлалъ это не отъ себя и никакой отвѣтственности на себя не принимаетъ. Теперь все это насъ нисколько не безпокоило и не огорчало; развязка вышла такъ неожиданно–хороша, что мы оба не могли опомниться. Анна Герасимовна была ею также очень–довольна; но она даже и не полюбопытствовала спросить насъ, к÷къ все это сталось: она довольствовалась тѣмъ, чтъ передъ собою видѣла. Счастливая душа!

Андрей Алексѣевичъ написалъ мнѣ на письмо мое объ этомъ происшествіи:

«Я твой отвѣтчикъ, Андрей Ефимовичъ, передъ Богомъ и передъ людьми, коли братъ Григорій отвѣчать за тебя боится. Я буду на

коренную, буду и въ Харьковѣ. Смотри, Алеутъ, раньше свадьбы не играйте. Скажи брату, чтобъ звалъ меня, не то и незваный пріѣду, ей–ей. Иной мастеръ дѣла боится — это я; сколько ни хлопоталъ за васъ, не могъ сдѣлать ничего; инаго мастера дѣло боится — это, видно, ты братъ, сладилъ молодцомъ. Торгуй у сосѣдей изъ–подъ руки землицу: я одинокъ, надобно надѣлить чѣмъ Богъ послалъ молодую твою: ей же, голубушкѣ моей, и всю суету суетъ откажу, какъ Богъ по душу пошлетъ; тогда помяните раба Божія Андрея!»

В. ЛУГАНСКІЙ.